

Том 11, № 2, 2021

ISSN 2226-7867 (Print)
ISSN 2629-1482 (Online)

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ВЕСТНИК ФИНАНСОВОГО УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

DOI: 10.26794/2226-7867

Издание перерегистрировано
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций:
ПИ № ФС77-67071
от 15 сентября 2016 г.

The edition is reregistered
in the Federal Service for Supervision
of Communications,
Informational Technologies and Media Control:
PI No. ФС77-67071
of 15, September, 2016

Периодичность издания – 6 номеров в год

Publication frequency – 6 issues per year

Учредитель: «Финансовый университет»

Founder: “Financial University”

Журнал входит в перечень периодических
научных изданий, рекомендуемых ВАК
для публикации основных результатов
диссертаций на соискание ученых степеней
кандидата и доктора наук, включен в ядро
Российского индекса научного цитирования
(РИНЦ)

The Journal is included in the list
of academic periodicals recommended
by the Higher Attestation Commission for
publishing the main findings of PhD and
ScD dissertations, included in the core of the
Russian Science
Citation Index (RSCI)

Журнал распространяется по подписке.
Подписной индекс 44090 в объединенном
каталоге «Пресса России»

The Journal is distributed by subscription.
Subscription index: 44090 in the consolidated
catalogue “The Press of Russia”

Vol. 11, No. 2, 2021

**GUMANITARNYE NAUKI. VESTNIK FINANSOVOGO
UNIVERSITETA (HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES.
BULLETIN OF THE FINANCIAL UNIVERSITY)**

SCIENTIFIC AND PRACTICAL JOURNAL

НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ
БИБЛИОТЕКА
LIBRARY.RU

elpub.

RePEc

ROAR

СОЦИОНЕТ

EBSCOhost

Google Scholar

OCLC WorldCat

ВЫСШАЯ
АТТЕСТАЦИОННАЯ КОМИССИЯ (ВАК)
при Министерстве образования и науки Российской Федерации

CYBERLENINKA

DOAJ DIRECTORY OF
OPEN ACCESS
JOURNALS

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель редсовета – **М.А. Эскиндаров**, доктор экономических наук, профессор, ректор Финансового университета, академик Российской академии образования;

С.В. Алексеев, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и исторического архивоведения Московского государственного института культуры, председатель Историко-просветительского общества «Радетель»;

А.Н. Аринин, доктор политических наук, директор Института федерализма и гражданского общества, депутат Государственной Думы Федерального собрания РФ первого (1993–1995) и второго (1995–1999) созывов;

А.И. Ильинский, доктор технических наук, профессор, научный руководитель факультета международных экономических отношений Финансового университета;

Ф.А. Лукьянов, председатель Президиума Совета по внешней и оборонной политике (СВОП), главный редактор журнала «Россия в глобальной политике»;

И.Ю. Новицкий, депутат Московской городской Думы (1993–2014), заведующий кафедрой государственного и муниципального управления Международного университета в Москве;

А.В. Островский, доктор экономических наук, профессор, заместитель директора Института Дальнего Востока Российской академии наук (РАН);

В.В. Фёдоров, кандидат политических наук, генеральный директор Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), научный руководитель факультета социологии и политологии Финансового университета;

В.Г. Федотова, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН;

В.Ф. Шрейдер, доктор политических наук, депутат Государственной Думы VI созыва от «Единой России», член комитета ГД по федеративному устройству и вопросам местного самоуправления, член-корреспондент Международной академии общественных наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор – **А.Б. Шатилов**, кандидат политических наук, профессор, декан факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета;

Заместитель главного редактора – **А.Г. Тюриков**, доктор социологических наук, профессор, руководитель Департамента социологии Финансового университета;
Заместитель главного редактора – **Я.А. Пляйс**, доктор исторических наук, доктор политических наук, профессор-исследователь Департамента политологии Финансового университета;

С.Ю. Белоконов, кандидат политических наук, доцент, научный руководитель факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета;

А.Н. Зубец, доктор экономических наук, директор Института социально-экономических исследований Финансового университета;

В.В. Кафтан, доктор философских наук, профессор Департамента массовых коммуникаций и медиабизнеса Финансового университета;

В.А. Лапшов, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии Московского государственного лингвистического университета;

Д.З. Музашвили, кандидат философских наук, заместитель декана факультета социальных наук и массовых коммуникаций по научной работе Финансового университета;

А.В. Пачкалов, кандидат исторических наук, доцент Департамента гуманитарных наук Финансового университета;

Д.В. Петросянец, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра макроэкономических исследований Финансового университета;

М.В. Полевая, руководитель Департамента психологии и развития человеческого капитала; главный научный сотрудник Центра исследований экономического поведения личности Финансового университета;

С.В. Распоргуев, доктор политических наук, профессор Департамента политологии Финансового университета;

Г.Г. Силласте, доктор философских наук, научный руководитель Департамента социологии Финансового университета;

К.В. Симонов, кандидат политических наук, профессор, руководитель Департамента политологии Финансового университета;

А.А. Трошин, кандидат философских наук, заместитель декана по магистратуре и профориентационной деятельности Факультета социологии и политологии Финансового университета

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Д. Байчунь, доктор наук, профессор Пекинского педагогического университета, директор Культурного центра китайско-российских отношений (Китай);

Н.М. Долгополов, заместитель главного редактора «Российской газеты», член Союза журналистов РФ, член Союза писателей Москвы и Межрегионального союза писательских организаций (Россия);

Т.М. Кальво Мартинес, доктор наук, профессор, директор Парижского международного института философии (Испания);

Р. Крумм, руководитель московского филиала Фонда имени Фридриха Эберта (Россия);

В. Макбрайд, доктор наук, профессор, президент Международной федерации философских обществ (США);

И. Мамед-заде, доктор философских наук, профессор, директор Института философии, социологии и права НАН Азербайджана (Азербайджан);

К. Мацузато, доктор права, профессор, Токийский университет (Япония);

А.Н. Нысанбаев, доктор философских наук, профессор, академик Академии наук Казахстана, научный руководитель Института философии Академии наук Казахстана (Казахстан);

Ж.-Л. Трюэль, доктор экономических наук, консультант по развитию международных отношений в РФ и странах СНГ, вице-президент Ассоциации экономистов Le Cercle Kondratieff («Кружок Кондратьева»), профессор Университета Париж-12 (Франция);

К. Уилкокс, доктор политических наук, заслуженный профессор кафедры управления Университета Джорджтаун (США);

Цуй Чжэн, кандидат политических наук, доцент, заместитель директора Центра исследований экономики и политики стран с переходной экономикой Ляонинского университета (КНР)

EDITORIAL BOARD

Chairman of the Editorial Council – **M.A. Eskindarov**,
Doctor of Economics, Professor, Rector of the Financial University,
Academician of the Russian Academy of Education;
S.V. Alekseev, Doctor of History, Professor, Department
of History and Historical Archive Science of Moscow State Institute
of Culture; Chairman of Historical and Educational Society
“The Guardian”;
A.N. Arinin, Doctor of Political Sciences, Director of the Institute
of Federalism and Civil Society, Deputy of the State Duma
of the First (1993–1995) and Second (1995–1999) Convocations;
A.I. Ilinskij, Doctor of Engineering, Professor, Scientific Chairman
of the Faculty of International Economic Relations, Financial
University;
F.A. Lukyanov, Chairman of the Presidium of the Foreign and
Defense Policy Council (SWAP), Editor-in-chief of the journal “Russia
in Global Affairs”;
I.Y. Novitsky, Deputy of the Moscow City Duma (1993–2014), Head
of the Department of State and Municipal Administration of the
International University in Moscow;
A.V. Ostrovsky, Doctor of Economics, Professor, Deputy Director
of the Institute of the Far East, Russian Academy of Science;
V.V. Fedorov, Cand. Sci. of Political Science, Director General of the
All-Russian Public Opinion Research Center (VTSIOM), Scientific
Chairman of the Faculty “Sociology and Political Sciences”, Financial
University;
V.G. Fedotova, Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher
at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Science;
V.F. Schreider, Doctor of Political Sciences, Deputy of the State Duma
of the VI Convocation from the “United Russia”, member of the State
Duma Committee on the Federal Structure and Local Government,
Corresponding-member of the International Academy of Social
Science

EDITORIAL COUNCIL

Editor-in-Chief – **A.B. Shatilov**,
Cand. Sci. of Political Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Social
Sciences and Mass Communications, Financial University;
Deputy Editor – **A.G. Tjurikov**, Doctor of Sociology, Head of Department
of Sociology, Financial University;
Deputy Editor – **Y.A. Pleis**, Doctor of History, Doctor of Political Sciences,
Research Professor at the Department of Political Sciences, Financial
University;
S. Yu. Belokonev, Cand. Sci. of Political Sciences, Associate Professor,
Scientific Chairman of the Faculty of Social Sciences and Mass
Communications, Financial University;
A.N. Zubets, Doctor of Economics, Director of the Institute of Socio-
economic Research, Financial University;
V.V. Kaftan, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Mass
Communications and Media Business, Financial University;
V.A. Lapshov, Doctor of Social Sciences, Professor, Head of Department
of Sociology at Moscow State Linguistic University;
D.Z. Muzashvili, Cand. Sci. of Philosophy, Deputy Dean of the Faculty
of Social Sciences and Mass Communications for research work,
Financial University;
A.V. Pachkalov, Cand. Sci. of History, Associate Professor, Department
of Humanitarian Sciences, Financial University;
D.V. Petrosyants, Cand. Sci. of Economics, Senior Researcher of the Center
for Macroeconomic Research, Financial University, Moscow, Russia;
M.V. Polevaya, Head of the Department of Psychology and Human
Capital Development; Chief Researcher at the Center for Research
on the Economic Behavior of the Personality of the Financial University;
S.V. Rastorguev, Doctor of Political Sciences, Professor, Department
of Political Sciences, Financial University;
G.G. Sillaste, Doctor of Philosophy, Scientific Chairwoman of Department
of Sociology, Financial University;
K.V. Simonov, Cand. Sci. of Political Sciences, Professor,
Head of Department of Political Science, Financial University;
A.A. Troshin, Cand. Sci. of Philosophy, Deputy Dean for master’s degree
and career guidance of the “Sociology and Political Sciences” Faculty,
Financial University

EDITORIAL COUNCIL

D. Baychun, Doctor, Professor, Beijing Pedagogical University, Director
of the Cultural Center of the Sino-Russian Relations (China);
N.M. Dolgoplov, Deputy Editor of the “Russian Newspaper”, a member
of the Union of Journalists of Russia, a member of the Union of Writers
of Moscow and of the Interregional Union of Writers’ Organizations (Russia);
T.M. Calvo Martinez, Doctor of Philosophy, Professor of Greek Philosophy
at the Universidad Complutense (Madrid, Spain); Director of the
International Institute of Philosophy in Paris (Spain);
R. Krumm, Director of the Moscow branch of the Friedrich Ebert
Foundation (Russia);
W. McBride, Doctor of Philosophy, Professor of Department of Philosophy
at Purdue University, Honorary President of the International Federation
of Philosophical Societies (USA);
I. Mamed-Zadeh, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute
of Philosophy, Sociology and Law, National Academy of Sciences
of Azerbaijan (Azerbaijan);

K. Matsuzato, Doctor of Law, Department of Law
and Politics, University of Tokyo (Japan);
A.N. Nysanbaev, Doctor, Professor, Full member
of the Academy of Sciences of Kazakhstan, Scientific Director
of Institute of Philosophy, Academy of Sciences
of Kazakhstan (Kazakhstan);
J.-L. Truel, Doctor of Economics, Associate Professor
at Université Paris-Est Créteil, Managing director
of International Business Development, Vice-President
of the Association of Economists “Le Cercle Kondratieff”;
C. Wilcox, Doctor of Political Sciences, Professor,
Department of Government, Georgetown University,
Washington, D.C. U.S.;
Cui Zheng, Cand. Sci. of Political Sciences, Associate Professor,
Deputy Director of Research Centre for the Economics and Politics
of Transitional Countries, Liaoning University (China)

СОДЕРЖАНИЕ

К 10-ЛЕТИЮ ФАКУЛЬТЕТА СОЦИАЛЬНЫХ НАУК И МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ – ФАКУЛЬТЕТА СОЦИОЛОГИИ И ПОЛИТОЛОГИИ ФИНАНСОВОГО УНИВЕРСИТЕТА: КАК ВСЕ НАЧИНАЛОСЬ

<i>Пляйс Я.А.</i> 10 лет движения вверх: история Факультета с его предысторией	6
<i>Г.Г. Силласте.</i> Социология в Финансовом университете: как все начиналось	10

ТЕМА НОМЕРА: ГЛОБАЛЬНАЯ ТУРБУЛЕНТНОСТЬ: РИСКИ И ИЗДЕРЖКИ

<i>Зубец А.Н.</i> Выбор для Запада: развилка между инновационным прорывом и информационной диктатурой.	16
<i>Галас М.Л.</i> Европейское региональное сотрудничество в сфере упреждения деструктивности и криминализации кризисной миграции	23
<i>Кириллов Д.В.</i> Децентрализованные автономные организации как новый формат ведения бизнеса в цифровой экономике	30
<i>Кулакова Н.Н.</i> Роль силовых структур в периоды политической турбулентности	35
<i>Климова И.И., Козловцева Н.А., Конурбаев М.Э.</i> Новые формы научного взаимодействия в эпоху цивилизационного слома	41

ФУНДАМЕНТАЛЬНОЕ НАУЧНОЕ ЗНАНИЕ

<i>Белоконов С.Ю., Левина Е.В.</i> Теоретико-методологические аспекты изучения электорального потенциала публичных политиков и их позиционирование в социальных медиа	47
<i>Зубов В.В.</i> Сравнительная характеристика политических режимов Германии 1933–1945 годов и Австрии 1933–1938 годов: опыт междисциплинарного исследования	56
<i>Евгеньева Т.В., Селезнёва А.В., Антонов Д.Е.</i> Политическая культура российской студенческой молодежи: ценностные, образно-символические и поведенческие аспекты	63
<i>Крутаков Л.В.</i> О политической природе «рыночного доминирования» в энергетической сфере (кризис 1973 года)	72

АКТУАЛЬНЫЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Кишкембаев А.Б.</i> О реализации политики и мерах в сфере экономической интеграции и предпринимательства в рамках Евразийского экономического союза	82
<i>Чепель С.Л.</i> Динамика электоральной подвижности и перспективы развития партийной системы РФ (на примере регионов Центрального федерального округа)	87
<i>Каминская Т.Л.</i> Ответственность за медиаконтент и проблема цензурирования коммуникационного пространства России	96
<i>Домбровская А.Ю.</i> Правозащитные информационные потоки в социальных медиа в структуре цифровой репрезентации гражданской активности россиян в 2020 году: результаты социально-медийного анализа	102
<i>Синицын С.Н.</i> Современный социалистический Вьетнам: перспективы для инвесторов	111
<i>Максимова О.И.</i> О некоторых аспектах эмоционального интеллекта и его использования в вузе	114
<i>Пономарёва А.В., Яковлева Е.Н.</i> Взаимосвязь когнитивных и коммуникативных аспектов при обучении иностранному языку студентов неязыковых вузов	120

СТАРТАП МОЛОДОГО УЧЕНОГО

<i>Мпуйи Нгуала Н.</i> Последствия COVID-19 для экономики Африки	125
--	-----

CONTENTS

ON THE 10TH ANNIVERSARY OF THE FACULTY OF SOCIAL SCIENCES
AND MASS COMMUNICATIONS – FACULTY OF SOCIOLOGY AND
POLITICAL SCIENCES OF THE FINANCIAL UNIVERSITY:

HOW IT ALL BEGAN

- Plyays Ya.A.* 10 Hears of Upward Movement: The History of the Faculty and its Prehistory. 6
- Sillaste G.G.* Sociology at the Financial University: How it All Began 10

COVER STORY: GLOBAL TURBULENCE: RISKS AND COSTS

- Zubets A.N.* The Choice for the West: Bifurcation Between Innovation Breakthrough and Information Dictatorship 16
- Galas M.L.* European Regional Cooperation in the Rectification of Destructiveness and Criminalisation of Crisis Migration 23
- Kirillov D.V.* Decentralised Autonomous Organisations as a New Form of Doing Business in the Digital Economy. 30
- Kulakova N.N.* The Role of the Security Forces in Times of political Turbulence 35
- Klimova I.I., Kozlovtsseva N.A., Konurbaev M.E.* New Forms of Scientific Interaction in the Era of Civilizational Shift 41

FUNDAMENTAL SCIENTIFIC KNOWLED

- Belokonev S. Yu., Levina E.V.* Theoretical and Methodological Aspects of Studying Public Politics' Electoral Potential and Their Social Media Positioning. 47
- Zubov V.V.* Comparative Characteristics of the Political Regimes of Germany in 1933–1945 and of Austria 1933–1938: The Experience of Interdisciplinary Research 56
- Evgenyeva T.V., Selezneva A.V., Antonov D.E.* Political Culture of the Russian Students: Value-based, Figurative-symbolic and Behavioural Aspects. 63
- Krutakov L.V.* On the Political Nature of “Market Dominance” in the Energy Sector (1973 Crisis) 72

CURRENT SOCIO-POLITICAL RESEARCH

- Kishkembaev A.B.* On the Implementation of Policies and Measures in the Field of Economic Integration and Entrepreneurship within the Framework of the Eurasian Economic Union. 82
- Chepel S.L.* Dynamics of Electoral Volatility and the Perspectives of the Party System Development in the Russian Federation (on the Example of Regions of the Central Federal District) 87
- Kaminskaya T.L.* Responsibility for Media Content and the Problem of Censoring the Communication Space of Russia 96
- Dombrovskaya A. Yu.* Information Flows Concerning Human Rights Protection in the Digital Representation Structure of Russians' Civic Engagement in 2020: Results of Social Media Analysis. 102
- Sinitsyn S.N.* Modern Socialist Vietnam: Perspectives for Investors 111
- Maksimova O.I.* On Some Aspects of Emotional Intelligence and Its Use in the Higher Education Entities. 114
- Ponomareva A.V., Yakovleva E.N.* The Relationship between Cognitive and Communicative Aspects in Teaching a Foreign Language to Students of Non-linguistic Universities 120

STARTUP OF YOUNG RESEARCHER

- Mpouyi Ngouala N.* Les conséquences du COVID-19 sur l'économie africaine 125

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ.
ВЕСТНИК ФИНАНСОВОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Международный
научно-практический журнал
Том 11, № 2 (50), 2021

Главный редактор –

А.Б. Шатилов

Заведующий редакцией
научных журналов –

В.А. Шадрин

Выпускающий редактор –

Ю.М. Анютина

Корректор – **С.Ф. Михайлова**

Верстка – **С.М. Ветров**

Переводчик – **З. Межва**

Адрес редакции:

125993, Москва, ГСП-3,
Ленинградский пр-т, 53, к. 5.6
Тел.: **8 (499) 943-98-02**
E-mail: julia.an@mail.ru
[http://www.fa.ru/dep/jgn/
about/Pages/default.aspx](http://www.fa.ru/dep/jgn/about/Pages/default.aspx)

Оформление подписки
в редакции

по тел.: **8 (499) 943-94-31**,
e-mail: MMKorigova@fa.ru;
Коригова М.М.

Подписано в печать 01.04.2021

Формат 60 x 84 1/8.

Объем 15,36 усл.п. л.

Заказ № 261

Отпечатано в Отделе
полиграфии

Финансового университета
(Ленинградский пр-т, д. 51)

© *Финансовый университет*

Editor-in-Chief – **A.B. Shatilov**

Head of Scientific Journals

Editorial Department –

V.A. Shadrin

Managing editor –

Yu.M. Anyutina

Proofreader – **S.F. Mihaylova**

Design, make up – **S.M. Vetrov**

Translator – **Z. Mierzva**

Editorial address:

53, Leningradsky prospekt, office 5.6
Moscow, 125993

tel.: **+7 (499) 943-98-02**

E-mail: julia.an@mail.ru

[http://www.fa.ru/dep/jgn/
about/Pages/default.aspx](http://www.fa.ru/dep/jgn/about/Pages/default.aspx)

Subscription in editorial office

tel.: +7 (499) 943-94-31

e-mail: MMKorigova@fa.ru

Signed for press on 01.04.2021

Format 60 x 84 1/8.

Size 15,36 printer sheets.

Order № 261

Printed by Publishing House

of the Financial University

(51, Leningradsky prospekt)

© *Financial University*

10 лет движения вверх: история Факультета с его предысторией

10 Hears of Upward Movement: The History of the Faculty and its Prehistory

Я.А. Пляйс

Финансовый университет,
Москва, Россия

1 февраля 2021 г. исполнилось 10 лет с того дня, как в нашем вузе был создан Факультет социологии и политологии¹. Остановимся подробнее на развитии политологической составляющей ФСП.

Для открытия политологического направления в нашем университете были **и причины, и условия, и предпосылки**. Основная **причина** заключалась в том, что в вузе при Правительстве РФ, где много десятилетий велась подготовка *финансово-экономической элиты* страны, целесообразно было заняться также обучением политологов, хорошо разбирающихся не только в существе внутренней и внешней политики страны, но и в ее экономике, и финансах. Речь, таким образом, изначально шла не просто о политологическом, а о **политолого-экономическом** образовании.

Настаивая на открытии именно такого направления подготовки, я, будучи в то время заведующим кафедрой «Социально-политические науки», руководствовался тем, что политику и экономику разрывать нельзя, что политика — это концентрированное выражение экономики, и обе они — две стороны одной медали. При этом я, естественно, хорошо понимал, что по многим причинам (кадры, учебно-методическая база, лицензия и пр.) реализовать именно такое направление будет значительно труднее, чем просто политологическое. Тем не менее именно такое решение было более правильным. В этом я убежден и сегодня. Более того, я считаю, что и в других вузах, которые занимаются подготовкой политологов,

приоритетным должно быть именно такое направление.

Кроме причин для успешного решения сформулированной задачи нужны были также **предпосылки и благоприятные условия**.

Что касается **условий**, то они заключались главным образом в позиции ректора университета профессора М.А. Эскиндарова, который взял на себя ответственность за открытие нового и, прямо скажем, достаточно необычного для финансово-экономического вуза направления подготовки студентов и получение государственной лицензии. Полагаю, что Михаил Абдурахманович учитывал, какие для этого были созданы **предпосылки**.

Главная из предпосылок заключалась в том, что начиная с 1991 г. в Финансовой академии успешно функционировала и развивалась кафедра политологии. С самого начала ее руководителем была доктор экономических наук, профессор Галина Владимировна Полунина. Именно на ее плечи в начале 90-х гг. лег основной груз по созданию учебно-методической базы нового курса «Политология», обязательного для всех студентов не только нашего вуза, но и всех вузов России².

В первые постсоветские годы учебно-методическая база для этого курса являлась большой проблемой и для преподавателей, и для студентов. Созданием такой базы активно занимались все ведущие вузы нашей страны — авторы отечест-

---

¹ Строго говоря, сначала Факультет назывался «Право и политология», и он был открыт раньше, 1 сентября 2010 г. Его деканом был профессор В.К. Поспелов. В том же году на отделение политологии поступили 34 студента, из них 22 — на бюджетной основе.

² В последующие годы этот подход был изменен, и во многих вузах политология стала либо курсом по выбору, либо вообще перестала преподаваться, что, на мой взгляд, неверно в принципе, так как именно этот курс закладывает у студентов основы политической культуры и политической грамотности, без которых сознательного гражданина-патриота быть не может.

венных учебников широко использовали переводные западные аналоги, в чем были и плюсы, и минусы. Основной плюс состоял в том, что студенты и преподаватели приобщались к знаниям мировой политической науки, накопленным не одним поколением ученых-обществоведов, устоявшимся и проверенным временем. Минус же заключался в том, что западные учебники, разработанные на основе либеральной идеологии и практики, как выяснилось со временем, не соответствовали традиционным морально-нравственным ценностям российского общества и историческому опыту организации нашей жизни. Иначе говоря, на повестке дня сразу стал вопрос о создании *собственной* национально-теоретической базы и, конечно же, учебников, основанных на этой базе. Это достаточно сложная задача, требующая больших усилий и многих лет целеустремленных трудов. По большому счету, эта задача не решена до сих пор. И не только по причине ее очевидной сложности, но и потому, что многие из моих коллег не считают ее актуальной, поскольку, как они полагают, наука по своей сути едина.

Несмотря на возникшие трудности, задача создания собственного учебника и всей остальной учебно-методической базы была успешно решена коллективом кафедры политологии Финансовой академии уже к середине 1990-х гг. В результате в 1996 г. Финансовой академией было выпущено учебное пособие «Политология» тиражом 250 экз. под редакцией Г.В. Полуниной. Можно, пожалуй, считать, что это было экспериментальное пособие, которое предстояло еще проверить в учебном процессе. Основной вклад в его разработку внесла Галина Владимировна, но в списке авторов значились и другие члены кафедры: доцент Н.А. Карамышева, Т.В. Семькина, В.Т. Завьялов, старший преподаватель Н.Н. Седых. Участие в создании этого пособия принял также кандидат экономических наук, доцент М.А. Эскиндаров, бывший в то время проректором Финансовой академии по учебной работе. В 1998 г. этот труд (уже как учебник) был опубликован под редакцией ректора Финансовой академии профессора А.Г. Грязновой, в 2006 г. перешедшей на должность президента нашего вуза. В пространной статье к этому учебнику Алла Георгиевна писала: «Данный учебник преследует двуединую цель. Во-первых, комплексно и системно в достаточно полном объеме раскрыть круг вопросов, изучаемых

политической наукой (часть 1). И, во-вторых, показать, как в реальной жизни общества взаимодействуют две крупнейшие его системы — политическая и экономическая (часть 2). Такое целостное знание о происходящих в обществах процессах особенно важно для выпускников экономических вузов, которым предстоит работать в хозяйственной среде, где каждая сфера (финансы, банковское дело, страхование, налогообложение, аудиторские услуги, рынок ценных бумаг и т.д.) прямо или косвенно связана с политическими процессами».

Во вступительной статье А.Г. Грязновой также отмечалось, что «взаимосвязь и взаимозависимость политической и экономической общественных систем — универсальное явление, характерное для всех государств, во все времена их истории. Уровень и характер развития экономической системы во многом предопределяются политической средой: формой политического правления и политическим режимом, характером политической власти и степенью ее легитимности, уровнем развития гражданского общества, личностью политического лидера, развитостью партийной системы».

Вопросам взаимодействия экономической и политической систем посвящена вторая часть этого учебника, озаглавленная «Политика и экономика». Она состоит из шести глав, авторами которых являлись профессор М.А. Эскиндаров (главы 15 и 16) и профессор Г.В. Полунина (главы 17–20). В этих главах на конкретных примерах, как российских, так и зарубежных, рассматривались не только вопросы взаимодействия политической и экономической систем общества, но и экономическая политика, экономическая сфера гражданского общества, бизнес и политика, политический маркетинг, лоббизм в структуре политической сферы общества.

Обобщая аспект, связанный с нашими первыми учебниками, отмечу, что, во-первых, они уже в то время совершенно обоснованно исходили из неразрывной связи политики и экономики, а во-вторых, они учитывали актуальные проблемы российской жизни. В последующие годы материал этого учебника неоднократно дополнялся, особенно в той части, которая относится к современной российской политике. Три издания учебника в течение примерно 10 лет привели к тому, что он стал весьма популярным среди студентов российских вузов, особенно тех, которые готовили экономистов.

Наравне с основным курсом политологии студентам академии стали преподаваться курсы по выбору, число которых постепенно росло. Все они также требовали создания соответствующей учебно-методической базы.

В конце 2000 г. руководство академии выступило с инициативой объединить три кафедры — политологии, отечественной истории, а также культурологии и психологии делового общения — в одну, под названием «Социально-политические науки», которую предложили возглавить мне. В последующие годы она трижды реорганизовывалась, в результате чего на базе секций образовались новые кафедры: «Прикладная психология» и «История», преобразованная затем в «Экономическую историю». Что же касается самой кафедры политологии, то в результате разделения на ее базе были образованы «Общая политология» и «Прикладная политология». В 2016 г. эти две кафедры объединили и, присоединив к ним лабораторию анализа современной российской политики, а также Институт современного государства и гражданского общества, создали Департамент политологии, ставший затем Департаментом политологии и массовых коммуникаций.

Несмотря на то что и кафедра, и департамент преподавали политологию на всех факультетах нашего вуза, особое внимание они, естественно, всегда уделяли работе со студентами и аспирантами «родного» факультета. Кстати говоря, подготовка магистрантов началась вскоре после открытия бакалавриата, а именно в 2012 г. Программа их подготовки под названием «Политико-экономические основы устойчивости современных государств», на которую с самого начала было выделено 10 бюджетных мест, стала логическим продолжением политолого-экономического направления подготовки бакалавров. В 2019 г. к этой программе добавилась еще одна — «PR и GR технологии в политике и бизнесе». В 2021 г. на эту программу впервые выделено 5 бюджетных мест. В этом же году планируется открытие новых профилей подготовки бакалавров: «Мировая политика», «Политические технологии», «Политический блоггинг и социальные сети». Надо полагать, что со временем потребуются открытие и других актуальных профилей подготовки как бакалавров, так и магистров.

Развитие образовательной инфраструктуры сопровождалось **формированием и развитием научных структур**. Начало этому процессу было положено с открытием в 2006 г. аспирантуры по

научной специальности 23.00.02 — «Политические институты, процессы и технологии», и уже в 2009 г. состоялись защиты первых кандидатских диссертаций — О.В. Гончаренко (Ерохиной) и П.С. Селезнева, который в 2015 г. защитил также докторскую диссертацию. Сейчас они оба успешно работают в нашем университете: О.В. Ерохина на должности доцента, а П.С. Селезнев — профессора и одновременно первого заместителя декана Факультета социальных наук и массовых коммуникаций (образован на базе ФСП 1 июля 2020 г.). В 2015 г. доктором политических наук стал также кандидат исторических наук С.В. Расторгуев, пришедший к нам на кафедру 1 сентября 2001 г. Ныне он работает заместителем руководителя Департамента политологии по учебно-методической работе и на должности профессора много преподает.

До ноября 2019 г., когда в нашем университете был открыт собственный диссертационный совет по упомянутой выше специальности, у наших аспирантов и докторантов не было возможности защитить диссертацию. Те из них, которые были готовы к защите, осуществляли это либо в МГУ им. М.В. Ломоносова, либо в РАНХиГС, РГСУ, РУДН и др. В настоящее время такая возможность появилась и у нас, поскольку в университете был сформирован собственный политологический диссертационный совет. Сложности, возникшие в связи с COVID-19, несколько нарушили наши планы, однако в конце октября 2020 г. мы все же смогли принять к защите две кандидатские диссертации наших аспирантов — С.Ю. Дроновой и Д.А. Баранова. 4 февраля 2021 г. они успешно защитили свои работы.

Успешная работа диссовета поможет нам усилить корпус высококвалифицированных преподавателей и ученых, прежде всего, за счет наших лучших выпускников, обладающих способностями в области науки и образования и склонных к тому, чтобы остаться после учебы и успешной защиты диссертации в университете. Открытие диссовета позволило также начать прием в нашу докторантуру. Таким образом, все звенья научной инфраструктуры не только созданы, но и работают.

Обобщая, отмечу, что инфраструктурный, во многом количественный этап успешно преодолен, и это позволяет перейти к решению задач следующего этапа — качественного развития всего того, что было создано, и того, что еще предстоит создать. А это новые профили (специ-

альности), лаборатории, центры и пр. Одним из таких центров, кстати говоря, мог бы стать Центр актуальных политологических исследований (ЦАПИ), состоящий из двух секций (отделов): теоретических и прикладных (практических) исследований. Созданные структуры позволяют на высоком уровне решать задачи подготовки квалифицированных специалистов политологов-практиков и ученых, способных успешно развивать политическую науку. На качественном этапе особое внимание (несмотря на всю важность подготовки кадров) должно быть, на мой взгляд, обращено на создание национальной теоретической базы с тем, чтобы в конечном счете Факультет превратился в признанный центр отечественной политической науки и подготовки высокопрофессиональных политологов. Здесь, полагаю, будет уместно обратить внимание на то, что решение задачи первого этапа развития любой науки или учебной структуры — это лишь начало процесса. Чтобы созданная инфраструктура эффективно работала, ее следует изо дня в день совершенствовать и развивать. Но и это еще не все. Инфраструктура нужна еще для создания национальной теоретической базы науки, для чего необходимы научные школы, центры, лаборатории и пр. Ясно, что это задача коллектива не одного вуза, а всего научного сообщества. Однако и отдельный коллектив профессионалов, целеустремленно и интенсивно работающий, может сделать немало. Особенно, если есть продуманный план работы. Развитая эффективная инфраструктура, равно как и основательно разработанная теоретическая база, нужна для того, чтобы образовательный и научный потенциал мог грамотно и эффективно использоваться для решения практических задач. В конечном счете именно для этого создаются и развиваются

и образовательные, и научные структуры. А толк должен быть в более грамотном решении задач внутренней и внешней политики, что в итоге должно привести к улучшению жизни народа в целом. Именно в этом состоит основное предназначение науки вообще и политической в частности.

Поздравляя всех с первым серьезным юбилеем — 10-летием факультета, хочу отметить, что в последующие годы нам предстоит решить не менее сложные и не менее трудоемкие задачи. Заглядывая в будущее, создавая предпосылки для его наступления, мы должны стремиться к тому, чтобы правильно выстраивать алгоритм наших действий. Поэтому полагаю, что было бы целесообразно разработать и принять стратегический план основных направлений деятельности Факультета на последующие 10 лет. Важнейшей его задачей вижу превращение Факультета не только в общепризнанный центр подготовки высококвалифицированных политологов, социологов, управленцев и специалистов в области PR, но и мощный научный центр общероссийского значения. Очень надеюсь, что те усилия, которые целенаправленно прилагались большим коллективом специалистов в течение прошедших 10 лет, заложили надежную основу для решения этой задачи.

Заканчивая свое повествование, отмечу, что достаточно быстрое качественное и количественное развитие Факультета за прошедшие 10 лет сопровождалось не только оперативным решением тех задач, о которых говорилось выше, но еще появлением новых профилей подготовки специалистов и изменением состава и количества студентов. Так же как менялись и росли коллективы сотрудников деканата, кафедр, и нескольких департаментов.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Яков Андреевич Пляйс — Председатель Профессорского клуба, Финансовый университет, Москва, Россия
YPlyas@fa.ru

ABOUT THE AUTHOR

Yakov A. Plyays — Chairman of the Professors' Club, Financial University, Moscow, Russia
YPlyas@fa.ru

Социология в Финансовом университете: как все начиналось

Sociology at the Financial University: How it All Began

Г.Г. Силласте
Финансовый университет,
Москва, Россия

По-разному можно относиться к юбилеям. Личные юбилеи навевают грусть, и чем солиднее юбилей, тем сильнее. Коллективные — напротив, вызывают чувство гордости и удовлетворенности движением к развитию и перспективам. Это в полной мере относится к 10-летнему юбилею Факультета социальных наук и массовых коммуникаций.

Как утверждает нумерология, десятка обладает удивительной силой и символизирует величайшую мудрость и чистейшую любовь; жизненный путь, пройденный от начала до конца, и завершенность какого-то дела. Факультет завершает свое первое десятилетие, которое (как давно доказано практикой) является самым сложным в становлении какого-либо серьезного дела. Чтобы Факультет прошел свое первое десятилетие, от руководителей требуется мудрость и любовь к своему коллективу, способная стимулировать его работу и стремление сделать больше. Этими качествами обладает руководитель факультета — юбиляр Александр Борисович Шатилов.

Поэтому коллектив факультета, образованного и открывшего свой первый учебный год как **Факультет социологии и политологии** в 2010 г. на базе двух уже опытных и «бывалых» кафедр (социологии — под руководством проф. Г.Г. Силласте и политологии — под руководством проф. Я.А. Пляйса) быстро набирал силу, увеличивая с каждым годом набор студентов. Ко времени празднования своего 10-летия Факультет укрепил свою весовую категорию, образовав дополнительно два внутренних департамента: Департамент массовых коммуникаций и медиабизнеса и Департамент психологии и человеческого капитала. Таким образом, он подошел к юбилейной дате в прекрасной интеллектуальной и физической форме, с большой научно-образовательной энергетикой. С чем я его и весь наш коллектив искренне **поздравляю**.

Поздравляю и как соратник, и как ветеран — 31 мая 2021 г. кафедре социологии исполняется

25 лет¹. Она была создана в 1996 г. в Финансовой академии, правопреемником которой является Финансовый университет при Правительстве РФ. Поэтому, отмечая первое десятилетие славного пути, предлагаю вспомнить прошлое факультета и оценить некоторые уроки для успешного будущего.

Москва. 1994 г. Март. Финансовая академия при Правительстве РФ. Закончилась большая научная конференция по женскому предпринимательству, организованная по предложению российско-немецкой Ассоциации «Мюльхаймская инициатива», на которую меня как ученого и президента Международной ассоциации «Женщины и развитие» пригласили выступить с докладом. Все прошло успешно. Сидя в зале Ученого совета и слушая ректора Финакадемии профессора А.Г. Грязнову, я вспомнила: «А ведь в этом круглом зале я уже выступала». 1990 г. Институт общественных наук при ЦК КПСС, встреча с ректором Юрием Андреевичем Красиным. Мы обсуждали позиции на ожидающем нас (как показало время — историческом) Совещании секретарей по идеологии всех союзных (тогда еще советских) республик по острейшей для того времени проблеме «Межнациональные отношения и национальная политика партии в условиях перестройки». На нем меня как специалиста по данным вопросам профессора Академии общественных наук и советника ЦК КПСС, попросили выступить с пленарным докладом.

И вот, всего 4 года спустя — другая страна, другая аудитория, другая повестка. Но — тот же зал Ученого совета, однако незнакомого мне вуза — Финансовой академии при Правительстве РФ. Мелькнула мысль, что однажды, спустя всего лишь полтора года после выступления в этом зале, все радикально изменилось в жизни нашей страны, в моей жизни

¹ Приказ от 17.06.1996 № 294–2/1 «О создании кафедры социологии» [В соответствии с решением Ученого Совета Финансовой академии при Правительстве РФ от 31.05.1996. (протокол № 24)].

и в жизни всех без исключения моих коллег, участвовавших в том памятном совещании. «Знаковое место», — подумала я.

Спустя несколько часов мы ехали в машине с ректором Финансовой Академии профессором Аллой Георгиевной Грязновой в Министерство социальной защиты населения на заседание Комиссии по вопросам женщин, семьи и демографии при Президенте РФ. Состоялся дружеский разговор, который поставил меня в тупик. В ответ на мой вопрос, есть ли в вашем вузе кафедра социологии, прозвучал ответ: «Никогда не было и пока нет. Если придете, — будет. Сами ее и создадите»...

Ответить на неожиданное предложение ректора я была явно не готова. Почувствовав себя неловко, попросила дать время подумать, посоветоваться с мужем.

Вторая наша встреча состоялась в сентябре 1995 г. Китай. Всемирная конференция по положению женщин в Пекине, где по разным линиям мы оказались в одной команде — Правительственной делегации РФ. Однако в Пекине ректор Финансовой академии — женщина проницательная, опытная и решительная, с ярко выраженным государственным мышлением и чутьем руководителя, четко определяющего, когда, кто и для чего ей нужен в работе, — поставила вопрос со всей определенностью: «Когда Вы готовы выйти на работу?» Договорились, что в ближайшее время, но с одним небольшим условием: сначала — только на полставки, так как мне надо было понять перспективы социологии в этом вузе, ее возможное применение в столь специфической сфере и найти свою тактику преподавания социологии студентам, учитывая, что она никогда ранее в вузе не преподавалась. Много возникло вопросов и сомнений. Но условие было принято, и 1995–1996 учебный год я начала профессором-совместителем на кафедре философии.

Задача была определена: на основе авторской методики начать читать лекции студентам 3-х и 4-х курсов нескольких экономических факультетов в ряде групп для апробации и определения барьера ее восприятия студентами. Вначале было ощущение, будто вступаю на тонкий лед, но через две-три недели стало понятно, что «лед» не такой уж и тонкий, и социолог на нем может чувствовать себя вполне уверенно. Студенты хорошо понимали, много спрашивали, и я решила сделать упор на прикладной подход: вот сфера финансов, а вот возможности социологии «поработать» внутри этой сферы. Что значит «клиентура банка» с социологических позиций? А что такое «мошенниче-

ство», если подойти к его анализу с точки зрения конфликта интересов, возможностей и поведения? И так — от занятия к занятию: социологические возможности понимания скрытых социальных процессов внутри малопонятной тогда рыночной экономики и сферы финансовой деятельности.

Всегда с благодарностью буду вспоминать поддержку Аллы Георгиевны Грязновой, так как очень скоро я поняла, в какую антагонистическую, по отношению к социологии, среду попала. Зоной противоречия интересов стало глубокое непонимание социологии и ее интегративных возможностей в познании сферы экономики и финансов со стороны ряда деканов, которые в новой дисциплине увидели «конкурентку», забирающую учебные часы на «ненужные студентам знания».

Это был первый социальный урок: при внедрении социологии в отраслевом вузе важно сосредотачиваться не только на аудиторной работе со студентами — здесь нужна разъяснительная работа среди вузовских факультетских управленцев, особенно среди тех, кто влияет на формирование учебного процесса.

Урок второй состоит в том, что внедрять социологию в отраслевом вузе, тем более финансово-экономическом, может только высококвалифицированный, стратегически мыслящий руководитель, понимающий необходимость междисциплинарности в подготовке будущих социоэкономистов — представителей отечественной интеллигенции. Мне повезло — я работала именно с таким ректором.

Урок третий напоминает, что внедрение новой научно-образовательной дисциплины нуждается в регулярном контроле со стороны преподавателя качества своей аудиторной работы со студентами, своего рода — социологический аудит.

Как это работает на практике? Будучи в довузовской жизни профессиональным лектором, я использовала хорошо оправдавший себя еще при работе в Эстонии социологический инструмент контроля удовлетворенности аудитории состоявшимся занятием (любой формы). Это была анкета «Лектор и аудитория». Благодаря анкетному экспресс-опросу аудиторий в конце лекций я имела четкую и оперативную социологическую картину мнения студентов всех групп о состоявшихся занятиях. Потому я могла гибко реагировать, корректируя методы работы с аудиторией, устанавливая более тесные контакты и взаимопонимание со студентами. К концу учебного года у меня была полная обобщенная картина отношения студентов ко мне как к лектору и к восприятию новой дисциплины.

К концу 1995–1996 учебного года, прочитав свой экспериментальный курс лекций ряду экономических факультетов, я была готова представить ректору концепцию развития социологии в Финансовой академии с авторской учебной программой. У меня не оставалось серьезных сомнений в том, что преподавать и развивать социологию в таком вузе можно и нужно, но для этого нужна своя, нестандартная методика (та, что сегодня называется инновационной) и иное соотношение учебных часов.

Прошло много лет с начала апробации курса социологии, но я до сих пор добрым словом вспоминаю заведующего кафедрой философии, профессора-шахматиста Михаила Васильевича Вальяно и коллектив его кафедры, ставших в для меня первым причалом в новом вузе. В этом коллективе я нашла и первых единомышленников, пригласив через год двоих из них на кафедру социологии: доцента З.А. Субботину и преподавателя А.А. Николаева.

Апробацию преподавания социологии, как помню, начала с Факультета налогообложения и до сих пор благодарна заведующей кафедрой налогов, опытному практику и ученому профессору Лидии Петровне Павловой. Она первой пригласила меня вести курс «Социология» студентам-«налоговикам» и поддерживала это сотрудничество все годы работы в Финакадемии, передав со временем кафедру доброжелательному и открытому к сотрудничеству специалисту-профессору Любове Ивановне Гончаренко. Не удивительно, что именно с этой кафедрой мы ввели первый в вузе учебный курс «Социология налогов и формирование налоговой культуры», который активно посещали студенты. А студенты этого факультета Олег Слабкий и Антон Гребенчук в 2000-х гг. на нашем Диссертационном совете защищали первые в Финакадемии кандидатские диссертации по «экономической социологии и демографии».

Другой формат внедрения нового образовательного направления в вузе — научно-исследовательский. Буквально через месяц после создания кафедры Алла Георгиевна предложила провести социальное исследование на ежегодной Всероссийской выставке «Страхование-96», которая проходила на ВДНХ. Был оперативно осуществлен социологический опрос посетителей и компаний-участниц, результаты обработаны нашей лабораторией, аналитическая записка и отчет представлены. Алла Георгиевна дала добро на первую в вузе публичную научную презентацию итогов исследования с приглашением многих компаний-участниц. Я очень

признательна заведовавшей в то время кафедрой страхования профессору Ларисе Алексеевне Орлянок-Малицкой за понимание нашего «социологического вторжения» в эту область и взаимодействие в последующие годы. Проведенный круглый стол впервые заявил во внешнем мире о Финансовой академии как научном социологическом центре в сфере экономики и финансов.

В 1997–1998 учебном году в расписание был введен новый авторский курс по выбору «Социология страхования» для студентов института страхования, который преподавался восемь лет. В 2002 г. Финансовая академия выпустила первое в нашей науке учебное пособие «Социология страхования»², переведенное коллегами кафедры страхового дела болгарской Хозяйственной академии имени Д. Ценова, с которым мы развивали активное международное научное сотрудничество с 1998 г.

Апробированный в 1996 г. описанный формат внедрения новых образовательных дисциплин стал нормой в работе кафедры и доказал очень высокую эффективность. Все реализованные кафедрой социологические проекты, проведенные по грантам, НИРам, заказам в конечном итоге обрели форму новых авторских социологических образовательных курсов и входили в расписание вуза. Так, я внедрила свыше десяти новых учебных дисциплин: «Социология страхования», «Социология рисков (Социальная рискология)», «Социальная конфликтология в сфере экономики и финансов»³, «Фискальная социология»⁴, «Социальные конфликты в финансово-банковской сфере и их последствия», «Корпоративная культура и корпоративные ценности в деловом мире» и др. Считаю такой путь для вузовских социологов научной нормой. Этот формат работы стал ведущим в деятельности созданной и до сих пор активно развивающейся научной школы «Гендерная и экономическая социология».

Личный 26-летний опыт развития социологии в Финансовом университете при Правительстве РФ позволяет мне определить ряд максимум успешной интеграции социологической науки в деятельность отраслевого вуза.

² Силласте Г.Г. Социология страхования. Учебное пособие по курсу «Экономическая социология». М.: ФА; 2001. 209 с.

³ Силласте Г.Г. Социальная конфликтология в сфере экономики и финансов. Учебное пособие. М.: КНОРУС; 2016. 242 с.

⁴ Силласте Г.Г. Фискальная социология. Налоговая культура. В кн. Экономическая социология. Учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Альфа-М: НИЦ ИНФРА-М; 2014.

Максима первая. Преподавание социологии в отраслевом экономическом вузе должно начинаться не ранее 3-го курса. В моем случае это означало необходимость переломить сложившийся к тому времени в российских вузах стандарт — читать социологию на 1-м курсе как познавательную социальную «дисциплину об обществе». Годовой эксперимент показал, что оптимальным для преподавания и познания социологии является именно 3-й курс. К этому времени студенты получали базовые знания в области общегуманитарных дисциплин: философии и экономики. За ними осуществлялся переход к изучению профильных дисциплин. Некоторые деканы и преподаватели мне говорили: «Никто из студентов-экономистов ваш навороченный инструментарий все равно не поймет. Он им не нужен, это не учебная дисциплина, а целая наука».

В ответ я дополнила первую максиму *второй*: социология в финансовом вузе — не только образовательная дисциплина, но и научно-исследовательское направление, отдачу от которого в лице начинающих карьеру специалистов должны почувствовать в первую очередь опытные практики и работодатели.

Максима третья — методическая: учебный модуль преподавания социологии для студентов отраслевого вуза должен быть не академическим — один к одному (одна лекция — один семинар), а социально-прикладным: одна лекция, но два практических занятия. Это означало, что в курсе из 54 часов 17 — лекционные, а 34 — семинарско-практические занятия. Что и было в полной мере реализовано в нашем вузе и вызывало много позитивных комментариев у коллег из других институтов.

Максима четвертая. Изучение социологии должно развивать исследовательские способности студентов не через схоластику и абстрактные теории, а через обретение навыков применения социологических теорий и методов эмпирического познания для изучения развивающихся в области финансово-экономической деятельности социальных изменений и их последствий. В этом заключается эффект полезности данной дисциплины для подготовки будущего специалиста сферы экономики и финансов, способного нести социальную ответственность за принимаемые экономические решения. Поэтому социология в отраслевом вузе — это не наука-приложение, а *наука продвижения*.

Максима пятая. Социология в финансово-экономическом (или *ином отраслевом*) вузе с многообразием специализированных кафедр и фа-

культетов должна быть «социологией для всех», т.е. преподаваться на всех факультетах без исключения. Функционально она должна стать инструментом познания социальных процессов и отношений во всех сферах финансово-экономической деятельности. Дипломная (а возможно, и курсовая) работа может стать квинтэссенцией экономического и социологического знания, раздвинуть рамки экономического подхода к познанию социальных отношений в экономике. Финансовый университет в этом плане уникальный вуз, концентрирующий все финансово-экономические специальности «под одной крышей».

Максимы воплотились в платформу и стратегию интеграции социологии в подготовку финансово-экономических кадров Финансовой академии. Для меня это были условия для принятия очень ответственного решения: согласия на кардинальную смену своего профессионального направления (тогда это была «социология безопасности») и перехода в среду незнакомую, явно несоциологическую ни по своим традициям, ни по мышлению.

Но сложившееся к тому времени четкое видение возможностей социологии в Финансовой академии уже не оставляло сомнений в перспективности ее вузовского развития и применения в финансово-экономической сфере. Как и понимание того, что для моей науки — это вуз с нулевым социологическим стартом.

Вердикт сомнениям — переходить или не переходить в Финансовую академию — был вынесен на семейном «ученом совете»: переходить при условии, если ректор согласится с предложенной стратегией и условиями ее методической и методологической реализации.

31 мая 1996 г. Ученый совет Финансовой академии принял решение о создании кафедры социологии, выделив 10 ставок и назначив заведующим кафедрой социологии доктора философских наук, профессора Г.Г. Силласте.

Нужно было создать кафедральный коллектив к 1 сентября, найти коллег-союзников с опытом работы в социологической сфере. Я пригласила преподавателя кафедры философии, кандидата философских наук А.А. Николаева, который стал первым преподавателем новой кафедры. А дальше... стопор. Проректор по учебной работе Михаил Абдурахманович Эскиндаров при встрече каждый раз оптимистично спрашивал: «Ну как кадры? Подобрали?» Как вскоре выяснилось, кадры брать неоткуда. Сегодня это, наверное, звучит странно, но в 1996 г. социологов было не так много. В СССР

открыли набор на подготовку специалистов именно по специальности «социология» только в конце 80-х гг. Так что первые специалисты-социологи стали выходить на российский рынок труда только в 2003 г. Для сравнения: первая в мире кафедра социологии и социологический факультет были открыты в Чикаго в 1892 г.

Большинство опытных советских социологов имели степень кандидата или доктора *философских наук*, хотя и защищались по специальности 09–00–09 «прикладная социология», которую можно было получить в очень ограниченном вузовском сообществе. Чаще всего эти ученые преподавали теоретическую или общую социологию, а также философию на гуманитарных кафедрах.

В экономических вузах кафедр социологии еще не было. Мои предложения коллегам перейти работать на новую кафедру Финансовой академии остались без ответа. Стало ясно: рассчитывать на опытные кадры из своего профессионального сообщества надежды нет. Надо делать ставку на молодые кадры, подбирать увлеченных любителей социологии и обучать их тонкостям нового социально-прикладного курса. Дело в том, что разработанная и апробированная мною в течение года методика преподавания социологии в формате социально-прикладного модуля сильно отличалась от традиционно-классического чтения лекций и проведения семинаров.

Вместо них две трети моего курса занимали практикумы по разработке программы индивидуального социологического исследования по логической схеме «step by step», анализ эмпирических данных. Зачет предусматривался в форме защиты разработанного в течение семестра соцпроекта в рамках своей специальности с использованием социологического исследования. По своей сути и структуре это был курс-проект. К публичной защите-зачету представлялось разработанное социологическое исследование разных направлений, по которым в будущем предстояло работать студентам-экономистам. И мы это делали уже в 1996–1997 учебной году!

Я понимала степень трудоемкости работы и для преподавателей, и для студентов, но не сомневалась: это интересно, инновационно и увлекательно для познания социологии и той сферы, куда специалисты придут после окончания вуза. Методика курса новая, однако, бесспорно, полезная для всех участников этого образовательного процесса. Но... опытным, сложившимся преподавателям, видимо, не очень подходит. Поэтому я обратилась к молодым кадрам.

Я понимала, что придется работать «по совместительству»: обучающим методистом, ВРиО заведующего социологической лабораторией, ученым-исследователем. Но меня это не смущало, так как я считала, что опыт руководителя нужен не для его возвышенной консервации, а для активной ежедневной передачи другим, для повышения творческого потенциала коллектива.

Маленькое замечание. Раньше (1996–2015 гг.) наши комнаты на пятом этаже 49 корпуса мы называли «социологический тупик» (три последних помещения на пятом этаже, дальше — выход на лестничный пролет). Сегодня Департамент социологии живет на «социологическом проспекте», и коллектив составляют не 10 человек из «первой волны», а 45 преподавателей и 145 студентов.

Но первые навсегда остаются первыми: Л.А. Орлова, А.А. Николаев, Е.О. Сухарева. Наша лаборатория: Г. Дементьев, Н. Канцерова, А. Васильев, В. Тихонов, А. Кузнецов, Т. Амелина. Опыт создания такой сплоченной, работоспособной, динамичной и заинтересованной в общем результате инновационной кафедры позволил сформулировать еще одну максиму.

Максима шестая — кадровая. Создать сплоченную кафедру, живущую общими интересами, прирастающую своей квалификацией и методическим мастерством, заинтересованную в общих результатах, планах, внедряемых новациях и в коллективном воплощении, можно лишь в том случае, когда все преподаватели работают на полную ставку, а не на половину, четверть или того меньше. Солидарные кафедры по теории малых групп предполагают коллективы не более 20 человек.

Максима седьмая. Интеграция социологии в отраслевом вузе не ограничивается чтением образовательного курса, а концептуально воплощается в различных формах научной работы со студентами и практически реализуется в их дипломных работах.

В 1997–1998 учебном году я предложила ректору модель интеграции социологии в дипломные работы студентов экономических факультетов, где преподавалась социология. Алла Георгиевна поддержала эту инновацию и подписала приказ «О порядке подготовки дипломных работ с использованием социологических исследований» (от 15.07.1997 № 224–1/у). В соответствии с этим поистине «революционным» ректорским приказом «в целях совершенствования финансово-банковского образования, укрепления связей дипломных работ с социальной практикой и расширения межкафедрального сотрудничества» было одобрено «предло-

жение кафедры социологии о применении социологических исследований при написании дипломных работ студентами дневного и вечернего отделений» при союродводстве преподавателя кафедры социологии.

Приказ стал для многих руководителей экономических факультетов и кафедр, образно говоря, «взрывом под любимым диваном». Еще больше недовольных оказалось среди деканов. В такой агрессивной ситуации только благодаря прямому вмешательству прогрессивного ректора удавалось охладить эмоции наших недовольных коллег, возмущавшихся «наступлением социологии». И это несмотря на то, что преподаватели кафедры даже отказались от оплаты своей работы со студентами по проведению исследований, обработке и анализу результатов, чтобы не претендовать на уменьшение часов и оплаты руководителей ведущих кафедр.

В этой новаторской инициативе по внедрению разработанных нами технологий и формата представления на защиту комплексных работ нам содействовали О.И. Лаврушин — заведующий кафедрой кредита и банковского дела; Б.М. Смитиненко — заведующий кафедрой международных экономических отношений, Л.И. Гончаренко — заведующая кафедрой налогов и налогообложения, Л.А. Орланюк-Малицкая — заведующая кафедрой страхования; деканы: В.К. Поспелов и В.Н. Сумарков. Они не чинили препятствий студентам своих кафедр, выбиравшим такой формат написания и защиты дипломных работ.

Кафедра, впервые в истории вуза получив полную поддержку ректора, начала активно применять социологические исследования и социологическую диагностику для изучения вузовского студенчества, определения его социального портрета и ценностных ориентаций. Вначале было исследование студентов вечернего отделения при тесном сотрудничестве с его деканом С.Л. Анохиной, затем — дневного.

Социологическая лаборатория кафедры выпускала информационно-аналитические бюллетени (вышло 53 номера) по самым разным злободневным вопросам вузовской жизни. Мы открыли студенческий проект «Альма матер — моя жизнь», в проведении которого участвовали студенты, исследовательские группы, представившие свои результаты на большой студенческой конференции.

В 1998 г. был открыт Диссертационный совет по защите кандидатских диссертаций по социологии, а через несколько лет — Объединенный диссертационный совет по защите кандидатских и докторских диссертаций по специальности «экономическая социология и демография». Я выпустила только в нашем вузе 12 учеников — кандидатов социологических наук, большинство из которых защищали дипломную работу с использованием социологических исследований.

В 2010 г. произошло статусное преобразование Финансовой академии в Финансовый университет, что дало вузу право организации двух новых выпускающих кафедр: социологии и политологии. Так образовался новый факультет социологии и политологии (ФСП). Прием студентов пошел по двум новым специальностям: «социолог» и «политолог».

Закончить свою статью я хочу словами английского философа Дж. Милля: «Достоинство государства зависит от достоинства образующих его личностей». Развивая эту мысль, вполне можно сказать: профессиональное достоинство и авторитет факультета-юбилера образуют его преподаватели, студенты и сам руководитель, все эти годы его возглавляющий. От души поздравляю с 10-летием всех преподавателей и студентов факультета социальных наук и массовых коммуникаций. Желаю на долгие годы отсутствия дефицита креативных идей, приумножения коллективной творческой энергии и зарядки ею все большего количества пытливых студентов.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Галина Георгиевна Силласте — доктор философских наук, ординарный профессор, научный руководитель Департамента социологии и научной школы «Гендерная и экономическая социология», Финансовый университет, Москва, Россия; Член Научно-экспертного совета при Председателе Совета Федерации, Москва, Россия galinasillaste@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Galina G. Sillaste — Dr. Sci. (Philosophy), Professor, Scientific Director of the Department of Sociology and the Scientific School “Gender and Economic Sociology”, Financial University, Moscow, Russia; Member of the Scientific and Expert Council under the Chairman of the Federation Council, Moscow, Russia galinasillaste@yandex.ru

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-2-16-22
УДК 327(045)

Выбор для Запада: развилка между инновационным прорывом и информационной диктатурой

А.Н. Зубец

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0003-4300-2797>

АННОТАЦИЯ

В статье показано, что современный западный мир стоит перед крайне важной развилкой, означающей выбор дальнейшего пути и идеологии развития, а также новой системы ценностей и общественной мотивации. Автор указывает, что основной причиной кризиса является торможение инновационного развития современной цивилизации, которое сделало невозможной неокOLONIALную эксплуатацию Западом остального мира. Показано, что серьезной проблемой Запада является постепенный рост стандартов качества жизни и стоимости рабочей силы. Представлены варианты реакции на этот кризис: военное подавление конкурентов, инновационный рывок, самоизоляция, а также информационное и социальное манипулирование обществом.

Ключевые слова: качество жизни; креативность; инновационное развитие; самоизоляция; информационное манипулирование; стандарты качества жизни

Для цитирования: Зубец А.Н. Выбор для Запада: развилка между инновационным прорывом и информационной диктатурой. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(2):16-22. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-2-16-22

ORIGINAL PAPER

The Choice for the West: Bifurcation Between Innovation Breakthrough and Information Dictatorship

A.N. Zubets

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0003-4300-2797>

ABSTRACT

The author showed that the modern Western world is facing an extremely important fork in the road, meaning the choice of a further path and ideology of development and a new system of values and social motivation. It is argued that the leading cause of the crisis is the inhibition of the innovative development of modern civilization, which made impossible the neocolonial exploitation of the rest of the world, using innovative superiority. Also, the author showed that a severe problem of the West is the stimulation of growth of quality of life standards and lowering the cost of labour. The paper presents options for responding to this crisis – military suppression of competitors, innovative breakthrough, self-isolation, and information and social manipulation.

Keywords: quality of life; creativity; innovative development; self-isolation; information manipulation; quality of life standards

For citation: Zubets A.N. The Choice for the West: Bifurcation between innovation breakthrough and information dictatorship. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(2):16-22. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-2-16-22

Когда организаторы зимней Давосской конференции 2021 г. и стоящие за ними крупные финансово-инвестиционные группы приглашают всех к размышлениям относительно будущего мировой политики и экономики, не надо думать, что они лукавят. Для всех совершенно очевидно, что нынешний финансовый кризис является в определенной степени поворотным моментом, после которого мировая экономика приобретет новый формат развития, отличный от того, что был еще несколько лет назад. Последняя серия экономических кризисов, стартовавшая в 2007 г., показала, что мир остро нуждается в новой идеологии, описывающей цели глобального развития, место экономики в этом процессе, а также социальные, экологические и другие ограничения, накладываемые на экономических субъектов. Понятно, что мир уже не будет экономоцентричным, и идея роста потребления без оглядки на последствия осталась в прошлом. Центральное место в идеологии глобального развития теперь занимает цель достижения высокого качества жизни (счастья) для всех, а экономистам и бизнесу пришло время думать о своем месте в новой иерархии ценностей и системе институтов.

Исследования качества жизни людей, а также попытки его численного определения начались в экономически развитых странах во второй половине XX в. после того, как стало ясно, что ВВП и иные количественные измерители потребления товаров и услуг перестали отражать комфортность жизни людей и их удовлетворенность собственной жизнью¹. Еще одной важной вехой на этом пути стало создание так называемой «Комиссии Стиглица — Сен-Фитусси», инициированное президентом Франции Саркози в 2008 г.² [1]. Ее целью была формулировка более всеобъемлющего взгляда на измерение человеческого благополучия, нежели оценка потребления товаров и услуг. Выводы комиссии свелись к рекомендациям перейти от оценки производства товаров и услуг как ключевого экономического параметра к человеческому благополучию или качеству жизни. К выводам комиссии

Стиглица — Сен-Фитусси близки подходы ОЭСР³, которая определяет качество жизни как человеческое благополучие. Еврокомиссия и Евростат (статистическая организация Евросоюза) также определяют качество жизни как широкое понятие, охватывающее ряд различных составляющих жизни человека. Оно включает в себя как объективные факторы, описывающие человеческое существование (например, владение материальными ресурсами, состояние здоровья⁴, продолжительность жизни, скорректированную на время нетрудоспособности⁵, наличие и качество работы, условия жизни и многие другие), так и субъективное восприятие этих факторов и возможностей, которыми располагает индивид⁶. С учетом исследований, проведенных ранее по этой теме в Финансовом университете, кратко качество жизни можно определить как общую оценку комфортности своего существования, сделанную самим человеком, в сочетании с основными количественными показателями (прежде всего — с продолжительностью здоровой жизни)⁷.

Проблема в том, что задача достижения благополучия для всех в глобальном масштабе — далеко не такая простая — может и вовсе оказаться нерешаемой, или ее решение окажется слишком сложным. При этом, наряду с глобальной проблемой будущего развития, есть и не менее важная задача поиска пути развития обобщенного Запада. Ответ на вопрос о рецептах дальнейшего экономического роста может дать социальный взгляд на экономику. Его суть состоит в том, что экономический рост опирается на производственную активность населения, которая, в свою очередь, определяется мотивацией человека [2].

³ Measuring well-being and progress. OECD Statistics and Data Directorate Paris, March 2020. URL: <https://www.oecd.org/sdd/OECD-Better-Life-Initiative.pdf>.

⁴ World health statistics 2019. Monitoring health for the SDGs, sustainable development goals. P. 82–88. URL: <https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/324835/9789241565707-eng.pdf?sequence=9&isAllowed=y>.

⁵ Human Capital Development HCD Working Papers. The Disability-Adjusted Life Year (DALY) Definition, Measurement and Potential Use. World Bank, July 1996 HCDWP 68. URL: <http://documents.vsemirnyjbank.org/curated/ru/482351468764408897/pdf/multi0page.pdf>.

⁶ Eurostat Statistics Explained. Quality of life indicators — measuring quality of life. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Quality_of_life_indicators_-_measuring_quality_of_life.

⁷ Исследование качества жизни в российских городах. Отчет о НИР. Финансовый университет при Правительстве РФ; 2014. 275 с.; Исследование качества медицинского обслуживания российского населения в контексте повышения качества жизни. Отчет о НИР. Финансовый университет при Правительстве РФ; 2018. 184 с.

¹ Доклад о человеческом развитии 2019. За рамками уровня доходов и средних показателей сегодняшнего дня: неравенство в человеческом развитии в XXI веке. URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr_2019_ru.pdf.

² Report by the Stiglitz Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress. URL: https://www.researchgate.net/publication/258260767_Report_of_the_Commission_on_the_Measurement_of_Economic_Performance_and_Social_Progress_CMEPSP.

Если посмотреть на экономику с социальной точки зрения, ее наиболее важные, движущие силы — это человеческая креативность и стремление соответствовать передовым, наиболее престижным стандартам качества жизни и потребления (проще говоря — зависть). Креативность позволяет генерировать инновационные решения, повышающие производительность труда. Изобретатели и ученые, наделенные способностями и ресурсами для решения сложных технических задач, создают новые сектора экономики или повышают эффективность существующих отраслей промышленности. Вокруг инновационных производств создаются зоны богатства и процветания — возникают новые стандарты качества жизни, основанные на более высокой производительности труда и привлекающие для остального населения.

Здесь вступает в действие стремление людей к социальному комфорту, для чего требуется соответствовать по качеству жизни своему социальному окружению, не выделяясь из него заметно в худшую сторону. Социальный дискомфорт тем выше, чем значительнее отставание индивида от своего окружения по уровню материального и социального потребления [3]. Этот дискомфорт побуждает человека предпринять какие-то действия для его компенсации, и здесь возникает социальная развилка. Первый вариант повышения качества жизни состоит в том, чтобы присоединиться к успешным социальным группам, получив нужные знание и профессию, например в IT или в современных финансах. Второй путь поправить собственные дела состоит в том, чтобы организовать общественное движение за перераспределение богатств инновационного бизнеса в пользу остального населения. Если инновации тиражируемые (т.е. могут быть применены повсюду, как, например, интернет или электричество), более предпочтительна первая стратегия, так как быстрое развитие новых секторов создает большое число высокооплачиваемых рабочих мест. Если инновации не поддаются тиражированию (к ним относятся, например, открытия новых сырьевых месторождений или финансы), торжествует, как правило, перераспределение благ при помощи налогов или силового изъятия ценностей у держателей новых технологий и производств.

Таким образом, по большому счету, социально-экономическое и политическое развитие определяются двумя параллельными процессами, каждый из которых живет по своим законам: производством инноваций, повышающих производительность труда, и требованиями населения жить не хуже,

чем успешные социальные группы, лидирующие по качеству жизни в стране или на более узкой территории. Инновационное развитие определяется способностью человечества раскрыть и поставить себе на службу новые свойства материи, энергии и информации, требования по качеству жизни — распространением представлений о том, что «нормальная» жизнь невозможна без определенного перечня благ, и люди имеют на них полное естественное право. Рывки в развитии или социально-экономические кризисы проистекают из различия в скоростях этих двух параллельных процессов. Опережение в инновационном развитии создает возможности для быстрого экономического и социального роста, отставание инноваций от распространения стандартов качества жизни вызывает социальные потрясения.

Совершив краткий теоретический экскурс, посмотрим, на какие практические выводы наведет нас эта социально-экономическая модель. И прежде всего рассмотрим более локальную задачу — покажем варианты развития стран обобщенного Запада на ближайшие десятилетия.

На протяжении последних пяти столетий «старый» Запад превосходил мир в части генерации военных и экономических инноваций. Кроваво-литные многовековые войны за ресурсы превратили жителей Европы в первоклассных солдат, что на столетия вперед обеспечило им возможность прямого присвоения ценностей по всему миру. Стремление Великобритании к максимальным заработкам от эксплуатации колоний привело к появлению протекционизма, который сделал востребованными широкий спектр промышленных инноваций и в конечном итоге запустил процесс Великой индустриальной революции. Без британского протекционизма, в условиях свободного рынка она была бы невозможной [4]. Так, например, известно, что в начале XVIII в. Великобритания была вынуждена закупать шведское и российское железо из-за недостатка леса на островах — в то время деревянный уголь служил основным топливом в металлургическом процессе. Желание сэкономить средства, расходуемые на импорт металла, привело к протекционистским мерам и повышению ввозных пошлин, что вызвало рост цен на внутреннем рынке. В этих условиях стали рентабельными технологии производства железа с использованием местного дешевого сырья — каменного угля. Далее процессы выплавки чугуна с использованием каменноугольного кокса, совершенствуясь, становились все более дешевыми

и к середине XVIII в. обогнали по эффективности конкурирующие технологии и стали основой массового производства дешевого железа на Британских островах. А затем, к середине XIX в., британские технологии производства чугуна и стали распространились по всей Европе.

Технологическое превосходство над остальным миром, достигнутое в XIX–XX вв., сделало возможным отказ обобщенного Запада от непосредственной эксплуатации колоний, заменив ее неокOLONиализмом. Монополия на технологии производства престижных благ к середине XX в. обеспечила положение, при котором весь мир старался продать Западу свое сырье и труд в обмен на престижные западные блага. Опережающее инновационное развитие, подкрепленное географической экспансией, создало дополнительное измерение западному экономическому доминированию, а заодно дало возможность западным правительствам повышать уровень жизни граждан, подавлять тем самым социальное недовольство, не снижая прибыльности бизнеса. Идеология роста благополучия, опирающегося на разнообразные инновации, сломала средневековый общественный строй и позволила европейскому капиталу покупать лояльность населения своих стран, что, в свою очередь, обеспечило финансовому и промышленному капиталу статус наиболее влиятельной общественной группы вместо церкви и земельной аристократии Средневековья.

Особенность развития обобщенного Запада за последние два века состояла в том, что скорость генерации инноваций, существенно повышающих производительность труда, как правило, соответствовала или опережала темпы распространения более высоких стандартов качества жизни. Такое положение представляется наилучшим для экономического роста. Максимум прибылей и возможностей для инвестирования бизнес получает, если производительность труда держится на высоком уровне и непрерывно растет, а стандарты потребления среди основных социальных групп повышаются медленнее, чем растет производительность труда. Когда в начале XIX в. в Европе полунищую городскую и сельскую бедноту (готовую работать немного больше, чем за еду) поставили к высокопроизводительным новым машинам, европейский бизнес получил максимальные возможности для развития без уменьшения прибыли. Также, за счет повышения уровня жизни рабочих, снизилась острота социальных конфликтов. Точно такие же обстоятельства — сочетание низкой стоимости

труда и высокой производительности импортных машин — сделали возможным колоссальный рывок в развитии в СССР в 30-х гг. или, например, в Китае в 90-х гг. XX в. Таким образом, для устойчивого развития страны, где главной ценностью является рост благополучия, скорость инновационного повышения производительности труда должна расти не медленнее, чем стандарты качества жизни населения. В противном случае потребности населения, догоняя возможности производства, будут поглощать все большее количество ресурсов, снижая прибыли и возможности для инвестирования в новые разработки. Следствием чего будет стагнация социально-экономического развития.

Проблема в том, что в последние несколько десятилетий западные инновации распространяются по миру быстрее, чем Запад успевает генерировать новые, им на смену. История показывает, что заимствование технологий невозможно остановить, его можно только замедлить. Самые закрытые и охраняемые секреты производства рано или поздно выходят из-под контроля разработчиков. Так это произошло, например, с греческим огнем, придуманным византийцами, или секретами производства ядерного оружия. В то же время генерация новых технологий, способных заменить те, что разошлись по миру (а это является непременным условием сохранения экономического и военного доминирования), в последнее время сильно замедлилась. В связи с этим инновационное «бегство вперед» от конкурентов в сфере производительности труда и эффективности военной силы стало невозможным. Последней серьезной инновацией, которая весьма существенно повлияла на рост производительности труда, стало изобретение компьютера, позволившего автоматизировать генерацию, передачу и обработку информации. Но, при всем уважении к IT-технологиям, они все же меньше повлияли на жизнь людей, чем, например, двигатель внутреннего сгорания, получивший широкое распространение в конце XIX — первой половине XX в. Напомним, что его появление привело к механизации сельского хозяйства, создало воздушный транспорт и кратно удешевило наземные перевозки, что, в свою очередь, коренным образом изменило структуру расселения человека по территориям. Еще хуже с инновациями дело обстоит в энергетике. Современные электростанции по применяемым физическим принципам действия не отличаются от корабельных паровых машин второй половины XIX в. Системы передачи энергии на расстояние находятся сегодня, по большому счету, на том же

уровне, что и во времена Эдисона и Теслы. Вообще энергетика мало изменилась в плане технологий за последние 100 лет, а без повышения энерговооруженности человечества невозможно его ускоренное развитие. И «зеленые» технологии не способны помочь преодолеть это фундаментальное отставание.

Таким образом, мы видим, как из-за торможения инновационной деятельности технологическое преимущество Запада постепенно сходит на нет, в силу чего неокOLONиальная эксплуатация остального мира, основанная на контроле производства современных престижных потребительских товаров и услуг, становится невозможной. Это неизбежно снижает возможности социального управления и подавления внутренних конфликтов в странах Запада за счет роста уровня потребления.

Вторая, параллельная проблема западных стран — это продолжающееся распространение высоких стандартов качества жизни среди местного населения. Этому способствует высокий уровень неравенства в потреблении, что вызывает увеличение социального напряжения за счет роста субъективной бедности. Растет число людей, которые считают себя обездоленными из-за того, что они лишены благ, которые должны им принадлежать «по праву рождения». Снять эту проблему могли бы дополнительные ресурсы, перераспределенные из бизнеса в социальные программы для повышения качества жизни широких социальных групп, но их становится все меньше из-за потери технологического превосходства. То есть глобальный Запад стал проигрывать и скорость в бегстве от стандартов качества жизни местного населения.

Выходом из этой ловушки могло бы стать подавление глобальных конкурентов, прежде всего — Китая. В силу более позднего старта экономического роста, требования населения по уровню жизни в Китае, как и в других развивающихся странах, пока не успели дорасти до уровня «старого» Запада, что и определяет более низкую стоимость рабочей силы. В сочетании с инновационным характером экономики развивающиеся страны получают неоспоримые торгово-экономические преимущества, что и делает их основным источником внутреннего социального конфликта в более развитых государствах с высокими стандартами качества жизни. Однако на «силовом» направлении воздействия на конкурентов время, похоже, упущено: уже сейчас у Китая достаточно традиционного и «гибридного» оружия для нанесения США и их союзникам существенного ущерба. А с учетом поддержки со стороны России, кровно заинтересованной в со-

хранении независимости Китая, нападение на него становится и вовсе невозможным.

Вторая возможность для выхода Запада из нынешнего кризиса — резкое ускорение инновационного развития, повышающего производительность труда или выводящего на рынок новые товары и услуги. Однако здесь также возникают сложности — в последние годы открытие и освоение новых свойств вещества становятся все более дорогими. Еще в начале XX в. фундаментальные открытия часто делались «невооруженным глазом», путем простых наблюдений — так Флеминг открыл пенициллин, обратив внимание на гибель микроорганизмов под воздействием плесени. Однако сегодня это уже невозможно. Исследования окружающего нас мира требуют все более сложных инструментов, таких как Большой адронный коллайдер ценой в 6 млрд долл. США — и это без гарантии получения какого-либо прикладного результата. А ресурсов на инновационные прорывы у Запада становится все меньше. Как уже говорилось выше, инновационное развитие и динамика стандартов потребления живут по различным законам, и торможение прогресса мало влияет на рост потребностей населения. Так что вместо науки скудеющие средства будут идти на поддержку внутреннего социального мира, пока различия в качестве жизни не выравняются и не станут больше вызывать массовое общественное раздражение.

Еще одна возможность преодоления кризиса состоит в том, чтобы признать поражение в конкурентной гонке, выйти из технологического соревнования и построить вокруг США забор для стран с более низкой стоимостью рабочей силы. Однако совершенно очевидно, что в условиях самоизоляции зона хождения доллара в мировых торговых расчетах будет неизбежно сокращаться, что совсем не соответствует интересам американских финансовых элит. Поэтому не исключено, что высота антикитайского протекционистского барьера будет обратно пропорциональна готовности китайского руководства договариваться и учитывать интересы американских и европейских финансовых групп. Более мягкие, партнерские отношения с Китаем, выгодные финансистам, будут по-прежнему оказывать угнетающее воздействие на экономику стран Запада. В силу чего мы в ближайшие годы, вероятно, увидим там нарастание социальной напряженности, вызванное недостатком ресурсов для ликвидации внутреннего неравенства. Проще говоря, ради доходов от транснациональной зоны хождения долларов и евро правящие классы США

и Европы будут склонны жертвовать социальной стабильностью и благополучием собственного населения.

Возможности покупать лояльность населения стран Запада за счет части доходов, полученных за счет технологического превосходства, снижаются. Так что в рамках данного сценария возникает все больше соблазнов перенести реальные производства в страны с более дешевой рабочей силой, потратив определенные средства на доведение ее эффективности до западных стандартов. Финансовый бизнес, чтобы не подвергаться постоянному давлению с целью изъятия ресурсов для человеческих нужд, может выбрать страну с меньшей численностью населения, аппетиты которого проще удовлетворить при помощи части доходов от мировых денежных потоков. Не будем впадать в конспирологию, но вполне вероятно, что «Ноевым ковчегом» для спасения мировых финансовых элит от социальных потрясений Нового и Старого света станет Великобритания. В этом случае Brexit из катастрофической ошибки британского правящего класса превращается в блестящее стратегическое решение, обеспечивающее ему долгосрочное процветание.

Что касается США и стран «старой» Европы, то их главной проблемой, как было показано выше, является превышение стандартов качества жизни над способностью генерировать новую стоимость в условиях глобальной конкуренции. Инновационный прорыв, способный сохранить технологическое превосходство над остальным миром, маловероятен, война — опасна, протекционизм не позволяет зарабатывать на мировых финансовых потоках. Решение проблемы состоит в понижении стандарта качества жизни населения и сохранении при этом управляемости обществом. Необходимы инструменты силового и информационного подавления большинства, которое будет отстаивать свои права на более высокое качество жизни. Тут в качестве ударной силы, направленной против возможных массовых протестов, могут выступить иммигрантские общины, многие члены которых получают социальную помощь и поэтому зависимы от государства. Опять же, не хочется впадать в конспирологию, но, может быть, открытие восток для мигрантов в Европу и желание Байдена дать гражданство нелегалам в США — это шаги по созданию таких опор для негосударственного, псевдонезависимого давления на большинство? При этом, очевидно, увеличение численности мигрантских общин имеет и более непосредственные

цели: смещение демографического баланса в сторону групп, не связанных с местными традициями и национальной системой ценностей, а также (если получится) — снижение национальных стандартов качества жизни и стоимости рабочей силы.

Ну и нельзя обойтись без пропагандистских инструментов для контроля над обществом и поддержания стабильности. Сюда входит «железный занавес», отгораживающий общество от нежелательной информации. Несогласные будут подвергаться травле и маргинализации. Широкое применение получают такие способы несилового принуждения, как стыд, чувство вины, необходимость следовать массовым стереотипам, чтобы выжить, — словом, все те инструменты, которые хорошо нам знакомы из классических антиутопий, а также из германской и советской практики 30–50-х гг., и которые сейчас вполне успешно используются в США для борьбы с трампистами. Наряду с этим вероятны меры по снижению численности населения в странах «старого» Запада. Это может быть сокращение расходов на медицину и легализация наркотиков, например. И опять же, не впадая в конспирологию, можно ли предположить, что усиленное распространение нетрадиционных взглядов на семью служит той самой цели — снижению численности излишнего, непроизводительного населения?

В итоге мы можем получить небогатое и несвободное общество, разделенное на немногочисленную интеллектуальную элиту и плебс, занятый неквалифицированным трудом или живущий на подачки, общество, полное идеологических ограничений и запретов, управляемое с участием негосударственных силовых группировок. В определенной степени мы видим модель такого общества в современной Украине: там присутствует государственная идеология войны и внешней угрозы, вытесняющая на периферию проблемы социально-экономического развития, информационный «железный занавес», разнообразная цензура, преследования СМИ и банды крайне правых боевиков, подпирющие этот режим. И так будет продолжаться до тех пор, пока стандарты качества жизни не опустятся там до уровня, соответствующего производительности труда основной массы граждан.

Как было показано выше, альтернативой реформативному западному обществу под новые, более низкие стандарты качества жизни, является резкий инновационный рывок с существенным повышением производительности труда. Но он становится все менее вероятным по мере того, как ресурсы западных стран перераспределяются

в пользу потребления для снижения интенсивности социальных конфликтов.

Что касается более общей, глобальной задачи повышения качества жизни для всех, то здесь все намного проще. Для развивающихся стран, включая Россию, с одной стороны, характерны более низкие стандарты качества жизни, и, как следствие, более низкая стоимость рабочей силы. С другой стороны, имеется заметное технологическое отставание от наиболее инновационных западных стран. Заимствование технологий, перенос на родную почву лучших практик в части образования и подготовки кадров, развитие креативности в людях — все это позволит обеспечить на десятилетия вперед рост эффективности рабочей силы, и западный капитал будет готов этот процесс финансировать. За счет догоняющего инновационного роста у развивающихся государств есть шансы добиться опережающего

роста производительности труда по отношению к потребностям и стандартам потребления. В силу этого и в России, и в других странах с похожим уровнем развития повышение качества жизни и уровня потребления надолго еще останутся в фокусе идеологии развития. Дополнительную поддержку России окажет высокая производительность труда в сырьевых отраслях, связанных с эксплуатацией российских природных ресурсов, — от рыболовства и производства зерна до нефтегазового комплекса. Вообще, в России мало внимания уделяется тому, что добыча и глубокая переработка сырья для дальнейшего экспорта представляет собой один из основных ресурсов экономического развития. Так что наша относительная бедность и догоняющее развитие позволят нам сохранить свое место в зоне «модерна» и на много лет вперед защитят нас от необходимости вводить информационную диктатуру.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Стиглиц Д., Сен А., Фитусси Ж.-П. Неверно оценивая нашу жизнь: почему ВВП не имеет смысла? М.: Изд. Института Гайдара; 2016.
2. Зубец А.Н. Истоки и история экономического роста. М.: Экономика; 2014. 463 с.
3. Зубец А.Н. Знаковые блага и экономический рост. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2015;4(20):28–36.
4. Ха-Джун Чанг. Злые самаритяне. Миф о свободной торговле и секретная история капитализма. М.: ООО «Манн, Иванов и Фербер»; 2018. 256 с.

REFERENCES

1. Stiglitz Joseph, Sen A., Fitoussi J.-P. Incorrectly assessing our lives: why GDP is not washed away? Moscow: Gaidar Institute; 2016. (In Russ.).
2. Zubets A.N. Sources and history of economic growth. Moscow: Ekonomika; 2014. 463 p. (In Russ.).
3. Zubets A.N. Sign benefits and economic growth. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2015;20(4):28–36. (In Russ.).
4. Ha-Joon Chang. The Evil Samaritans. The Myth of Free Trade and the Secret History of Capitalism. Moscow: Mann, Ivanov, and Ferber; 2018. 256 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Алексей Николаевич Зубец — доктор экономических наук, доцент, директор Центра социально-экономических исследований, Финансовый университет, Москва, Россия
ANZubets@fa.ru

ABOUT THE AUTHOR

Alexei N. Zubets — Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor, Financial University, Chairman of the Center for Socio-Economic Research Moscow, Russia
ANZubets@fa.ru

Статья поступила 12.01.2021; принята к публикации 01.02.2021.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article received on 12.01.2021; accepted for publication on 01.02.2021.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-2-23-29
УДК 323(045)

Европейское региональное сотрудничество в сфере упреждения деструктивности и криминализации кризисной миграции*

М.Л. Галас

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-1523-8287>

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются политико-правовые, институциональные формы регионального общеевропейского сотрудничества по упреждению деструктивности и криминализации нерегулируемой и международной гуманитарной миграции, беженства. Перечисленные виды миграции являются кризисными, обусловленными неблагоприятными социокультурными, инфраструктурными, финансово-экономическими, этно-социальными, экологическими, политико-правовыми, религиозно-конфессиональными и иными факторами, причинением вреда традиционным средам жизнедеятельности. Апробация общеевропейских инструментов в отношении кризисной миграции анализируется на примере ФРГ — одной из ключевых стран — реципиентов ЕС. Перспективные общеевропейские и страновые формы упорядочения нерегулируемой и международной гуманитарной миграции, беженства корреспондированы с государственной миграционной политикой Российской Федерации.

Ключевые слова: общеевропейские региональные документы; деструктивность; криминализация; кризисная миграция; нерегулярный мигрант.

Для цитирования: Галас М.Л. Европейское региональное сотрудничество в сфере упреждения деструктивности и криминализации кризисной миграции. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(2):23-29. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-2-23-29

ORIGINAL PAPER

European Regional Cooperation in the Rectification of Destructiveness and Criminalisation of Crisis Migration**

M.L. Galas

Finance University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-1523-8287>

ABSTRACT

The article examines political-legal, institutional forms of regional pan-European cooperation to prevent destructiveness and criminalisation of unregulated and international humanitarian migration, refugees. These migration types are crisis, due to unfavourable sociocultural, infrastructure, financial-economic, ethno-social, environmental, political-legal, religious and other factors, harming traditional living environments. The testing of pan-European instruments on crisis migration is analysed on Germany's example, one of the key recipient countries of the European Union. Promising forms of ordering unregulated and international humanitarian migration, refugees have corresponded with the state migration policy of the Russian Federation.

Keywords: pan-European regional documents; destructiveness; criminalisation; crisis migration; irregular migrant

For citation: Galas M.L. European regional cooperation in the rectification of destructiveness and criminalisation of crisis migration. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanity and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(2):23-29. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-2-23-29

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

** The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds on the Financial University's state order.

Концепцией государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы¹ определены направления регулирования миграции, в том числе: совершенствование правовой основы противодействия незаконной (нерегулируемой) миграции; совершенствование государственного контроля въезда в Россию, выезда из страны, транзитного проезда через ее территорию, пребывания (проживания) иностранных граждан и осуществления ими трудовой деятельности на территории Федерации; поддержание стандартов и дальнейшее развитие механизмов оказания помощи иностранным гражданам, ищущим защиту на территории России (в соответствии с международно-правовыми обязательствами Российской Федерации и с учетом соблюдения интересов российских граждан); обеспечение готовности заинтересованных федеральных органов исполнительной власти во взаимодействии с органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации к приему и размещению иностранных граждан в случае их экстренного массового прибытия в страну; оказание беженцам, лицам, получившим временное убежище, и претендентам на получение соответствующего статуса содействия в социальной и культурной адаптации с учетом уязвимости их положения.

Международная организация по миграции (уполномоченное агентство ООН по вопросам миграции) оперирует закрепленным в глоссарии миграционных терминов понятием «нерегулярная миграция»². Нерегулярная (незаконная, нелегальная) миграция, с точки зрения Международной организации по миграции (далее — МОМ), понятие ситуативное и может толковаться различно странами назначения и странами отправления, следовательно, зависит от национального законодательства и правовых обычаев определенной страны. Понятие «нерегулярный мигрант» (незаконный мигрант/нелегальный мигрант, лицо с неопределенным правовым статусом) также не имеет универсального формализованного определения в заключенных на уровне ООН договорах. В глос-

сарии МОМ нерегулярный мигрант трактуется как не имеющее легитимного правового статуса в транзитном или принимающем государстве лицо, ввиду его незаконного въезда или истечения срока действия визы³.

Среди общеевропейских региональных документов, устанавливающих стандарты, правила и механизмы, обязательственный характер для всех стран ЕС носят следующие: «Зеленый документ» о политике Сообщества по возвращению нелегальных мигрантов от 10.04.2002⁴; Решение Совета Европейского союза об организации совместных авиарейсов в целях выдворения с территории двух или более государств — членов ЕС граждан третьих государств, в отношении которых вынесены индивидуализированные решения о выдворении от 29.04.2004⁵; Директива Европейского Парламента и Совета об общих стандартах и процедурах в государствах — членах ЕС при возвращении незаконно пребывающих граждан третьих государств от 16.12.2008⁶; Соглашение между Российской Федерацией и Европейской комиссией о реадмиссии от 25.05.2006⁷.

В «Зеленом документе» впервые предложен единый терминологический аппарат, при этом под незаконно пребывающими понимаются лица, которые не отвечают или перестали отвечать условиям въезда, пребывания или проживания на территории государств — членов ЕС вследствие их нелегитимного въезда либо превышения срока действия визы, либо разрешения на проживание, а также по причине отклонения компетентными органами страны въезда направленного ими ходатайства об убежище. Такие лица не имеют законных оснований пребывать на территории государств-членов и должны покинуть ЕС добровольно или принудительно. Предпочтение

³ Там же.

⁴ Green Paper On a Community Return Policy on Illegal Residents: Doc. COM (2002) 175 final, 10.04.2002. Commission of the European Communities. Brussels; 2002.

⁵ Council Decision of 29 April 2004 on the organisation of joint flights for removals from the territory of two or more Member-States, of third-country nationals who are subjects of individual removal orders (2004/573/EC).

⁶ Directive of the European Parliament and of the Council of 16 December 2008 on common standards and procedures in Member States for returning illegally staying third-country nationals (2008/115/EC).

⁷ Совершено в г. Сочи 25 мая 2006, ратифицировано Федеральным законом от 03.03.2007 № 26-ФЗ (Собрание законодательства Российской Федерации, 2007, № 10, ст. 1153).

¹ Указ Президента РФ от 31.10.2018 № 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы».

² Глоссарий терминов в области миграции № 2. Международное миграционное право. Международная организация по миграции. Женева.

отдается добровольному выезду по гуманитарным основаниям и в интересах снижения административных и финансовых затрат.

Документ устанавливает обязательность соблюдения при возвращении (удалении) лиц, незаконно пребывающих на территории государств — членов ЕС, прав и свобод человека, закрепленных Европейской конвенцией о защите прав человека и основных свобод 1950 г.

Большое внимание в «Зеленом документе» уделено вопросам выработки унифицированных стандартов возвращения и взаимодействию между государствами — членами ЕС: уточняются основания для прекращения статуса законного пребывания, условия для вынесения решения о выдворении, оговариваются стандарты содержания в специальных учреждениях незаконно пребывающих на территории государств — членов ЕС лиц до момента их выдворения, а также гармонизации действий при осуществлении выдворения как акта принуждения. Документ подчеркивает обязательность взаимного признания странами — членами ЕС решений о выдворении, принимаемых на национальных уровнях. Предлагается механизм подтверждения факта добровольного выезда, и ставится вопрос об уточнении требований к процедуре получения визы для повторного въезда в ЕС лиц, ранее незаконно находившихся на территории этого сообщества.

С точки зрения интересов Российской Федерации значимы положения «Зеленого документа», касающиеся выработки общей для ЕС реадмиссионной политики. Данный документ приглашает к заключению соглашения о реадмиссии или включению соответствующих положений в иные соглашения ЕС с третьими государствами либо группами государств. «Соглашение о реадмиссии» содержит указание на проведение переговоров по заключению соглашений о реадмиссии с Российской Федерацией. Эта позиция послужила отправной точкой для переговорной работы, которая завершилась подписанием 25 мая 2006 г. в Сочи соответствующего международного договора Российской Федерации.

Принудительное возвращение нерегулярных мигрантов сигнализирует нелегалам, уже находящимся в государствах — членах ЕС, и потенциальным нелегитимным мигрантам, еще не въехавшим на территорию ЕС, о возможности санкций и содействует тому, чтобы такие лица принимали решение в пользу получения законного разрешения на пребывание в ЕС, а также

упреждает въезд тех мигрантов, которые не соответствуют законным требованиям.

Показательным в плане проведения акций выдворения больших групп нерегулярных мигрантов является Решение Совета Европейского союза (от 29.04.2004) об организации совместных авиарейсов в целях выдворения с территории двух или более государств — членов ЕС граждан третьих государств, в отношении которых вынесены индивидуализированные решения о выдворении. Необходимость принятия данного документа обусловлена тем, что в условиях постоянно растущей миграционной нагрузки на государства — члены ЕС крайне острой остается проблема своевременного и эффективного удаления (возвращения) с территории ЕС большого числа иностранных граждан, нарушивших правила въезда и пребывания, в отношении которых вынесены решения о выдворении.

Принятие общеевропейского документа об организации совместных авиарейсов для выдворения незаконных мигрантов предполагалось, в том числе, и при участии Европарламента, однако законодательный орган ЕС просто проигнорировал данную инициативу. В преамбуле Решения говорится, что оно принимается без учета позиции Европейского парламента. Решением регламентируется ряд правоприменительных действий императивного характера, которые могут в определенной мере расцениваться как контролирующие с общепризнанными доктринальными подходами к вопросам обеспечения основных прав и свобод человека, и Европарламент предпочел дистанцироваться от его принятия, переложив тем самым ответственность на исполнительный орган союза — Еврокомиссию. Это говорит о крайней чувствительности данного спектра правоотношений и несклонности международных правотворческих институтов придавать этим правоотношениям формальную определенность, относя это к дискретному праву национальных законодателей.

Значимым шагом, предпринятым на уровне ЕС, стала Директива Европейского парламента и Совета от 16.12.2008 об общих стандартах и процедурах в государствах — членах ЕС при возвращении незаконно пребывающих граждан третьих государств. В преамбуле Директивы также декларируется приоритет добровольного возвращения, а применение мер принуждения должно отвечать принципу пропорциональности и эффективно-

сти. Нормы главы II Директивы устанавливают: *общие требования к процедуре вынесения решения о возвращении нерегулярного мигранта; условия, порядок и сроки для добровольного выезда. При этом в целях недопущения сокрытия в отношении нерегулярного мигранта могут применяться ограничительные меры: обязательство о регулярной явке в уполномоченный орган, удержание денежного депозита, изъятие документов или наложение обязательства находиться в строго оговоренном месте.* Если существует риск, что нерегулярный мигрант скроется либо он представляет угрозу общественному порядку или национальной безопасности, право на добровольный выезд может не предоставляться либо срок выезда устанавливается не более чем в 7 дней.

Выдворение применяется в отношении лиц, которым не было предоставлено право выехать добровольно, и тех, которые не выехали в установленный для этого срок. Кроме того, предусматривается возможность применения мер физического принуждения в случае оказания гражданином третьего государства сопротивления при выдворении, которые должны отвечать критерию пропорциональности и не быть избыточными. Запрет на въезд является обязательным в решении о выдворении, если лицу не предоставлялась возможность добровольного выезда либо обязанность по возвращении не была исполнена.

Ограничение права на свободу передвижения гражданина третьего государства, являющегося субъектом процедуры возвращения, допускается в случае, если: существует риск, что он скроется; он препятствует подготовке своего возвращения или препятствует самой процедуре выдворения. Решение о помещении в специальное учреждение принимается административным или судебным органом. Вынесенное решение подлежит регулярной ревизии на предмет наличия условий, послуживших основанием для его вынесения. Директивой установлено, что в общем случае предельный срок содержания лица в специальном учреждении составляет 12 месяцев.

Рассмотренные документы рестриктивны, они имеют вполне определенный крен фокусировки на меры, как раз предполагающие обратное и серьезно ограничивающие (а то и прямо ущемляющие) основные права человека (в частности, на свободу передвижения, на неприкосновенность личности и т.д.). Тем не менее оба документа

признаются соответствующими международным стандартам.

В заключение краткого обзора актов ЕС в исследуемой сфере правоотношений следует сказать несколько слов о принципиальном для Российской Федерации международном договоре по вопросам противодействия незаконной миграции — Соглашении между Российской Федерацией и Европейской комиссией о реадмиссии от 25.05.2006. Особенностью данного международного договора является тот факт, что, хотя формально оно и является двухсторонним, фактически же это многосторонний договор, поскольку со стороны ЕС в нем участвуют все государства-члены. Соглашение заключалось в «пакетном» формате одновременно с договором о визовых упрощениях для ряда категорий граждан. Текст и содержание Соглашения о реадмиссии являются унифицированными и типовыми, т.е. используются при заключении всех международных договоров ЕС о реадмиссии с третьими странами. При этом возможные отклонения либо изменения положений базового текста, достигаемые по итогам переговоров и учитывающие интересы третьего государства, не являются принципиальными (т.е. не затрагивают ключевых положений), а носят уточняющий редакционный характер.

Соглашением предусматриваются взаимные обязательства нашей страны и государств — членов ЕС по приему, как собственных граждан, так и граждан третьих государств — нарушителей миграционного режима. Для практической реализации Соглашения создается Совместный комитет по реадмиссии, в задачи которого входят наблюдение за реализацией Соглашения, принятие решений по его применению, внесению в него изменений, информационный обмен. Предусматривается заключение строго на двухсторонней основе между Российской Федерацией и каждым из государств — членов ЕС исполнительных протоколов, устанавливающих перечень компетентных органов сторон, пунктов пропуска через границу, в которых осуществляется реадмиссия, конкретных сроков рассмотрения ходатайств, условий приема и передачи реадмиссируемых лиц.

Германия активно участвует в различных европейских структурах, созданных для противодействия и контроля нерегулярной миграции, например состоит членом Европейского агентства по интегрированному управлению возвращением [European Integrated Return Management

(EURINT)], объединяющего 21 государство ЕС, и Европейского агентства по безопасности внешних границ [European Border and Coast Guard Agency (FRONTEX)]. Только в течение 2016 г. 399 сотрудников немецкой полиции приняли участие в мероприятиях FRONTEX по возвращению незаконных мигрантов. Основными странами назначения были Косово, Албания и Сербия.

Политика возвращения при реализации национальной миграционной стратегии является для страны инструментом контроля, направленным на создание условий, гарантирующих безусловный выезд из Германии иностранных граждан, не имеющих права пребывания как на федеральной территории, так на территории ЕС в целом, и сбалансированно сочетающая в себе меры добровольного и принудительного возвращения. Несмотря на отмену контроля на внутренних границах Шенгенской зоны, полиции государств-членов все-таки предоставлено право осуществления проверочных мероприятий, в том числе и для борьбы с трансграничной преступностью. Например, федеральная полиция Германии совместно с Федеральной системой железнодорожного транспорта проводит выборочные проверки на поездах и в морских портах.

Особой категорией незаконных мигрантов, характерной именно для Германии, является та, в которую входят иностранные граждане, формально обязанные покинуть территорию Германии, но пользующиеся правом «толерантного пребывания», дающим отсрочку исполнения депортации. Право толерантного пребывания направлено на освобождение мигранта от ответственности за незаконное пребывание (раздел 95 параграф 1 Закона «О пребывании»). В общем случае иностранные граждане, чья депортация отложена, после трех месяцев ожидания имеют право по согласованию с Бюро по трудоустройству на осуществление трудовой деятельности в Германии.

Инструментами обеспечения обязанности иностранного гражданина покинуть пределы страны являются меры высылки и депортации. В последнее время в Германии наблюдается устойчивый рост числа депортаций. Выдворение не является чистой мерой реализации миграционной политики, а выступает способом обеспечения интересов государства, применяемым в случаях, когда нахождение на территории страны иностранного гражданина угрожает общественной безопасности и порядку, демо-

кратическим основам или другим важным интересам государства. Например, в соответствии с разделом 54 Закона о пребывании выдворению подлежит иностранный гражданин, осужденный за умышленные преступления и приговоренный к лишению свободы на срок не менее 2 лет, либо осужденный за умышленные преступления против жизни, здоровья, половой неприкосновенности или собственности, совершенные с применением насилия, угрозы жизни или здоровью либо обмана, и приговоренный к лишению свободы на срок не менее 1 года. При этом важным нюансом является то, что решение о выдворении образует основание для утраты статуса законного пребывания в Германии.

В Германии разработаны и действуют специальные программы оказания содействия добровольному возвращению мигрантов и их последующей реинтеграции в странах происхождения. В настоящее время основной категорией, на которую нацелены такие программы, являются лица, ищущие убежища в Германии и не имеющие возможности легально закрепиться на ее территории. В 1979 г. немецкое правительство в лице министерства по делам семьи, молодежи и здравоохранения запустило пилотную программу оказания содействия добровольному возвращению (Программа реинтеграции и эмиграции для лиц, ищущих убежище в Германии), которая реализуется и по сей день. В 1989 г. по инициативе и при финансовой поддержке МВД Германии она была дополнена и расширена за счет правительственной Программы оказания содействия репатриации. С 2010 г. в осуществлении Программы участвует и Европейский фонд возвращения. Сейчас финансирование осуществляется за счет средств как федерального, так и земельных министерств внутренних дел. Но вопросы добровольного возвращения не имеют четкой правовой определенности в немецком федеральном законодательстве.

Отдельное место отведено программам добровольного возвращения беженцев в государства их происхождения. Инновационный инструмент — программы переселения беженцев в третью страну. Однако число таких стран невелико и в основном ограничивается США, Канадой, ФРГ, Великобританией, Австралией и скандинавскими государствами.

К системным общеевропейским нормативным актам, регулирующим беженство и пре-

доставление убежища соискателям международной защиты, можно отнести: Программу универсальной процедуры предоставления убежища и статуса беженца (пакет убежища); директивы ЕС 2003–2005 гг. по регулированию миграционного учета соискателей убежища, предоставления статуса беженца; процедуру осуществления международной защиты; процессуальный Регламент (ЕС) № 343/2003 (Дублин II), который установил правила предоставления международной защиты (статуса беженца, убежища, долгосрочного резидента), а также поправки к нему 2013 г. (Дублин III), 2019 г. (Дублин IV); Стандарт квалификации иностранных бенефициаров международной защиты.

Правовое регулирование на международном и региональном уровнях статуса беженца и бенефициара международной защиты подчинено решению текущих задач, упреждению рисков, направлено на упорядочение фактически сложившихся на практике и осуществляемых правоотношений.

В ответ на значительное увеличение потоков беженцев начиная с 2015 г. ФРГ начала предпринимать активные усилия по ограничению роста числа иммигрантов и беженцев, в том числе и путем ужесточения законодательства. Так, в июне 2019 г. был принят закон, направленный на упрощение и ускорение процедур задержания и депортации иностранных граждан, которым отказано в убежище. Однако ФРГ сохраняет лидерство в ЕС по числу заявленных ходатайств о предоставлении убежища (при этом меньшая по размерам Швеция принимает большее число беженцев в процентном отношении к собственному населению). В настоящее время потоки мигрантов, ищущих защиту по гуманитарным соображениям, обеспечивают наибольшую долю прироста населения ФРГ.

Как следствие постоянного притока мигрантов, остаются весьма высокими расходы федерального бюджета. Часть суммы направляется на реализацию превентивных мер по сокращению потоков беженцев из государств происхождения. В частности, весьма действенной оказалась сделка, заключенная между Европейским союзом и Турцией, в рамках которой правительство Турции согласилось прекратить выпуск со своей территории мигрантов, следующих в Европу, получив взамен безвизовый режим поездок. Как следствие та-

кой договоренности, в 2019 г. приток новых беженцев в Германию резко упал в сравнении с предыдущими годами.

Большинство работающих беженцев заняты на низкоквалифицированных и, соответственно, низкооплачиваемых работах. В этой связи участие в интеграционных курсах является обязательным для беженцев, плохо владеющих немецким языком. В последнее время отмечается рост вовлеченности беженцев в финансируемые федеральным правительством программы профессиональной подготовки. Однако соискатель убежища, начавший профессиональное обучение, может быть депортирован из страны в связи с отклонением ходатайства еще до окончания учебной программы.

Завершая обзор практики ФРГ в сфере международной защиты иностранных граждан, необходимо упомянуть инновационные методы работы с соискателями убежища, направленные на обеспечение национальных интересов и имеющие оперативно-розыскной уклон. Так, с 2017 г. Федеральная служба по миграции и беженцам прилучила право проводить анализ информации, содержащейся в сотовых телефонах и иных средствах коммуникации мигрантов, если имеются обоснованные сомнения относительно государств их происхождения. Это позволило уже в 2018 г. подтвердить государства происхождения для 33% соискателей убежища, при этом только в 2% случаев было доказано, что мигранты предоставили о себе ложную информацию.

В заключение целесообразно выделить перспективные методы работы с кризисными мигрантами.

Наиболее востребованным на сегодняшний день инструментом стала практика «добровольного возвращения». Возвращение мигранта в государство происхождения осуществляется на основе самостоятельно и добровольно принятого решения, при этом ему оказывается необходимое содействие (материального, консультативного и иного характера). Для такого иностранного гражданина могут минимизироваться неблагоприятные последствия, связанные с его неурегулированным правовым статусом (например, не устанавливается запрет на въезд).

Можно рассмотреть перспективы полноценного внедрения такого подхода в российскую правовую систему и правоприменительную практику, тем более что федеральным зако-

нодательством в этом направлении уже сделаны определенные шаги. Так, в соответствии со ст. 32.5 Федерального закона от 25.07.2002 № 115-ФЗ в случае добровольного выезда реадмиссируемого мигранта, процедура реадмиссии прекращается и устанавливается минимальный срок запрета на повторный въезд.

Актуальным для немецкой правоприменительной практики следует считать предоставление компетентным органам права снятия и анализа информации с персональных средств мобильной связи, принадлежащих мигрантам. При этом такое полномочие имеет более широкое применение в первую очередь в сфере национальной безопасности, позволяя предотвращать и купировать транснациональные угрозы, в том числе и террористического характера. Заметим, что такой подход требует установления механизма межведомственного

информационного взаимодействия с теми правоохранительными органами, к чьей компетенции отнесены соответствующие вопросы.

На глобальном уровне действуют такие институты по регулированию беженства, как Агентство ООН по делам беженцев, Управление Верховного Комиссара по делам беженцев (УВКБ). Для эффективного сотрудничества по регулированию потоков беженцев УВКБ формирует и использует различные базы данных, помогающие выработать политику и руководящие принципы. Адресно осуществляемые еще за пределами государственной границы контрольно-проверочные мероприятия и привлечение в Российскую Федерацию конвенционных беженцев, обладающих нужными российской экономике знаниями и навыками, может стать дополнительным источником притока в страну востребованных специалистов.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Марина Леонидовна Галас — доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Финансовый университет, Москва, Россия
MLGalas@fa.ru

ABOUT THE AUTHOR

Marina L. Galas — Dr. Sci. (History), Chief Researcher, Financial University, Moscow, Russia
MLGalas@fa.ru

Статья поступила 19.12.2020; принята к публикации 25.01.2021.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article received on 19.12.2020; accepted for publication on 25.01.2021.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-2-30-34
УДК 32(045)+334.7(045)

Децентрализованные автономные организации как новый формат ведения бизнеса в цифровой экономике

Д.В. Кириллов

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0001-5458-3449>

АННОТАЦИЯ

В условиях мировой глобализации, главенствующей идеологии капитализма, автоматизации труда, демократизации и урбанизации общества децентрализованные автономные организации видятся одной из наиболее перспективных форм ведения совместного бизнеса в век информационных технологий. Наемные работники компаний являются одновременно членами гражданского общества, заинтересованными в развитии не только корпоративных, но и общественных ценностей. Гражданский контроль начинает применяться не только в отношении государства, но и отдельно взятых компаний, и потому взаимоотношения между бизнесом, государством и обществом требуют переосмысления.

Ключевые слова: ДАО; децентрализованные организации; токеномика; частные деньги; токены; цифровая анархия; uber-государство; блокчейн; либертарианство

Для цитирования: Кириллов Д.В. Децентрализованные автономные организации как новый формат ведения бизнеса в цифровой экономике. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(2):30-34. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-2-30-34

ORIGINAL PAPER

Decentralised Autonomous Organisations as a New Form of Doing Business in the Digital Economy

D.V. Kirillov

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0001-5458-3449>

ABSTRACT

In the context of world globalisation, the dominant ideology of capitalism, labour automation, democratisation and urbanisation of society, decentralised autonomous organisations are seen as one of the most advanced forms of joint business in the age of information technology. Employees of companies, being at the same time members of civil society, are interested in developing corporate values and social ones. Civil control is beginning to be applied to the state and individual companies, and therefore the relationship between business, government, and society require rethinking.

Keywords: DAO; decentralised organisations; tokenomics; private money; tokens; digital anarchy; uber-state; blockchain; libertarianism

For citation: Kirillov D.V. Decentralised autonomous organisations as a new form of doing business in the digital economy. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanity and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(2):30-34. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-2-30-34

НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Как форма коллективного управления, идея ДАО (децентрализованных автономных организаций) отнюдь не нова и в значительной степени напоминает такие известные формы ведения общего хозяйства, как советские колхозы, израильские кибуцы или китайские народные коммуны. Основной особенностью ДАО является наличие внутреннего служебного токена, — так у каждого члена организации появляется «опцион для работника», и поэтому он заинтересован не только в максимизации эффективности своего труда, но и в принятии правильных управленческих решений, ведь от этого будет напрямую зависеть его «бонус» в будущем.

Токены (внутренняя расчетная единица в обществе) являются одновременно и акциями компании, и цифровыми активами, и социальным рейтингом организации, и частными деньгами, так как внутри ДАО они могут выполнять все основные признанные функции денег наряду с национальной валютой или долларом (меры стоимости, средства обращения, средства платежа, средства накопления и мировых денег; при этом функция «мировых денег» достигается за счет блокчейна и набора смарт-контрактов по обмену криптовалют, которые на нем работают).

Дело в том, что, как и при развитии любого стартапа, ДАО проходит свой собственный путь «взросления», и в зависимости от конкретного этапа развития сообщества токены будут отражать одну из характеристик в большей или меньшей степени.

В отличие от традиционных компаний, взаимоотношения внутри организации ДАО регулируются не трудовыми договорами, а публичным программным кодом (смарт-контрактами), который обеспечивает не только прозрачность принятия управленческих решений, но и их демократизацию. В отличие от принципа коммунистического общества «от каждого по способностям, каждому по потребностям», в основе ДАО лежит принцип «от каждого по способностям, каждому по заслугам перед обществом», так как именно личный вклад в общее дело определяет долю человека в организации.

В условиях капитализма, колоссального недоверия и неравенства между «буржуями» и «пролетариатом» ДАО взаимовыгодно объ-

единяет социальные классы, при этом условия взаимоотношений прозрачны и автоматически выполняются благодаря смарт-контрактам. Безусловно, в настоящее время возникает значительное количество вопросов касательно истинности передаваемых в блокчейн данных, по которым автоматически выполняются заранее заданные алгоритмы, однако и эти вопросы постепенно решаются при помощи современных технологий.

Экосистема децентрализованных финансов, работающая на смарт-контрактах, позволяет финансировать «дао-стартапы» без риска потери всей суммы инвестиций, ведь в худшем случае инвестор потеряет средства всего лишь в размере инфляции (такая форма финансирования проектов в криптообществе называется «фарминг»). Суть фарминга состоит в том, что инвестор блокирует свои средства на эскроу-счете в блокчейне, а проценты с этого депозита идут на финансирование деятельности стартапа. У команды стартапа нет доступа к заблокированным средствам, так как деньги находятся в самоисполняемой неотредактируемой системе смарт-контрактов, а инвестор может в любой момент вернуть свои средства на собственный обычный счет. Таким образом, значительно снижается недоверие между инвестором и командой проекта, ведь денежные средства поступают в проект равномерно, и поэтому работают максимально эффективно.

ЭКОНОМИКА ДАО

Внутренняя форма управления ДАО подразумевает «голосование рублем», только эти самые рубли не тратятся для принятия решения, а просто обеспечивают соответствующий вес голоса. Кстати, в ДАО можно делегировать полномочия по тому или иному вопросу другому члену организации, ведь если человек некомпетентен в определенной сфере, ошибка финансово отразится не только на компании, но и непосредственно на самом участнике, так как упадет внешний рублевый спрос на товары или услуги ДАО, и его «бонус» в будущем станет меньше. Учитывая тот факт, что токены организации по большому счету можно получить лишь благодаря вложенному труду или капиталу через фарминг, таким образом достигается баланс интересов (ведь все правила изначально определены в смарт-контрактах в блокчейне

и не подлежат изменению без согласия большинства участников организации).

На примере таких глобальных корпораций, как Amazon, Google или Facebook, наиболее четко прослеживается экономический эффект от масштабирования бизнеса — когда малоизвестный проект покупается техгигантом, аудитория сервиса увеличивается в разы, а то и десятки раз. Информация — «нефть XXI века» — и наиболее эффективный способ поиска своей целевой аудитории являются важнейшими конкурентными преимуществами как для товара или услуги, так и, возможно, для целой страны.

ДАО объединяет как сугубо технологические способы поиска релевантной аудитории, так и социальные, ведь возникает ограниченный эффект «сарафанного радио». Каждый участник децентрализованной автономной организации заинтересован в ее продвижении и развитии, ведь он является одновременно и ее совладельцем, и работником на общественных началах. Ограниченность эффекта «сарафанного радио» заключается в том, что на «длинной дистанции» эффективность технологической рекламы падает, и на первое место выходят максимально персонализированные рекомендации от доверенного круга лиц, включая лидеров мнений с соответствующими нативными рекламными интеграциями.

В настоящее время большинство коммерческих компаний приносят дополнительную прибыль, получаемую от масштабирования своей деятельности, только собственникам и бенефициарам проекта, в то время как обслуживающий персонал работает по найму за фиксированную заработную плату в подавляющем количестве случаев. Несмотря на множество программ лояльности (включая особые привилегии для сотрудников), которые особенно распространены в розничных торговых сетях, низкая материальная заинтересованность сотрудников компании в продвижении бренда своей фирмы ограничивает ее органический рост.

В современной терминологии вышеуказанное принципиальное отличие ДАО от классических коммерческих компаний заключается во встроенной MLM-составляющей. MLM (multilevel marketing) означает многоуровневый или сетевой маркетинг (т.е. продвижение товара или услуги не только за счет сил и средств компании, но и с помощью людей вне штата фирмы). При синергии MLM-эффекта и соци-

ального рейтинга граждан (такого, например, как в Китае) возможен взрывной рост экономики, основанный на репутации и доверии лидерам мнений, а также на внутренних потребностях сообщества (что и образует первоначальный экономически подтвержденный спрос на товар или услугу). Из-за необходимости наличия первоначальных договоренностей как между членами внутри ДАО, так и между разными компаниями и самой децентрализованной организацией, возникает первичный отсев тех участников и партнеров, которых не удовлетворяют нормы морали и принципы большинства. При этом меньшинство в любой момент может создать отдельное сообщество, которое будет основываться на тех же экономических базисах, но на ином социально-идеологическом фундаменте внутри ДАО.

Внедрение «частных» денег, т.е. токенов ДАО, позволит государству в режиме реального времени отслеживать экономическую эффективность проектов, реализуемых на территории страны. Она будет основана не только на финансовых аспектах реализации того или иного продукта (в том числе, на объеме поступающих налогов в федеральный, региональный и местный бюджеты), но и на базе социального рейтинга команды-исполнителя проекта и его сообщества. Исходя из получаемых метаданных о финансовых потоках токенов в блокчейне, можно собирать и обрабатывать разнообразные статистические данные, которые позволят еще более эффективно использовать ресурсы как на уровне отдельно взятого ДАО, так и на уровне целого государства.

Одновременно с перестроением экономических моделей при реализации новых проектов внутри страны будет изменяться и роль государства по отношению к ДАО. Если на начальном этапе для ДАО необходимо взаимодействие с центральным банком страны для взаимного удобства использования «цифрового рубля» (в том числе, в целях корректного исчисления налогооблагаемой базы), то в дальнейшем, после установления взаимовыгодных отношений по финансовым вопросам, могут появиться предложения государственно-частного партнерства и в других отраслях, включая экономические и социально-политические.

В настоящее время на территории России приняты национальные проекты федерального масштаба, которые реализуются по принци-

пу «сверху вниз». Создание и развитие ДАО позволит воплощать в жизнь те же стратегические задачи, но по принципу «снизу вверх», уделяя значительное внимание не только экономическим, но и социальным аспектам проектов.

Одной из вариаций ДАО являются израильские кибуцы, существующие до сих пор. Граждане, выросшие в условиях кибуца, даже после начала работы вне пределов коллектива перечисляют долю заработка в общую «кубышку» кибуца, а внутри самого сообщества деньги не используются — все трудятся на общественных началах, ради признания и молчаливого одобрения сограждан. Тем не менее, по состоянию на 2021 г., некоторые кибуцы отходят от ортодоксальных правил прошлого века, и, как минимум, допускают наемный оплачиваемый труд мигрантов в коммуне. Возможно, данный факт говорит о внутренней готовности общества к новой модели функционирования экономики [1]. Стоит отметить, что в случае успешного ведения совместного хозяйства в рамках ДАО владельцы токенов впоследствии смогут жить за счет дивидендов от деятельности созданной ими организации, что напоминает пенсионную систему кибуцев, когда пожилые люди не работают и обеспечиваются другими членами сообщества.

Отчасти популяризация ведения совместного хозяйства в форме децентрализованных автономных организаций может стать стимулом к апробации социальной концепции, предполагающей безусловный базовый доход у всех граждан. После прохождения первого этапа становления ДАО в качестве социально-экономической ячейки общества и выхода на операционную прибыль компании его сооснователи могут получать безусловный базовый доход за счет ранее полученных токенов и получаемых дивидендов на них.

Токены ДАО укладываются в идеологию социализма, ведь оплата по принципу «каждому по труду» должна быть не на уровне государства, а на уровне конкретной компании (ДАО), так как организации внутри страны также отличаются между собой по эффективности, востребованности и другим параметрам (поэтому токены разных ДАО должны различаться в цене, подобно акциям публичных компаний). Таким образом, у государства и центрального банка остается функция наблюдателя за дея-

тельностью сообществ, а также возможность оказания прямого финансового воздействия на экономику страны путем софинансирования деятельности ДАО за счет установления обменного курса национальной валюты к токенам на территории страны. Более того, при должной проработке технологической архитектуры и достаточном уровне удобства использования цифрового рубля (точнее, CBDC — central bank digital currency), оборот квазивалюты на территории страны может быть сведен к минимальному (необходимому лишь локально) уровню, в том числе в целях управленческого учета внутри организации.

С точки зрения политической философии основной принцип децентрализованных автономных организаций схож с движением либертарианства, в том числе с либертарным социализмом и социальным анархизмом. ДАО никак не противопоставляет себя государству, не ставит под сомнение институт государственного управления, а лишь является одним из форматов социально-экономического объединения людей. Тем не менее в парадигме отношений между государством и обществом децентрализованные организации более присущи идеям Шарля Монтескье, нежели либеральной парадигме Джона Локка, так как являются автономными [2].

В российском законодательстве отсутствует организационно-правовая форма, которая корректно бы описывала и регулировала деятельность подобных организаций, однако наиболее близким по смыслу является понятие «товарищество на вере». С юридической же точки зрения ДАО — это, скорее, объединение самозанятых людей, которые разделяют схожие ценности внутри сообщества и экономическую прибыль от ведения деятельности сообща.

ДАО не только заимствует эффективные методы управления обществом, но и усовершенствует их, «монетизируя» личную заинтересованность каждого члена коммуны за счет зарабатываемых токенов, которые всегда хранятся в блокчейне. За счет современных технологий в виде блокчейна и протоколов децентрализованных финансов можно усовершенствовать даже такую экономически эффективную модель построения общества, как израильские кибуцы. При этом любопытно отметить, что большая часть правил функционирования кибуцев, разработанная еще в первой половине XX в.,

укладывается в нормы Конституции РФ, что совсем не удивительно, ведь они создавались в 20-е гг. прошлого века, в том числе, выходцами из Российской империи.

Первая цифровая децентрализованная автономная организация в мире была основана в 2016 г. на базе блокчейна Ethereum, однако из-за недочетов в программном коде была взломана хакерами, а финансовые средства выведены на счета злоумышленников. Тем не менее это не остановило развитие данного направления, и количество создаваемых ДАО растет из года

в год, объединяя людей, связанных не только с криптосферой, но и с реальной экономикой.

ВЫВОДЫ

В настоящее время четко прослеживается необходимость трансформации традиционного бизнеса. Пандемия и набирающие популярность стандарты экологического, социального и корпоративного управления (ESG) ставят новые задачи перед компаниями и обществом, и, возможно, децентрализованные автономные организации смогут стать их решением.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кондракова Ю. Н., Виноградов А. В. Киббуц как попытка практической реализации идей утопического социализма. *Теории и проблемы политических исследований*. 2016;(3):262–273.
2. Симонов К. В. Куда приведут технологии? Выбор между цифровой полиархией, цифровым авторитаризмом и цифровой анархией. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(6):6–11. DOI: 10.26794/2226–7867–2020–10–6–6–11

REFERENCES

1. Kondrakova Yu.N., Vinogradov A.V. The kibbutz as an attempt of practical implementation of the ideas of utopian socialism. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy*. 2016;3:262–273.
2. Simonov K.V. Where will technology take? Choosing between digital polyarchy, digital authoritarianism, and digital anarchy. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanity and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(6):6–11. DOI: 10.26794/2226–7867–2020–10–6–6–11

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дмитрий Валерьевич Кириллов — начальник Управления развития бизнеса Департамента государственных финансов, СМП Банк, Москва, Россия
d79162666578@ya.ru

ABOUT THE AUTHOR

Dmitry V. Kirillov — Head of the Business Development Division, GR Department, SMP Bank, Moscow, Russia
d79162666578@ya.ru

Статья поступила 15.01.2021; принята к публикации 10.02.2021.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article received on 15.01.2021; accepted for publication on 10.02.2021.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-2-35-40
УДК 323.2(045)

Роль силовых структур в периоды политической турбулентности

Н.Н. Кулакова

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0001-6776-6084>

АННОТАЦИЯ

Непреложным инструментом, ресурсом системы государственной власти и значимым фактором, определяющим отношения и исход конфликта между властью и обществом в период внутривнутриполитической турбулентности, являются силовые структуры. Периоды неустойчивости и неопределенности традиционно сопровождаются присутствием силовиков во власти и их участием в борьбе за нее. В настоящее время мир стоит перед выбором одной из нескольких вероятных траекторий дальнейшего развития. Мировая глобализация и сетевая революция повышают возможности и значение в историческом процессе отдельной личности и априори – «человека с ружьем». Современные реалии международных отношений стимулируют существование и укрепление силовых структур как инструмента государственной власти. Внутригосударственные вызовы и события в целом ряде стран мира в 2020–2021 гг. вынуждают обратиться к переосмыслению возможности использования силовых структур в решении внутривнутриполитических конфликтных ситуаций, а также провести аналитическую оценку возможных вариантов действий личного состава, связанных с применением вооруженного насилия в периоды интенсивной политической турбулентности внутри государств. В работе обосновывается необходимость оперативного реагирования государственной власти на изменения политической обстановки в стране. Автор полагает, что тенденция к росту значимости силовых структур как силы, оказывающей решающее воздействие на выбор направления дальнейшего развития в точке бифуркации, требует не только осознания, но корректировки коммуникационных процессов в связке «государство – силовые структуры – гражданское общество».

Ключевые слова: государство; кризис; силовые структуры; актор; развитие; бифуркация; транзит; система

Для цитирования: Кулакова Н.Н. Роль силовых структур в периоды политической турбулентности. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(2):35-40. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-2-35-40

ORIGINAL PAPER

The Role of the Security Forces in Times of Political Turbulence

N.N. Kulakova

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0001-6776-6084>

ABSTRACT

The power structures are an indispensable tool, the state power system's resource and a significant factor determining the relationship and outcome of the conflict between the government and society in a period of internal political turbulence. Periods of instability and uncertainty are traditionally accompanied by security officials' presence in the bowels of power and participation in the struggle for it. At present, the world is faced with choosing one of several possible trajectories for further development. World globalisation and the network revolution increase an individual's capabilities and importance, and a "man with a gun" a priori, in the historical process. Modern realities of international relations stimulate the existence and strengthening of power structures as state power instruments. Domestic challenges and events in several countries of the world, which actively declared themselves in 2020–2021, force them to rethink the possibility of using law enforcement agencies in resolving internal political conflict situations, as well as the need to conduct an analytical assessment of possible options for the actions of personnel associated with the use of armed violence during periods of intense political turbulence within states. The article substantiates the need for a prompt response of state authorities to changes in the country's political situation. The author believes that the tendency to an increase in the importance of power structures, as a force exerting a decisive influence at the point of bifurcation on the choice of the direction of further development, requires not only awareness but adjustment of communication processes in the connection "state – power structures – civil society".

Keywords: state; crisis; power structures; factor; development; bifurcation; transit; system

For citation: Kulakova N.N. The role of the security forces in times of political turbulence. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(2):35-40. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-2-35-40

Функционирование любой политической системы детерминировано широчайшим спектром компонентов. Один из древнейших среди них — военная сила, алгоритм взаимодействия которой с иными компонентами определяет индивидуальные характеристики и вектор истории государства. При этом компоненты политической системы, меняясь под воздействием объективных факторов, одновременно трансформируются сами и способствуют изменению действительности. Однако не каждое радикальное политическое изменение возможно определить как прогресс. Высокая сложность организации вкупе со значительной интенсивностью турбулентных процессов могут привести к распаду системы и формированию на ее месте другой, с новым набором характеристик и новой систематизацией. Транзит системы не является однозначным движением к более совершенной форме организации власти. В эволюции этого многогранного процесса и выборе его направления значимая роль традиционно принадлежит силовым структурам.

Несмотря на существование определенных параллелей, прогноз возможных вариантов исхода и результатов взаимодействия компонентов бифуркационных процессов (даже в системах, сходных по своим политико-экономическим показателям), а также проведение аналогий развития и выхода из турбулентности — занятие неблагодарное. Функционирование и результат, полученный в одной из систем, сам по себе не носит предсказательных оснований в силу того, что в аналогичном, но еще не реализованном случае, процесс может развиваться по иному пути.

Однако бифуркационные процессы, захватывающие все составляющие системы, выступают неотъемлемым компонентом универсального эволюционизма и характеризуют нарушение состояния равновесия эволюционного пути. Еще одной характеристикой бифуркации, помимо потери устойчивости, выступает искажение или утрата памяти, что делает последующую эволюцию практически непредсказуемой. Но при этом доминантными факторами, определяющими вектор ее последующего движения, становятся явления и участники, влияющие на систему в период прохода точек бифуркации.

Однако, в отличие от природных бифуркационных процессов, коренные преобразования общественных систем осложнены целенаправленной деятельностью политических акторов. Таким

образом, практически невозможно исключение случайностей, обусловленных определяющим функционированием в данной системе человеческих индивидов, наделенных как сознательным, так и бессознательным мышлением и мотивацией. Роль и значимость функционирования актора в период бифуркации пропорциональна его личностным возможностям и характеристикам, определяющей среди которых выступает умение действовать в стрессовых ситуациях и принимать ответственные, критически важные решения. Именно такими навыками и наделены профессиональные военнослужащие. Необходимо учитывать, что, постоянно сталкиваясь в своей привычной жизни с элементами случайности, «гражданский» человек, оказавшись вовлеченным в бифуркационный процесс, практически теряет возможность, а порой и способность реализовать свою волю и удовлетворять жизненно важные интересы. Следовательно, его возможность оказывать целенаправленные и осмысленные воздействия на разворачивающиеся в государстве политические процессы снижается.

Основываясь на модели универсального эволюционизма и учитывая всестороннюю нарастающую мировую турбулентность, при анализе и оценке возможностей социальных групп стоит принимать во внимание рост уровня сложности и профессиональной специализации, которые способны вывести силовиков на принципиально иной уровень влияния на политическую жизнь государства.

Периоду бифуркации — времени радикальных изменений — предшествует постепенное обострение ситуации и последующее формирование качественно нового состояния системы. Бифуркационный процесс, выступая механизмом самоорганизации и выполняя важнейшую функцию в общей эволюционной системе, способствует росту разнообразия форм мышления, усложнению общественных институтов и формированию новых организационных структур. Вышеперечисленные характеристики относятся в полной мере к процессам, протекающим, в том числе, во взаимодействии власти и силовых структур в кризисные периоды.

Политологическое осмысление развития человечества не позволяет абстрагироваться от признания того факта, что одной из постоянных проблем социальной практики является проблема насилия, самой агрессивной формой проявления которого выступает война. Увы, но история мира —

это история военных действий того или иного масштаба и продолжительности. Вооруженные люди с древнейших времен играют ключевую роль в неизбежных конфликтах. По мере развития социума и формирования политических отношений силовые группы превращаются в основной инструмент государства в защите своей и завоевании чужих территорий, а также в борьбе за власть в собственной стране. Подсчитано, что за последние 5 тыс. лет произошло более 15 тыс. войн, основным содержанием которых является вооруженная борьба, а инструментом ведения выступает армия – древнейшая силовая структура. Таким образом, в критические периоды истории, при которых государственная система становится неустойчивой (война, государственный переворот, политический конфликт), особую роль, во многом определяющую дальнейшее направление развития государства, играют вооруженные силы, выступающие инструментом легального насилия, определяющие отношения и исход международных или внутривнутриполитических конфликтов.

Дихотомия реального положения вооруженных сил государства состоит в их неотъемлемой принадлежности обществу и одновременной непреложной обязанности подчинения государственной власти и выполнения поставленных государством задач.

Необходимо осознавать и принимать во внимание тот факт, что основы государственной власти и стабильность общественно-политического режима базируются на подчинении вооруженных сил распоряжениям властного руководства. Анализируя историческое прошлое, теоретики вооруженного насилия обращали внимание на политический характер его применения. В частности, К. Клаузевиц отмечал, что война «исходит из общественного строя государств и их взаимоотношений, ими она обуславливается, ими она ограничивается и умеряется». Действия вооруженных сил «никогда не являются изолированным актом... мотивом перехода к боевым действиям является политика и существующие конкретные политические отношения. Война всегда вытекает из политического состояния и обосновывается лишь политическими мотивами. Военные действия — это политический акт, являющийся подлинным орудием политики, продолжением политических отношений другими средствами» [1]. Проблема политической активности вооруженных сил учеными традиционно рассматривается сквозь призму гражданско-военных отношений,

начало этой традиции положил С. Хантингтон в монографии «Солдат и государство» [2].

Но далеко не всегда силовые структуры, и армия в частности, выступают как субъект политики. Анализ практики участия и места данных структур в вопросах отправления власти демонстрирует широкий диапазон вариантов. К примеру, Хантингтон считает, что в мирное время профессиональные военные должны стоять вне политики, но отмечает, что «...если политика и общество становятся слабыми и дегенерируют, тогда ультимативную ответственность за государство должна неизбежно взять на себя “профессиональная” военная каста». Хантингтон считает рациональным, что в период Второй мировой войны высшее военное командование определяло не только военную политику США, но контролировало экономику государства и его внешнеполитический курс. С. Хантингтон приводит компетентное мнение адмирала Леиса: «Начальники объединенных генеральных штабов в настоящее время не подвергаются никакому предписанному законом гражданскому контролю» [3]. Следовательно, силовые структуры могут выступать не только инструментом власти, но и как одна из сторон, участвующих в политическом процессе.

Эволюция российского политического процесса обусловлена столь широким спектром особенностей, представленных, в том числе, фактором географических пространственных реалий и исторической данности, что дополнительно затрудняет выстраивание аналогий и проведение параллелей с политической практикой других государств. Довольно непродолжительные, относительно мирные периоды развития страны являются лишь антрактами для регулярно сменяющихся политических и военных баталлий высокой степени аффектации. Российская историческая данность структурировалась и продолжает оказывать значительное влияние на зарождение, развитие и характеристики внутренних политических процессов, независимо от политической системы, существующей на данный момент. Отечественная история свидетельствует, что развитие и перспективы исхода и формирования нового мирового порядка достаточно часто определяются позицией и ролью вооруженных сил в российском турбулентном процессе. Одна из них — историческая традиция нахождения военных в недрах власти и их участие в борьбе за власть.

Практически до Октябрьского переворота 1917 г. российская власть была выражена в мили-

таризованном формате — одна личность возглавляла государство и одновременно стояла во главе армии. Ближайший монарший круг также состоял из военных, силовики же оказывали решающее влияние на то, кто взойдет на царский престол. Так, гвардия, созданная Петром I, долгое время активно влияла на развитие политических процессов в государстве, при этом основывала свои действия на личном представлении о достоинствах претендента и на том, насколько он отвечает интересам гвардии. Дворцовые перевороты, убийство Петра III и воцарение Екатерины II, свержение Павла I и вступление на престол Александра I, выступление армии против монархии в феврале 1917 г. — все это осуществлялось военными. Октябрьская революция 1917 г., Гражданская война, московский мятеж чекистов в июле 1918 г., задержание и арест Л. Берии и приведение к власти Н. Хрущева, срыв плана «антипартийной группы» поставить у власти сторонников Сталина в июне 1957 г., а также заговор Л. Брежнева против Н. Хрущева — в этих турбулентных событиях главная роль принадлежала силовикам.

Несмотря на широко декларируемую Б. Ельциным идею «армия вне политики», его политические цели в 1993 г. были достигнуты путем крови, посредством активного привлечения силовиков: ОМОНа, Кантемировской танковой дивизии, 2-й гвардейской мотострелковой (Таманской) дивизии, отряда специального назначения «Витязь» и др.

При этом не стоит игнорировать тот факт, продемонстрированный в 1993 г., что современные российские силовые структуры могут выступать не только как объект управления, но и как мыслящая и действующая политическая единица, самостоятельно интерпретирующая властный приказ. Более того, холодный и грамотный разум офицеров спецподразделений, их понимание, что в осажденном «Белом доме» «не террористы, а наши граждане» [4] обеспечили достижение поставленной цели посредством переговоров, а не кровопролития, заданного распоряжением Ельцина и неизвестными снайперами, активно и смертоносно провоцирующими спецназ на штурм Верховного Совета [5].

В современном мире вероятность нелинейного развития микрофлуктуаций, определяемых свободой индивидуального выбора, возрастает вслед за ростом численности политических акторов, как это имело место в вышеуказанных событиях.

Таким образом, военной силе в российской политической практике традиционно принад-

лежит важное место, что во многом обусловлено геополитическим положением государства, часто становившегося объектом агрессии. Одна из особенностей протекания российских турбулентных процессов — участие вооруженных сил в формировании и определении вектора развития российской политической системы.

Современная российская политическая система находится в процессе развития и накопления достаточного уровня прочности, в связи с чем нуждается в пристальном внимании и определении возникающих вызовов и угроз, а также — в оценке действий возможных акторов, способных радикально трансформировать политическое пространство.

В турбулентные исторические периоды, в том числе во время переворотов и революций, участие населения в политических процессах достигает своего апогея — из властных кабинетов разного уровня оно выплескивается на улицы, где и происходит далеко не всегда мирное взаимодействие власти и общества. Вместе с тем практически в любом современном государстве в состав силовых структур входят подразделения, имеющие особую важность для государства и предназначенные для силового функционирования в сфере публичной политики — внутренние войска. Участие армейских подразделений в борьбе с гражданскими волнениями и беспорядками не является профильной задачей армии, это экстремальный способ аттракции. А использование властными органами вооруженных сил против своего населения ставит под сомнение их легитимность.

Для определения роли вооруженных сил в бифуркационных моментах истории и вероятностного прогнозирования их действий в предстоящие кризисные периоды важно понимать, что и почему определяют выбор «человека с ружьем» в момент исторического перепутья. Что выступает решающим фактором в деяниях: присяга на верность государству (властным политическим структурам) или же ощущение сопричастности к этносу, к Родине, в глубинном понимании этого слова.

Отдавая должное марксистскому постулату о значимости материальных компонентов в определении сознания, необходимо признать, что существенное влияние на позицию социальной группы в кризисные периоды истории оказывает уровень ее экономического благосостояния. Таким образом, экономический фактор является компонентом в комплексе оснований, оказывающих

влияние на направление развития бифуркационного сценария транзита системы.

Однако применение вооруженного насилия в кризисные периоды обуславливается не только материальными, но и духовными элементами. На подготовку и применение насилия оказывают значительное влияние морально-психологические, идеологические и другие факторы, образующие весь комплекс складывающихся условий, которые и определяют, будет ли применяться оружие, имеет ли смысл использовать насилие, а также его конкретную форму и соразмерность.

Внутриполитические конфликты всегда сопровождаются ожесточенной борьбой противоборствующих сторон за привлечение силовых структур на свою сторону. Подтверждением этому является активная пропаганда политическими партиями своих идеологических постулатов в солдатской и офицерской среде для получения поддержки в реальной политической борьбе. Масштабный переход солдат и матросов, а также значительного числа офицерского состава на сторону восставших предопределил победу в кризисный 1917 г. За прошедший год призывы к силовым структурам со стороны оппозиции звучали в Белоруссии (<https://www.rbc.ru/society/21/09/2020/5f6881eb9a79473c41363e4b>), с опорой на армейские подразделения прошла смена президента в США [6].

В мировой истории и современной политической практике достаточно традиционен сценарий привлечения политиками, не справляющимися с проблемой мирными средствами и желающими избавиться от конкурентов, силовых структур для устранения соперников. Монопольное право власти на применение силы, а также профессиональные характеристики силовиков делают довольно легко реализуемыми подобные устремления.

Несмотря на то что деятельность силовиков определяется конкретными социальными силами, осуществляющими властное руководство, социальный состав современных силовых структур обычно включает разные группы населения. Соответственно, силовые структуры в своих рядах сосредотачивают и отражают коренные социальные интересы всех групп общества. Эффективность применения силовых структур в конфликтной ситуации во многом зависит от морально-политических взглядов и психологического состояния военнослужащих, их личного отношения к происходящим событиям, лозунгам и целям акторов политической конфронтации. Готовность и стремление силовиков поддерживать ту или иную политическую силу или выступить

самостоятельным субъектом борьбы и продиктовать всем участникам свою волю определяется не только присягой на верность, но и степенью совпадения или расхождения базовых интересов военнослужащих и выдвигаемых политиками целей и лозунгов. В современном мире, когда информация и знания становятся главным продуктом производства, а передача информации — неотъемлемой деятельностью человечества, игнорировать факт политической информированности и вовлеченности самых широких групп населения (в том числе, и военнослужащих) в политические процессы нерационально. Рост народонаселения планеты и расширение демократических процедур, массовая доступность политической информированности — это факторы, которые работают на повышение вероятности влияния нелинейных флуктуаций на развитие системы. Однако имеется и другая сторона медали, когда формируются предпосылки ситуаций, в которых индивидуальная свобода выбора может подавляться императивом группы.

Политическое влияние силовых структур, их возможности в публичной сфере в нашей стране пока оцениваются как довольно невысокие. Базируясь на представлении о силовиках как о теневых акторах, политикам следовало бы помнить, что армия, спецслужбы и полиция генетически и объективно являются крайне весомой частью публичной политики. Следовательно, их корпоративные интересы должны адекватно отражаться государством в политической системе страны, иначе они могут и сами отстоять свои потребности.

Российский Президент В.В. Путин еще несколько лет назад обратил внимание на резко возросшую «...непредсказуемость мирохозяйственных процессов и военно-политической обстановки в мире». В настоящее время заканчивается период мировых латентных процессов, заявленные проблемы приобретают особенную актуальность, мир стоит перед выбором одной из нескольких вероятных траекторий движения.

В истории человечества не было столь неустойчивого, многовариантного и ограниченно предсказуемого периода, когда одновременно в мировом масштабе разворачивается турбулентный процесс, видимой частью которого выступают пандемия COVID-19 и системный мировой экономический кризис, который еще предстоит научно осмыслить. Изменчивость картины мира влияет на акценты, а возможно, и содержание законов природы и социума, трансформируя их в гипотезы и вероятности. Это, в свою очередь, повышает значимость про-

исходящих событий, привносящих в осмысление элемент новизны и эмпирики, не идеализируя ситуацию, а отражая стремительно усложняющийся и подвергаемый очередному финансов-политическому переделу реальный мир.

Сложно, но крайне важно понять, как справится человечество с новыми вызовами эволюции,

станет ли постковидный мир более хаотическим и жестко дифференцированным, или же мировая система перейдет на иной, более высокий уровень упорядоченности, создаст новые идеологические концепции, способные не только радикально, но и гуманно преобразовывать политическое пространство.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кокошин А.А. Политико-военные и военно-стратегические проблемы национальной безопасности России и международной безопасности. М.: ИД Высшей школы экономики; 2013.
2. Хантингтон С. Солдат и государство: теория и политика гражданско-военных отношений. Нью-Йорк: Belknap Press; 1957.
3. Анчуков С. Подготовка к современной войне. URL: <https://booksonline.com.ua/view.php?book=39747&page=17>.
4. Баранец В., Гамов А., Кафтан Л. Тайны расстрела «Белого дома». URL: <https://www.kp.ru/daily/24174/385092/>.
5. Самоделова С. «Стреляла третья сила»: ветераны «Альфы» раскрыли тайны октября 1993-го. URL: <https://www.mk.ru/social/2018/10/03/strelyala-tretya-sila-veterany-alfy-raskryli-tayny-oktyabrya-1993go.html>.
6. Прохвятилов В. ФБР заявляет о возможности вооруженных протестов во всех 50 штатах Америки. ФБР заявляет о возможности вооруженных протестов во всех 50 штатах Америки. URL: <https://e-news.su/mnenie-i-analitika/365212-fbr-zayavlyaet-o-vozmozhnosti-vooruzhennyh-protestov-vo-vseh-50-shtatah-ameriki.html>.

REFERENCES

1. Kokoshin A.A. Political-military and military-strategic problems of Russian national security and international security. M.: Publishing House of the Higher School of Economics; 2013. (In Russ.).
2. Huntington S. The Soldier and the State: Theory and Policy of Civil-Military Relations. New York: Belknap Press; 1957. (In Russ.).
3. Anchukov S. Preparation for modern war. <https://booksonline.com.ua/view.php?book=39747&page=17>. (In Russ.).
4. Baranets V., Gamov A., Kaftan L. Secrets of the shooting of the “White House”. URL: <https://www.kp.ru/daily/24174/385092>. (In Russ.).
5. Samodelova S. “The third force was shooting”: the veterans of “Alpha” revealed the secrets of October 1993. URL: <https://www.mk.ru/social/2018/10/03/strelyala-tretya-sila-veterany-alfy-raskryli-tayny-oktyabrya-1993go.html>. (In Russ.).
6. Прохвятилов В. The FBI declares the possibility of armed protests in all 50 states of America. URL: <https://e-news.su/mnenie-i-analitika/365212-fbr-zayavlyaet-o-vozmozhnosti-vooruzhennyh-protestov-vo-vseh-50-shtatah-ameriki.html>. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Нина Николаевна Кулакова — кандидат политических наук, доцент Департамента политологии и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия
nina260169@rambler.ru

ABOUT THE AUTHOR

Nina N. Kulakova — Cand. Sci. (Politology), Senior Lecturer, Department of Political Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia
nina260169@rambler.ru

Статья поступила 01.02.2021; принята к публикации 17.02.2021.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article received on 01.02.2021; accepted for publication on 17.02.2021.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-2-41-46
УДК 81(045)

Новые формы научного взаимодействия в эпоху цивилизационного слома

И.И. Климова^а, Н.А. Козловцева^б, М.Э. Конурбаев^с

^{а, б} Финансовый университет, Москва, Россия;

^с Финансовый университет, Москва, Россия; МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

^а <https://orcid.org/0000-0001-5142-1890>; ^б <https://orcid.org/0000-0002-2323-0752>;

^с <https://orcid.org/0000-0003-4710-9444>

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена результатам I Международной научно-практической конференции «Лингвистика дистанцирования: способы существования и эволюция языковой системы в эпоху цивилизационного слома». В рамках конференции ставился широкий круг вопросов. Участники конференции – специалисты в сфере лингвистики, психологии, филологии, культурологии, антропологии, когнитивистики, истории – поделились своими наблюдениями за изменениями языка. За последние 50 лет человечество прошло путь от глобального экономического взлета до полного разрыва отношений социальных групп и целых народов, от глобализации до регионализации, от мирового единения до обособления народов и культур. Мировая эпидемия коронавируса изменила характер человеческого общения. Стремление расширять его горизонты сохраняется, а из доступных средств познания мира людей человечеству осталось совсем немного – виртуальные каналы коммуникации. И главное – вместо «человека в полный рост» участники коммуникации получили практически стопроцентную вербальную информацию при практически нулевой невербальной.

Ключевые слова: международная конференция; лингвистика; пандемия; коммуникация

Для цитирования: Климова И.И., Козловцева Н.А., Конурбаев М.Э. Новые формы научного взаимодействия в эпоху цивилизационного слома. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(2):41-46. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-2-41-46

ORIGINAL PAPER

New Forms of Scientific Interaction in the Era of Civilizational Shift

I.I. Klimova^а, N.A. Kozlovtsseva^б, M.E. Konurbaev^с

^{а, б} Financial University, Moscow, Russia;

^с Finance University, Moscow, Russia; Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

^а <https://orcid.org/0000-0001-5142-1890>; ^б <https://orcid.org/0000-0002-2323-0752>;

^с <https://orcid.org/0000-0003-4710-9444>

ABSTRACT

The article is devoted to the results of the 1st International Conference “Linguistics of Distancing: ontology and evolution of language in the time of civilizational shift”. A wide range of issues was raised during the conference. The conference participants – specialists in linguistics, psychology, philology, cultural studies, anthropology, cognitive science, and history – shared their language changes observations. Over the past 50 years, humanity has gone from a global economic boom to a complete break in social groups and entire peoples’ relations, from globalization to regionalization, from world unity to the separation of peoples and cultures. The global coronavirus epidemic has changed the nature of human communication. The desire to expand its horizons remains, and of the available means of knowing the world of people, humanity has very little left – virtual communication channels. And the main thing is that instead of a “full-length person”, the communication participants received almost one hundred per cent verbal information with nearly zero nonverbal information.

Keywords: international conference; linguistics; pandemic; communication

For citation: Klimova I.I., Kozlovtsseva N.A., Konurbaev M.E. New Forms of Scientific Interaction in the Era of Civilizational Shift. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(2):41-46. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-2-41-46

25 –26 января 2021 г. Департаментом иностранных языков и межкультурной коммуникации факультета международных экономических отношений Финансового университета при Правительстве РФ совместно с Филологическим факультетом МГУ им. М. В. Ломоносова была проведена I Международная научно-практическая конференция «Лингвистика дистанцирования: способы существования и эволюция языковой системы в эпоху цивилизационного слома».

Динамично меняющийся мир обуславливает трансформацию языков и культур, отражающих все происходящее в мире. Конференция была организована как попытка осмысления происходящих в языке и культуре изменений с целью оценить текущее состояние языка как ключевого инструмента человеческого общения.

Что происходит в глубинах системы языка? Что происходит с человеческим мозгом? Как меняются когнитивные процессы? Чего ожидать человечеству в ближайшее десятилетие, если тонкие и пока едва заметные процессы накопительно приведут к серьезным сдвигам во всем величественном здании человеческой коммуникации, выстраивавшемся на протяжении столетий?

В работе конференции приняли участие 365 человек из 24 стран мира: Австрии, Великобритании, США, Чехии, Испании, Италии, Франции, Нидерландов, Болгарии, Латвии, Литвы, Венгрии, Словакии, Кипра, Турции, Ливана, Белоруссии, Украины, Азербайджана, Казахстана, Армении, Киргизстана, Грузии и 36 регионов России. Все участники внесли свой вклад в поиск ответов на поставленные на пленарном заседании вопросы в рамках секций и в комментариях к докладам в интернете.

Новые условия, созданные мировой пандемией, спровоцировали поиск иных форматов научного взаимодействия. Участникам конференции был предложен нетрадиционный формат проведения пленарного заседания конференции: посредством просмотра записей докладов на YouTube с последующей дискуссией в комментариях к видео. Доклады были сделаны в форме научного диалога профессора, научного руководителя Департамента иностранных языков и межкультурной коммуникации М. Э. Конурбаева и профессора, руководителя

Департамента И. И. Климовой с пленарными докладчиками: Д. Кристалом, Т. В. Черниговской, О. В. Александровой, С. Г. Тер-Минасовой, А. А. Кибриком, Н. Бароном, С. П. Леонардом, Л. А. Чижовой, М. А. Кронгаузом. Такой формат был высоко оценен участниками конференции.

Пленарная сессия конференции началась 25 января, в День студента и День рождения Московского государственного университета, который является соорганизатором конференции.

В пленарном докладе профессора, члена Британской академии и Ученого общества Уэльса, Университета Бангор в Великобритании Дэвида Кристала обсуждалось будущее английского языка, вопрос о том, как меняется человеческая коммуникация в эпоху интернета, какие изменения ждут английский язык и почему живое общение является ключевым элементом коммуникации.

В продолжение пленарного доклада 25 января состоялась онлайн-сессия вопросов и ответов с Дэвидом Кристалом, в которой приняли участие более 700 человек. В рамках мероприятия профессор ответил на разнообразные вопросы академического сообщества, связанные с современным английским языком: о лексике, произношении, поведении языка, использовании гаджетов и социальных сетей.

Началась сессия с обсуждения состояния английского языка как языка международного общения в ближайшей перспективе, с учетом сложившейся тенденции к изолированности людей, их дистанцирования друг от друга и ограничений в передвижении и путешествиях.

На встрече обсуждались вопросы дальнейших изменений в языке (затронут ли они только художественную литературу, получают ли большее развитие в журналистике или, возможно, даже повлияют на научный регистр речи), а также — применимо ли понятие «большие данные» к современным языковым исследованиям и каковы в этом случае перспективы корпусной лингвистики в этой области.

Отдельное внимание было уделено вопросам языковой политики: как разные страны продвигают свой язык и поддерживают приобретение определенных аспектов языка и культуры. Профессор осветил свое видение идеальной языковой политики, оценил политику британского и российского правительства в данном направлении.

Безусловно, большое количество вопросов было посвящено английскому языку и культуре, на которых специализируется профессор Кристал. Он осветил вопросы трансформации англоязычной культуры в эпоху интернета, основные критерии культуры речи в академической среде, взаимосвязи вопросов кодирования и декодирования с точки зрения семиотических и когнитивных характеристик, а также — в какой степени процесс аббревиации влияет не только на коммуникативное поведение членов общества, но и на структуру и перспективы развития языковой системы.

Ряд вопросов касался методических аспектов преподавания английского языка, в частности требует ли общение в ZOOM каких-либо специальных навыков говорения и подготовки в том, что касается его артикуляции, скорости и ритма. Также рассматривался вопрос, как правильно нужно учить студентов понимать, анализировать и ценить английский юмор (зависит ли это от уровня владения языком и стоит ли полагаться на конкретный уровень студентов, или вполне возможно начинать знакомить студентов с образцами английского юмора с начальных этапов обучения языку).

Эта встреча стала краткой устной энциклопедией английского языка, вызвав искреннее восхищение у участников конференции, которые назвали ее «двумя часами лингвистического счастья».

Заданный тон дискуссии о состоянии и будущей динамике языков был поддержан пленарными докладами конференции. Отвечая на ключевой вопрос конференции о текущем состоянии языковой системы и ее трансформации в эпоху цивилизационного слома, пленарные докладчики подчеркивали, что на сегодняшний день нельзя говорить о глобальных изменениях в языке и природе человеческой коммуникации, однако же определенные тенденции были намечены в каждом из докладов.

В рамках своего пленарного доклада на тему «Мозг билингва» профессор Санкт-Петербургского государственного университета, член-корреспондент РАО Т.В. Черниговская рассказала о том, что происходит с мозгом человека, живущего в пространстве интернета, как выглядит мозг современного билингва и как виртуальная коммуникация может повлиять на наш язык.

Совместно с профессором, заведующей кафедрой английского языкознания филологического факультета МГУ О.В. Александровой М. Э. Конурбаев и И. И. Климова обсудили вопросы современной лингвистики и попытались выяснить, каковы перспективы лингвистики XXI в. В беседе они рассуждают о том, на что стоит обратить общественное внимание: на развитие человека или искусственного интеллекта, как построить процесс образования будущего и в каком направлении должна двигаться когнитивная лингвистика.

«У нас особенная статья, — говорит в своем пленарном докладе С.Г. Тер-Минасова, профессор, президент факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова, — мы развивались вне мировых трендов смены поколений и по своим собственным законам коммуникации. Язык — это способ сокрытия информации, и ничего не изменилось в новую эпоху. Нужно преподавать его студенту как сокровищницу и кладовую культуры. И это возможно осуществить только с любовью к преподаваемому языку».

Говоря об эволюции функциональных стилей, профессор, декан филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова А.А. Липгарт определил ее причины и рассуждал о необходимости закрепления стилистической нормы в языке. Особый интерес в докладе представляют примеры о Шекспире и истории Библии.

Влияние интернета на человеческий язык, межкультурную коммуникацию и общество в целом рассматривал в своем докладе профессор, антрополог, лингвист Стивен Пакс Леонард совместно с М. Э. Конурбаевым и И. И. Климовой.

Доцент, заведующая кафедрой общего и сравнительно-исторического языкознания филологического факультета МГУ Л.А. Чиждова рассказала о человеческом общении в эпоху интернета: меняется ли при этом язык и как культура способствует закреплению языковых норм. Особое внимание в докладе уделялось необходимости читать и учить наизусть прецедентные тексты, поскольку они развивают ум, формируют нравственный облик человека, его волю, делают речь человека богаче, ярче и образнее.

Ник Барон, доцент Ноттингемского университета, говорил о влиянии истории на языковые изменения. Накопление определенных

тенденций и трендов может привести к трансформации способа коммуникации и создать определенные предпочтения, формируемые доминирующими общественными вкусами и организационной структурой общества.

Профессор, директор Института языкознания РАН А. А. Кибрик, поднимал вопросы взаимосвязи динамичных изменений в языке с его стабильностью. Как любую синхронную ситуацию можно рассматривать на фоне эволюции, так и динамика языковых изменений должна рассматриваться только в исторической перспективе.

М. А. Кронгауз, профессор, заведующий лабораторией лингвистической конфликтологии и современных коммуникативных практик Высшей школы экономики, член Общественной палаты России, в своем пленарном докладе «Семиотика русской культуры и русский когнитивный код в эпоху перемен» поднимал вопросы о том, какие современные явления укоренились в нашей речи в течение последних 20–30 лет, а какие ушли в прошлое. Смещение стилей, изменения в лексике и грамматике: все это признаки неутраченного творческого потенциала языка, к которому стоит относиться с энтузиазмом, — считает профессор.

Записи пленарных докладов, размещенные на канале YouTube Финансового университета при Правительстве РФ, стали основой для дискуссий в рамках 6 круглых столов конференции:

1. Эволюция или революция в человеческой коммуникации: как меняется язык, меняется ли он вообще или просто эволюционирует, требует ли этот процесс активного вмешательства человека, или эти процессы автономны, и их ход практически незаметен?

2. Как соотносятся между собой лингвистические и когнитивные универсалии? Не является ли эволюция языка, в сущности, эволюцией человеческого познания?

3. Полезны или вредны мероприятия по кодификации языка и его норм? Не накладывают ли они жесткие рамки на естественную потребность языка к саморазвитию?

4. Зачем нужны дискурсивные модели мира и человеческой коммуникации? Нужны ли они самому человеку или, прежде всего, используются для выработки алгоритмов и последующей автоматизации и использования в компьютерных приложениях?

5. Являются ли языки естественным хранилищем культуры или, напротив, ее разрушителями? Приводят ли резкие изменения в характере человеческой коммуникации к столь же резким изменениям самых важных опор языковой системы? И не сказывается ли это процесс на культуре и способе существования человека?

6. Является ли язык, как и раньше, одним из самых важных инструментов познания? Что происходит с человеческим мозгом в эпоху глобализации и дистанцирования? Как память хранит лингвистические универсалии? Каковы основные инструменты понятийных обобщений человека XXI в., кроме самого языка? Не вытесняют ли они сам язык?

Основная тема докладов в сфере лингвистики, культурологии, социологии, философии и педагогики была сконцентрирована на проблемах современной социальной коммуникации, обусловленной текущей санитарно-эпидемиологической ситуацией, связанной с появлением коронавирусной инфекции COVID-19.

Спектр научных направлений исследований, представленных на заседаниях секций, был достаточно широк.

В рамках секции № 1 были обсуждены как общегуманитарные, так и лингвистические вопросы. В ходе представленных докладов, заданных вопросов и живых дискуссий были представлены перспективы развития языков и межкультурного взаимодействия в условиях пандемии, а также предложены механизмы и инструменты создания качественной образовательной среды.

Вопросы когнитивного аспекта в преподавании, соотношения лингвистических и феноменологических когнитивных структур, методик как языковой репрезентации концептов отраслевых знаний вызвали особый интерес участников секции № 2.

В процессе оживленной дискуссии на секции № 3 были затронуты проблемы кодификации языка, вариативности языковых норм, функционирования заимствований, модификации дискурсивных стратегий (сфера бизнес-коммуникации, юриспруденции, информационных технологий) на материале русского, английского, немецкого языков. Участники секции № 3 отметили значимость лингвоэкологии, актуализации данных лексикографических

изданий, развития толерантного и сознательного отношения к языку. Доклады затрагивали разные аспекты языкового нормирования, освещая их на общедоступном уровне.

В рамках секции № 4 в ряде докладов акцент был сделан на изучении новой лексики как маркера дискурсивных практик современной коммуникации в условиях социального дистанцирования. Несколько участников посвятили свои доклады изучению различных аспектов основных типов современного дискурса: экономического, юридического неофициального, теледискурса, интернет-дискурса на примере жанра паломнического блога. Кроме того, были сделаны доклады, посвященные взаимосвязи языка, социума и культуры, а также обучению студентов иностранным языкам в современных условиях.

В рамках секции № 5 были рассмотрены различные способы хранения культурной информации в языке: на уровне фонетики, словообразования, лексики, фразеологии и текста. В результате оживленных дискуссий участники круглого стола пришли к заключению, что в современном меняющемся мире естественный язык продолжает оставаться хранилищем культуры, а человек, говорящий на том или ином языке, является ответственным за те разрушительные процессы, которые в нем происходят.

На заседании секции № 6 рассматривались вопросы, касающиеся роли языка в процессе глобализации, его особенности и перспективы развития в качестве инструмента хранения информации и ее обобщения. Дискуссия получилась интересной, почти все доклады представляли результаты серьезных исследований.

Удалось поддержать не только научный, но и просветительский дух конференции.

Отдельно участники оценили высокий уровень подготовки конференции и профессиональный подход к выбору обсуждаемых вопросов. Отмечалось, что данная конференция является примером эффективного использования онлайн-средств коммуникации для достижения позитивных научных результатов. Как отмечали участники конференции, даже при отсутствии возможности смотреть друг другу в глаза, общение было очень интересным и эффективным.

Представляется возможным заключить, что конференция «Лингвистика дистанцирования: способы существования и эволюция языковой системы в эпоху цивилизационного слома» — это шаг на пути открытия новых перспектив в области исследования языка в эпоху глобализации и его роли в современном мире.

Участники отмечали, что данная конференция позволила создать благоприятные условия для конструктивного диалога и обмена опытом между высококлассными специалистами и представителями научного сообщества, расширила их деловые контакты. Абсолютное большинство участников выразили пожелание сделать данную конференцию ежегодной.

По результатам конференции планируется издание специального выпуска журнала «Сервис Плюс», входящего в перечень журналов, рекомендованных ВАК для публикации научных статей.

Организаторы надеются на укрепление научных контактов и продолжение сотрудничества, которое началось в рамках данной конференции.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ирина Иосифовна Климова — кандидат филологических наук, доцент, профессор, руководитель Департамента иностранных языков и межкультурной коммуникации Факультета международных экономических отношений, Финансовый университет, Москва, Россия
IKlimova@fa.ru

Нина Александровна Козловцева — кандидат культурологии, заместитель руководителя, старший преподаватель Департамента иностранных языков и межкультурной коммуникации по научной работе Факультета международных экономических отношений, Финансовый университет, Москва, Россия
NAKozlovtseva@fa.ru

Марклен Эрикович Конурбаев — доктор филологических наук, профессор, научный руководитель Департамента иностранных языков и межкультурной коммуникации Факультета международных экономических отношений, Финансовый университет, Москва, Россия; профессор кафедры английского языкознания филологического факультета, МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия
MEKonurbaev@fa.ru

ABOUT THE AUTHORS

Irina I. Klimova — Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Head of the Department of Foreign Languages and Intercultural Communication, Faculty of International Economic Relations, Financial University, Moscow, Russia
IKlimova@fa.ru

Nina A. Kozlovtseva — Cand. Sci. (Cultural Studies), Senior Lecturer, of the Department of Foreign Languages and Intercultural Communication, Deputy Head for scientific work, Faculty of International Economic Relations, Financial University, Moscow, Russia
NAKozlovtseva@fa.ru

Marklen E. Konurbaev — Dr Sci. (Philology), Professor, Scientific Director of the Department of Foreign Languages and Intercultural Communication, Faculty of International Economic Relations, Financial University, Moscow, Russia; Professor of the Department of English Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
MEKonurbaev@fa.ru,

Заявленный вклад авторов

И. И. Климова — разработка концепции статьи, систематизация и обобщение данных, редактирование рукописи.

Н. А. Козловцева — сбор и интерпретация данных, оформление и редактирование рукописи.

М. Э. Конурбаев — обоснование концепции статьи, формулировка выводов.

Authors' declared contribution

I. I. Klimova — development of the article's concept, systematization, and generalization of data, editing of the manuscript.

N. A. Kozlovtseva — collection and interpretation of data, design and editing of the manuscript.

M. E. Konurbaev — substantiation of the concept of the article, formulation of conclusions.

Статья поступила 12.02.2021; принята к публикации 28.02.2021.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article received on 12.02.2021; accepted for publication on 28.02.2021.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-2-47-55
УДК 32.019.5(045)

Теоретико-методологические аспекты изучения электорального потенциала публичных политиков и их позиционирование в социальных медиа*

С.Ю. Белоконев^а, Е.В. Левина^б

^а Финансовый университет, Москва, Россия;

^б Институт проблем рынка Российской академии наук, Москва, Россия

^а <https://orcid.org/0000-0002-8028-7421>; ^б <https://orcid.org/0000-0002-6913-6155>

АННОТАЦИЯ

Целью данной статьи является исследование активности политиков в социальных медиа для выявления ее влияния на их электоральный потенциал. Авторы использовали методы анализа и синтеза для изучения позиционирования политиков в социальных сетях, а также системный подход для изучения политических, социальных, культурологических и экономических факторов, воздействующих на особенности проявления активности в интернет-пространстве в целом и в социальных медиа в частности. В работе были применены эмпирический и аналитический методы для исследования открытых эмпирических данных, методы качественного анализа для изучения контента, размещенного в виртуальном пространстве. Авторами рассмотрены теоретико-методологические аспекты позиционирования публичных политиков в социальных медиа и его воздействие на их электоральный потенциал. В статье освещены основные методы и подходы к изучению данной проблематики, а также намечены пути для проведения дальнейших исследований. Полученные выводы и результаты могут быть использованы для дальнейшего исследования электорального потенциала публичных политиков и их позиционирования в социальных медиа.

Ключевые слова: публичный политик; интернет; социальные сети; глобализация; электоральный потенциал; электоральное поведение; цифровые интернет-сервисы; методы; методология исследования; киберметрия; социальный компьютеринг

Для цитирования: Белоконев С.Ю., Левина Е.В. Теоретико-методологические аспекты изучения электорального потенциала публичных политиков и их позиционирование в социальных медиа. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(2):47-55. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-2-47-55

ORIGINAL PAPER

Theoretical and Methodological Aspects of Studying Public Politics' Electoral Potential and Their Social Media Positioning**

S. Yu. Belokonev^а, E.V. Levina^б

^а Financial University, Moscow, Russia; ^б Market Economy Institute of RAS

^а <https://orcid.org/0000-0002-8028-7421>; ^б <https://orcid.org/0000-0002-6913-6155>

ABSTRACT

This study's subject is the theoretical and methodological aspects of studying politicians' electoral potential and their social networks positioning. This article aims to explore politicians' activity in social media to identify its impact on their electoral potential. The authors of the paper used the methods such as analysis and synthesis to study the positioning of politicians in social networks, as well as a systematic approach to examine political, social, cultural, and economic

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Проект 20-011-31644 «Электоральный потенциал публичных политиков г. Москвы и их позиционирование в социальных сетях».

** This article was prepared with the financial support of the Russian Foundation of Basic Research. Project 20-011-31644 "The electoral potential of public politicians in Moscow and their positioning in social networks".

factors affecting the characteristics of the manifestation of activity in the Internet space as a whole, and in social media in particular. The work used empirical and analytical methods to study open empirical data, methods of qualitative analysis to study content posted in virtual space. The authors consider the theoretical and methodological aspects of public politicians' positioning in social media and their potential electoral impact. The article highlights the main methods and approaches to studying this problem and outlines the ways for further research. The findings and results can be used to research further the electoral potential of public politicians and their social media positioning.

Keywords: public politician; Internet; social networks; globalisation; electoral potential; electoral behaviour; digital Internet services; methods; research methodology; cybermetry; social computing

For citation: Belokonev S. Yu., Levina E.V. Theoretical and methodological aspects of studying public politics' electoral potential and their social media positioning. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(2):47-55. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-1-47-55

ВВЕДЕНИЕ

Глобальная сеть Интернет подобно гигантской паутине окутывает весь мир, являясь универсальным источником получения различной информации, затрагивающей все сферы жизнедеятельности человека. Количество пользователей интернет-сети постоянно растет.

Согласно данным статистических агентств в России число пользователей интернета варьируется в районе 93,6 млн человек ежемесячно, 90,7 млн человек заходят в сеть еженедельно, а 82,8 млн — ежедневно. В среднем время нахождения пользователя в интернете составляет 183 минуты в день, причем время, проведенное в Сети, зависит и от возраста пользователя. Наиболее активной считается группа в возрасте 12–64 года — пользователи находятся в онлайн-режиме в среднем 194 минуты в день. Опрос, проведенный Росстатом в октябре 2018 г., показал, что представители старшего поколения в два раза реже, чем молодежь (в возрасте 15–34 лет) используют компьютер и интернет, хотя 57% людей старше 57 лет являются активными пользователями социальных сетей¹.

В декабре 2019 г. компания Brand Analytics опубликовала результаты исследования, целью которого было изучение социальных сетей России. Данное исследование интересно своей направленностью на изучение социальных сетей как средства публичной коммуникации и формирования общественного мнения². В ноябре 2019 г. число активных авторов в социальных медиа в России составило 49 млн. Авторы написали 1,3 млрд публичных сообщений (постов, репостов и комментариев)³. Количество авторов и сообще-

ний по каждой социальной сети позволяет оценить популярность площадок среди российских пользователей. На ежемесячной основе Brand Analytics представляет рейтинг популярности социальных медиа, в основе данного анализа лежит частота публикаций на страницах социальных медиа, личные (приватные) сообщения исследование не учитывает. Наиболее популярной социальной сетью среди россиян остается ВКонтакте, 2-е место занимает Instagram, тройку лидеров замыкают Одноклассники. Достаточно востребованными являются Twitter и Facebook. Также популярны блог-платформы Livejournal и YouTube. По данным агентства, за сентябрь 2020 г. в социальной сети ВКонтакте было опубликовано 466 995 904 сообщения 27 304 489 авторов, на страницах Facebook было размещено 24 408 957 сообщений 397 492 авторов. Аудитория пользователей социальных сетей также различается. Например, среди пользователей VK составляют лица в возрасте 24–35 лет, Facebook же наиболее популярен среди пользователей в возрасте 35–44 лет⁴.

В настоящее время социальные сети являются мощным инструментом формирования общественного мнения, решения различных проблем, способом взаимодействия с социальными группами и общностями, в особенности с наиболее активными слоями населения. В России социальные сети являются площадкой, где реализуется гражданская активность, создается определенное представление о сложившейся ситуации, а также может формироваться образ продукта, необходимый заказчику. В социальных сетях предоставляется возможность ведения пропаганды и внушения. Особую привлекательность для политиков (лидеров общественного мнения)

¹ Официальный сайт Росстата. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/63640>.

² Официальный сайт компании Brand Analytics. URL: <https://br-analytics.ru>.

³ Там же.

⁴ Официальный сайт компании Brand Analytics. URL: <https://br-analytics.ru>.

приобретают социальные сети, открывающие возможность достаточно быстро распространить информацию с минимальными издержками, с использованием различных интерактивных технологий и возможностей визуализации. Социальные медиа также важны для формирования имиджа политика, выстраивания диалога между лидером и потенциальным избирателем, что в дальнейшем влияет на электоральное поведение последнего.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Цель нашего исследования обусловила его междисциплинарный характер и определила необходимость анализа научной литературы по широкому кругу вопросов, связанных с современным состоянием общественного развития, в частности — политических и электоральных процессов. Проблему позиционирования политика в социальных сетях можно рассматривать в контексте теорий социального действия и социального взаимодействия, которые представлены в трудах Э. Гидденса, Э. Дюркгейма, М. Вебера и др. В интерпретации активности публичных политиков, формирования имиджа и особенностей позиционирования в социальных медиа интерес представляют теория социальной драматургии И. Гофмана и теория социального интеракционизма Дж. Мида. Для описания электорального поведения может быть использована теория рационального выбора П. Блау, Дж. Коулмена, Дж. Хоманса и пр. Вопросы управления общественными процессами, регулирования и упорядочивания поведения индивидов и социальных групп, регламентирования их взаимодействия рассматриваются в работах Г. Гарфинкеля, Р. Мертона, Т. Парсонса и др.

Проблемам сетевого взаимодействия и особенностям коммуникации в постинформационном обществе посвящены труды М. Кастельса.

Культурологические аспекты политического взаимодействия, электоральная культура, электоральное сознание и поведение индивидов и групп отображены в работах Г. Алмонда, С. Вербы [1], Д. Литвиновой [2], Г.Л. Тульчинского [3], В.И. Левашова [4], К.А. Лыткиной [5], С.А. Мефодьевой, Е.Е. Нечай [6] и др. Вопросы динамики института политического лидерства, а также причины смены власти в современных государствах рассмотрены в трудах А.Б. Шатилова [7, 8].

Особую актуальность в настоящее время приобретают исследования, посвященные анализу

влияния цифровизации на политические процессы, на формирование информационного поля как вокруг определенных значимых событий, так и вокруг политиков. Активно изучаются цифровые технологии в избирательных кампаниях, что связано со всеобъемлющей и всепоглощающей цифровизацией и интернетизацией социального пространства. Здесь можно выделить таких исследователей, как С.Ю. Белоконев, М.С. Васильев, В.В. Титов [9], С.В. Володенков [10–12], А.В. Маковейчук [13], А.М. Дружинин [14], А.Ю. Карпова [15], В.Д. Соловей [16], Р.В. Пырма [17] и др.

Отдельный пласт исследований посвящен изучению технологий интеллектуального анализа Big Data, поскольку благодаря данным технологическим возможностям повышается уровень таргетирования аудитории и построения высокоэффективных коммуникативных связей, что способствует осуществлению информационно-коммуникативного влияния на выделенные группы. В ходе предвыборной кампании предполагается использование технологии анализа больших данных в следующих направлениях: географическое сегментирование, позволяющее разделить территорию на небольшие зоны, обладающие определенными чертами, связанными с социально-экономическим и демографическим распределением и имеющие свою историю участия в голосовании; планирование агитационного воздействия на выделенные зоны. Особый интерес в данном контексте представляют работы С.В. Володенкова, А.А. Косорукова, Т.Ю. Котляровой [18] и др. Методологические аспекты анализа Big Data — в целом и применительно к исследованию влияния интернет-технологий на поведение социальных групп — в частности, а также технологии социального компьютинга представлены в работах Е.В. Бродовской, А.Ю. Домбровской, Д.Н. Карзубова, А.В. Синякова [19], А.В. Одинцова [20].

Среди исследователей, изучающих особенности воздействия информационной среды на электоральное поведение, авторов работ, посвященных медиавоздействию и медиавосприятию, а также проблеме формирования информационного политического поля, выделяют Т.В. Анисимову, И.А. Самуйлову [21], Х. Баекена [22], Г.С. Мельник [23], К. Росса [24] и др.

Анализ интернет-СМИ, активности в социальных сетях и влияния социальных медиа на поведение индивидов (в том числе и на электоральное поведение) представлен в работах таких

исследователей, как Д. Волков, С. Гончаров [25], А. В. Чижик [26], Д. Оуэн [27] и др.

В ходе анализа научных источников по данной проблеме можно выделить ряд подходов, которые легли в основу исследования электропотенциала публичных политиков и их позиционирования в социальных сетях. Таким образом, теоретико-методологическую основу исследования составили: теория постинформационного общества, теория коммуникативного действия, теория обмена, теория социального интеракционизма и драматургическая социология, теория рационального выбора и др., а в контексте анализа больших данных актуальность приобретает направление Predictor Mining, технологии интеллектуального анализа Big Data.

С учетом предмета исследования наибольший интерес представляют современные инновационные методы и технологии, широко применяемые в политической социологии. Данные методы берут свое начало из контент-анализа, а в настоящее время, с появлением больших данных, инструментом анализа становятся цифровые интернет-сервисы, позволяющие работать с большим объемом информации. К числу данных сервисов относят YouScan, IQBuzz, Brand Analytics, Медиалогию и др. Интернет-сервисы, анализирующие Big Data, содержат в себе огромный потенциал, позволяющий не только анализировать большие данные, но и в дальнейшем моделировать поведение электората.

Как отмечает С. В. Володенков, благодаря цифровым сервисам становится возможным формирование цифровых профилей пользователей социальных медиа. На основе анализа профилей строится дальнейшая деятельность, направленная на достижение политических целей субъектом управления [11].

Изучение электорального потенциала политика предполагает выявление рейтинга (уровня) его избираемости, а именно оценку вероятности того, что при проведении выборов избиратели отдадут за него свой голос. Оценка электорального потенциала политика реализуется в несколько этапов. На первом этапе исследователи оценивают текущий имидж политика, выявляют компоненты идеального образа и разрабатывают пути минимизации или ликвидации разрыва между реальным и идеальным образами. Следующим этапом становится изучение и разработка агитационных материалов, которые распространяются в процессе предвыборной

кампании. На данном этапе оценивается не только содержательная часть материалов, но и их эмоциональное восприятие. На третьем этапе предполагается оценка информационного пространства вокруг избирательной кампании, выявляются основные каналы взаимодействия с избирателями. Итогом становятся разработанные рекомендации по проведению предвыборной кампании.

Поскольку в настоящее время наблюдается глобальная цифровизация всех сфер жизнедеятельности человека, а по статистическим данным средний пользователь проводит в сети Интернет около 180 минут ежедневно, ключевое значение в предвыборной кампании приобретает позиционирование политика в социальных сетях. Социальные медиа становятся площадкой для взаимодействия с электоратом. Для изучения деятельности публичных политиков в социальных сетях могут быть использованы как качественные, так и количественные методы. Например, если изучать позиционирование публичных политиков Москвы в социальных медиа, следует придерживаться принципа географической фрагментарности, а именно — поделить город на зоны, одномандатные округа и выделить несколько активных публичных политиков для каждого округа. Деление по округам является необходимым, поскольку каждый из них обладает своими социально-демографическими, экономическими и политическими особенностями, что, соответственно, непосредственно влияет как на агитационный контент, так и на информационный фон предвыборной кампании. Поэтому необходимо выделить одномандатные округа: Бабушкинский, Медведковский, Кунцевский, Ленинградский, Люблинский, Нагатинский, Новомосковский, Орехово-Борисовский, Перовский, Преображенский, Тушинский, Ховринский, Центральный, Черемушкинский, Чертановский.

Каждый выделенный округ представляют наиболее активные публичные политики и деятели, планирующие принимать участие в выборах и баллотироваться как кандидаты в депутаты в органы государственного управления. Современное общество требует от публичных политиков представления контента и освещения своей деятельности в социальных медиа.

В процессе качественного изучения информации, размещенной в социальных медиа, на

наш взгляд, будет целесообразным использовать алгоритм анализа сообщений, предложенный в статье С.Ю. Белоконев, В.В. Титова, З.Р. Усмановой [28]:

1. Анализ общего числа публикаций в социальных медиа. Данный параметр непосредственно связан с активностью публичного политика в социальных сетях, предполагает качественный анализ контента, который размещают политики на своих страницах (ВКонтакте, Facebook, Одноклассники, LiveJournal, YouTube, Telegram, Instagram, Twitter).

2. Исследование аудитории — совокупного числа пользователей сетей, подписанных на обновления и паблики, а также имеющих возможность ознакомиться с контентом и отреагировать на него.

3. Изучение степени вовлеченности аудитории: суммы комментариев, откликов, репостов на сообщения.

4. Оценка тональности сообщений, предполагающая качественный и количественный анализ комментариев на размещенный контент на страницах политиков в социальных медиа. В данном случае может наблюдаться некоторая сложность в интерпретации тональности комментариев, связанная с субъективностью оценивания. Поэтому, на наш взгляд, в ходе анализа необходимо придерживаться следующей балльной системы оценки: 1 балл — крайне негативная реакция; 2 балла — скорее негативная оценка; 3 балла — нейтральное отношение к контенту; 4 балла — скорее позитивная реакция; 5 баллов — позитивное отношение к сообщениям.

5. Анализ ассоциативного контента, предполагающий выявление ассоциаций имени публичного политика с обсуждаемой проблемой.

6. Определение наличия токсичного контента на страницах политиков или в социальных группах.

В ходе качественного анализа страниц публичных политиков необходимо выявить несколько информационных поводов, которые имеют первостепенное значение для жителей выделенных округов. Данные инфоповоды связаны с социальными проблемами и имеют широкий резонанс. Следует отметить, что выделенные проблемы должны носить региональный характер, поскольку политик регионального уровня не может повлиять на решение вопросов федерального уровня.

Так, например, в ходе дискурс-анализа страниц публичных политиков г. Москвы можно

выделить такие проблемы, как разрушение скверов и парков; вырубка деревьев для строительства новых дорог или веток метро; точечная застройка транспортно-пересадочных узлов; благоустройство территории округов; ЖКХ; реновация; дистанционное обучение школьников в период пандемии; строительство поликлиник; проблемы экологии и т.д. Для каждого избирательного округа свойственен свой перечень проблем, некоторые носят повсеместный характер.

Особую значимость для исследования представляет анализ комментариев пользователей социальных сетей, что позволяет оценить реакцию общественности на обсуждаемую проблему. Для исследования комментариев, на наш взгляд, необходимо учитывать следующие показатели:

- когнитивная составляющая комментариев, указывающая на то, как аудитория воспринимает сообщение и какое придает ему значение;
- эмоциональная составляющая комментариев, обозначающая тональность реагирования на выложенный в сеть контент.

В ходе анализа двух предложенных составляющих появляется возможность оценить не только уровень вовлеченности аудитории, но и степень поддержки политика, выявить настроения общественности и спрогнозировать дальнейшие действия в отношении повышения электорального потенциала кандидата.

Поскольку качественный анализ материала очень трудоемок, широко применяется метод киберметрии с использованием цифровых интернет-сервисов.

Для работы с цифровыми сервисами также необходим качественный анализ контента и проведение фокус-групп для разработки запросов или так называемых цифровых маркеров, с помощью которых система обрабатывает большие массивы данных (сообщения, размещенные в социальных сетях, комментарии к ним). Кроме того, цифровой сервис учитывает тональность сообщений и позволяет идентифицировать социально-демографические и географические характеристики подписчиков. Направление Predictor Mining включает в себя два этапа: Data Mining (интеллектуальный анализ данных) и Social Computing (социальный компьютеринг, предполагающий выявление маркеров поведения, которые в дальнейшем могут быть применены в прогнозировании оффлайн-поведения политической аудитории и выявлении настроений пользователей).

Технология киберметрии предполагает следующий алгоритм действий:

1. Определение пула анализируемых страниц социальных медиа.

2. Дискурс-анализ или качественный анализ содержания выгруженных цифровым сервисом сообщений. На данном этапе осуществляется корректировка запросов для дальнейшего исследования.

3. Проведение фокус-группы с участием экспертов в области киберметрии для составления новых запросов и цифровых маркеров, запрашиваемых в интернет-сервис.

4. Выгрузка сообщений с использованием интернет-сервисов.

5. Качественный и количественный анализ выгруженного контента, который осуществляется с помощью представленных цифровым интернет-сервисом статистических отчетов о содержании информационных потоков. На данном этапе целесообразно использовать алгоритм анализа сообщений, предложенный нами выше, а цифровые технологии представят общий социально-демографический портрет подписчиков, географическое распределение, объем аудитории пользователей, их публикационную активность и интенсивность информационных потоков.

Современные информационные технологии существенно расширяют границы для изучения электорального потенциала политиков и анализа аудитории. Цифровые сервисы, с помощью которых осуществляется сбор и анализ Big Data, обеспечивают формирование цифровых профилей пользователей социальных медиа, выявляя их особенности, предпочтения, интересы, точки зрения и позиции. В итоге, благодаря получаемой информации, становится возможным формирование представлений об аудитории, ее сегментирование, а в дальнейшем — и воздействие на нее.

ВЫВОДЫ

В ходе проведенного исследования были сделаны следующие выводы и заключения:

1. Теоретико-методологическую основу изучения электорального потенциала публичных политиков и их позиционирования в социальных медиа составили общенаучные и частнонаучные методы и технологии, применяемые в рамках таких дисциплин, как социология, культурология, политическая социология, политология.

2. С развитием цифровизации социального и коммуникативного пространства особую актуальность приобретает анализ интернет-коммуникаций, а также изучение возможностей социальных медиа, которые становятся одной из основных площадок для реализации гражданской активности пользователей, распространения информации, формирования общественного мнения и настроений социальных групп.

3. Для изучения контента, размещенного на страницах социальных сетей, используются методы качественно-количественного анализа, предполагающие применение интернет-сервисов для работы с большими объемами данных. Дискурс-анализ раскрывает смысловое содержание контента, а использование метода Data Mining дает возможность выявить тональность размещенных сообщений, настроение аудитории, ее направленность.

4. Цифровые интернет-сервисы позволяют сегментировать и таргетировать аудиторию и составлять цифровой профиль пользователей социальных медиа, выделяя социально-демографические особенности, географическое распределение, ценности, интересы, социальные позиции и т.д. Благодаря инновационным информационным технологиям возрастает уровень контроля за интернет-аудиторией.

5. Технологии социального компьютеринга ориентированы на прогнозирование электорального поведения пользователей и подписчиков страниц публичных политиков в социальных медиа. Методы Predictive Mining позволяют выявить закономерности из больших объемов данных, которые могут быть использованы для прогнозирования социальных процессов.

Развитие данного исследования будет осуществляться в следующих направлениях:

- Выделение публичных политиков по избирательным округам, определение региональных социальных проблем, имеющих особое значение для округа, на решение которых данные политики могут повлиять. Проведение фокус-групп с участием экспертов в области электорального поведения, а также избирательных кампаний с применением цифровых технологий в электоральных процессах.

- Мониторинг активности публичных политиков в социальных медиа, включающий в себя методы дискурс-анализа и контент-анализа с использованием цифровых интернет-серви-

сов, позволяющих выявить особенности аудитории, ее социально-демографический состав, географическое распределение с установкой ключевых параметров и характеристик, помогающих составить представление о вероятном проявляемом электоральном поведении.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах. М.: Мысль; 2014. 500 с.
2. Litvinova D. Russian regions prepare to vote after campaign of tricks, complacency. *The Moscow times*. 2015; Sept.11:1.
3. Тульчинский Г.Л. Российская политическая культура. Особенности и перспективы. СПб.: Алетейя; 2015. 176 с.
4. Левашов В.И. Очерки современной электоральной социологии. Монография. М.: Проспект; 2011. 450 с.
5. Лыткина К.А. Электоральная культура населения города Москвы (социологический анализ). Автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.05. М.; 2016. 24 с.
6. Мефодьева С.А., Нечай Е.Е. Тип электоральной культуры как каузальное основание избирательного процесса. URL: <https://doi.org/10.24158/per.2017.5.2>.
7. Шатилов А.Б. «Моральный износ» власти как фактор дестабилизации политических режимов. *Власть*. 2020;28(4):9–17.
8. Шатилов А.Б. Современное политическое лидерство: возможности и ограничения. *Вестник Московского университета. Серия: Социология и политология*. 2020;26(2):144–155.
9. Белоконов С.Ю., Васильев М.С., Титов В.В. Цифровые технологии в современных избирательных кампаниях: особенности применения. *Власть*. 2019;27(4):51–57.
10. Володенков С.В. Total data как феномен формирования постреальности. *Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки*. 2017;3(15):409–415.
11. Володенков С.В. Технологии BIG DATA в современных политических процессах: цифровые вызовы и угрозы. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2018;(44):205–212.
12. Володенков С.В. Digital-технологии в системе традиционных институтов власти: политический потенциал и современные вызовы. *Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал)*. 2018;(2):39–47.
13. Маковейчук А.В. Перспективы цифровизации политической сферы на региональном уровне в современной России. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2018;8(4):10–15.
14. Дружинин А.М. От диалога к манипуляции: критический анализ современных медиапрактик. *Философская мысль*. 2017;(1):1–16.
15. Карпова А.Ю. Маркеры и эффекты информационной аномии в политической коммуникации. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2017;(40):112–121.
16. Соловей В.Д. Цифровая мифология и избирательная кампания Дональда Трампа. *Полис*. 2017;(5):122–132.
17. Пырма Р.В. Концепции гражданского активизма в цифровом пространстве коммуникаций. *Власть*. 2020;28(2):74–81. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v28i2.7137>
18. Косоруков А.А., Котлярова Т.Ю. Информационно-коммуникационные технологии как фактор трансформации публичной сферы современного общества. *Тренды и управление*. 2018;(4):88–96.
19. Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю., Карзубов Д.Н., Синяков А.В. Развитие методологии и методики интеллектуального поиска цифровых маркеров политических процессов в социальных медиа. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2017;5(141):79–104.
20. Одинцов А.В. Социология общественного мнения и вызовы Big Data. *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. 2017;(3):30–43.
21. Анисимова Т.В., Самуйлова И.А. Коммуникация как научное направление политической психологии. *Вестник СПбГУ*. 2015;16(1):90–97.
22. Baekken H. Selections before elections: Double standards in implementing election registration procedures in Russia? *Communist and Post-Communist studies*. 2015;(48):61–70.
23. Мельник Г.С. Новые (тактические) медиа как структурный компонент мобилизационных технологий. *Гуманитарный вектор. Серия: История, политология*. 2014;3(39):130–135.

24. Росс К. Российские выборы и электоральное сигнализирование. *Политическая наука*. 2017;(4):34–60.
25. Волков Д., Гончаров С. Российский медиаландшафт: основные тенденции использования СМИ — 2017. *Вестник общественного мнения*. 2017;1–2(124):105–129.
26. Чижик А.В. Сетевые коммуникации: вопрос влияния новых медиа на формирование общественного мнения. *Коммуникология*. 2017;(5)3:55–69.
27. Owen D. New Media and Political Campaigns. URL: <https://www.oxfordhandbooks.com/view/10.1093/oxfordhb/9780199793471.001.0001/oxfordhb-9780199793471-e-016>.
28. Белоконев С.Ю., Титов В.В., Усманова З.Р. Резонансные события и непопулярные политические решения: специфика репрезентации в пространстве рунета. *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. 2019;(5):365–381.

REFERENCES

1. Almond G., Verba S. Civil culture: political attitudes and democracy in five countries. Moscow: Mysl; 2014. 500 p. (In Russ.).
2. Litvinova D. Russian regions prepare to vote after the campaign of tricks, complacency. *The Moscow times*. 2015; Sept.11:1.
3. Tulchinsky G.L. Russian political culture. Features and perspectives. St. Petersburg: Aleteya; 2015. 176 p. (In Russ.).
4. Levashov V.I. Essays on Modern Electoral Sociology. Monograph. Moscow; 2011. 450 p. (In Russ.).
5. Lytkina K.A. Electoral culture of the population of the city of Moscow (sociological analysis). Abstract of Dis. ... cand. sociological sciences. Moscow; 2016. 24 p. (In Russ.).
6. Mefodieva S.A., Nechay E.E. The type of electoral culture as a causal basis for the electoral process. *Society: politics, economics, law*. 2017;5. URL: <https://doi.org/10.24158/pep.2017.5.2> (In Russ.).
7. Shatilov A.B. Moral deterioration of the power as a factor of destabilisation of political regimes. *Vlast*. 2020;28(4): 9–17. (In Russ.).
8. Shatilov A.B. Modern political leadership: opportunities and limitations. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya: Sotsiologiya i politologiya*. 2020;26(2):144–155. (In Russ.).
9. Belokonev S. Yu., Vasiliev M. S., Titov V. V. Digital technologies in modern election campaigns: application features. *Vlast*. 2019;27(4):51–57. (In Russ.).
10. Volodenkov S.V. Total data as a phenomenon of post-reality formation. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskiye nauki*. 2017;3(15):409–415. (In Russ.).
11. Volodenkov S.V. BIG DATA technologies in modern political processes: digital challenges and threats. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*. 2018;(44):205–212. (In Russ.).
12. Volodenkov S.V. Digital technologies in the system of traditional institutions of power: political potential and modern challenges. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyy zhurnal)*. 2018;(2):39–47. (In Russ.).
13. Makoveichuk A.V. Prospects for digitalisation of the political sphere at the regional level in modern Russia. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2018;8(4):10–15. (In Russ.).
14. Druzhinin A.M. From dialogue to manipulation: a critical analysis of modern media practitioners. *Filosofskaya mysl*. 2017;(1):1–16. (In Russ.).
15. Karpova A. Yu. Markers and Effects of Information Anomie in Political Communication. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politicheskaya nauka*. 2017;40:112–121. (In Russ.).
16. Solovey V.D. Digital mythology and Donald Trump's election campaign. *Polis*. 2017;5:122–132. (In Russ.).
17. Pyrma R.V. Concepts of civic activism in the digital space of communications. *Vlast*. 2020;28(2):74–8. (In Russ.).
18. Kosorukov A. A., Kotlyarova T. Yu. Information and communication technologies as a factor in the transformation of the public sphere of modern society. *Trendy i upravlenie*. 2018;4:88–96. (In Russ.).
19. Brodovskaya E. V., Dombrovskaya A. Yu., Karzubov D. N., Sinyakov A. V. Development of methodology and techniques for the intelligent search for digital markers of political processes in social media. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny*. 2017;5(141):79–104. (In Russ.).
20. Odintsov A.V. Sociology of Public Opinion and the Challenge of Big Data. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny*. 2017;3:30–43. (In Russ.).

21. Anisimova T.V., Samuylova I.A. Communication as a scientific direction of political psychology. *Vestnik SPbGU*. 2015;16(1):90–97. (In Russ.).
22. Baekken H. Selections before elections: Double standards in implementing election registration procedures in Russia? *Communist and Post-Communist studies*. 2015;(48):61–70.
23. Melnik G.S. New (tactical) media as a structural component of mobilisation technologies. *Gumanitarnyy vektor. Seriya: Istoriya, politologiya*. 2014;3(39):130–135. (In Russ.).
24. Ross K. Russian elections and electoral signalling. *Politicheskaya nauka*. 2017;(4):34–60. (In Russ.).
25. Volkov D., Goncharov S. Russian media landscape: the main trends in the use of the media — 2017. *Vestnik obshchestvennogo mneniya*. 2017;1–2(124):105–129. (In Russ.).
26. Chizhik A.V. Network communications: the question of the influence of new media on public opinion formation. *Kommunikologiya*. 2017;(5)3:55–69. (In Russ.).
27. Owen Diana. New Media and Political Campaigns. The Oxford Handbook of Political Communication. URL: <https://www.oxfordhandbooks.com/view/10.1093/oxfordhb/9780199793471.001.0001/oxfordhb-9780199793471-e-016> (accessed on 10.10.2020).
28. Belokonev S. Yu., Titov V.V., Usmanova Z.R. Resonant events and unpopular political decisions: the specificity of representation in the Runet space. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny*. — 2019;5:365–381. URL: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.5.17>. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Сергей Юрьевич Белоконев — кандидат политических наук, научный руководитель Факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия
pr-rsuh@yandex.ru

Елена Владимировна Левина — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института проблем рынка, Российская академия наук, Москва, Россия
elena.v.levina@gmail.com

ABOUT THE AUTHORS

Sergei Yu. Belokonev — Cand. Sci. (Political Sciences), Scientific Chairman of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University Moscow, Russia
pr-rsuh@yandex.ru

Elena V. Levina — Cand. Sci. (Social Sciences), Senior Researcher, Market Economy Institute of RAS, Moscow, Russia
elena.v.levina@gmail.com

Статья поступила 12.01.2021; принята к публикации 30.01.2021.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article received on 12.01.2021; accepted for publication on 30.01.2021.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-2-56-62
УДК 323.39(045)

Сравнительная характеристика политических режимов Германии 1933–1945 годов и Австрии 1933–1938 годов: опыт междисциплинарного исследования

В.В. Зубов

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0001-6446-3221>

АННОТАЦИЯ

В статье, предлагающей читателям междисциплинарное исследование на основе исторической науки, социальной философии, политической философии, социологии, культурологии, общетеоретической экономики, представлена сравнительная характеристика политических режимов Германии 1933–1945 гг. и Австрии 1933–1938 гг. Помимо основной, автором решаются дополнительные задачи, позволяющие отграничить такие категории, как нацизм, Третий рейх, фашизм (австрофашизм), тоталитаризм, авторитаризм, расизм, вождизм, и показать, насколько в действительности они переплетены или, напротив, разъединены и несвязны, что позволит в дальнейшем избежать неверных отождествлений узловых категорий политологии и внесет позитивную ясность в научный дискурс. Придавая новое звучание классической для политической науки проблеме политических режимов и разграничения авторитаризма и тоталитаризма, автор подвергает критике классическое представление о тоталитарном режиме и утверждает, что именно постановка вопроса о произвольности государственного вмешательства позволит определить тоталитаризм и отграничить его от авторитаризма.

Ключевые слова: германский нацизм; австрофашизм; вождизм; корпоративизм; авторитаризм; тоталитаризм, христианская демократия; политические режимы

Для цитирования: Зубов В.В. Сравнительная характеристика политических режимов Германии 1933–1945 годов и Австрии 1933–1938 годов: опыт междисциплинарного исследования. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(2):56-62. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-2-56-62

ORIGINAL PAPER

Comparative Characteristics of the Political Regimes of Germany in 1933–1945 and of Austria 1933–1938: The Experience of Interdisciplinary Research

V.V. Zubov

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0001-6446-3221>

ABSTRACT

The article offers interdisciplinary research based on historical science, social and political philosophy, sociology, cultural studies, general theoretical economics and presents a comparative characteristic of Germany's political regimes in 1933–1945 and Austria 1933–1938. Besides, the author solves tasks that make it possible to delimit such categories as Nazism, the Third Reich, fascism (Austrofascism), totalitarianism, authoritarianism, racism, leaderism, to show how much they are actually intertwined or, on the contrary, how disconnected and disconnected, that will allow avoiding incorrect identifications of the key categories of political science in the future, which will bring positive clarity to scientific discourse. Giving a new sound to the problem of political regimes and the distinction between authoritarianism and totalitarianism, classical for political science, the author criticizes the classical notion of a totalitarian regime. It argues that it is precisely the posing of the question of the arbitrariness of state intervention that will determine totalitarianism and distinguish it from authoritarianism.

Keywords: German Nazism; Austrofascism; leaderism; corporatism; authoritarianism; totalitarianism; Christian democracy; political regimes

For citation: Zubov V.V. Comparative characteristics of the political regimes of Germany in 1933–1945 and of Austria 1933–1938: The experience of interdisciplinary research. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(2):56-62. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-2-56-62

ВВЕДЕНИЕ

В политической науке при характеристике государственного режима как тоталитарного нередко употребляется хрестоматийный пример гитлеровской Германии. Признание Третьего рейха в качестве тоталитарного режима является той максимой, которая стала аксиомой в обществе и парадигмой в социально-политических науках, что обосновывается приговором Международного военного трибунала и не подлежит в Российской Федерации с 2014 г. отрицанию под угрозой наступления уголовной ответственности за реабилитацию нацизма¹. Следовательно, упоминание о том, что политический режим Германии 1933–1945 гг. является любым нетоталитарным (авторитарным либо демократическим) с точки зрения формального толкования отечественного уголовного закона, является преступным. Иная ситуация наблюдается с характеристикой политического режима в Австрии 1933–1938 гг., т.е. вплоть до аншлюса. Австрийское государство обозначенного периода не называется в ключевых международных актах тоталитарным, его наименование в качестве тоталитарного не обозначено в российском законодательстве как обязательное, а следовательно, постановка вопроса о характеристике Австрии 1933–1938 гг. является не только правомерной, но и весьма важной для политической науки. И хотя Австрия указанного времени была названа лидером австрийской социал-демократии Отто Бауэром австрофашизмом (что, на первый взгляд, созвучно с обычным фашизмом), в исследовательской среде не выработано единое мнение о том, что австрофашизм безусловно является тоталитарным режимом. Более того, речь идет о разных категориях: тоталитаризм — общая характеристика политического режима, австрофашизм — индивидуальное определение господствовавшей идеологии и политической практики в конкретном государстве в обозначенный период.

Кроме всего прочего, необходимо иметь в виду, что, поскольку тоталитаризм — общая разновидность политического режима, то его проявление в каждом индивидуальном государстве будет иметь некоторые специфические

черты. Следовательно, в нашей работе необходимо не только обозначить особенности германского тоталитаризма, определить политический режим австрофашистского государства, но и обратиться к классическим в политологии проблемам определения тоталитарного режима и обозначения грани между тоталитаризмом и автократией, которые, как нам кажется, получают новое звучание.

Вместе с тем считаем, что раскрытие темы сравнительной характеристики политических режимов Германии 1933–1945 гг. и Австрии 1933–1938 гг. позволит решить куда более значимую задачу общетеоретического плана: отграничить такие категории, как нацизм, Третий рейх, фашизм (австрофашизм в частности), тоталитаризм, авторитаризм, расизм, вождизм, показать, насколько в действительности они переплетены или, напротив, насколько разъединены и несвязны. Это позволит в дальнейшем избежать неверных отождествлений узловых категорий политологии, что, как нам кажется, внесет позитивную ясность в научный дискурс.

Кроме всего прочего, считаем, что достижение поставленных задач возможно лишь на междисциплинарном уровне. Конечно, политические режимы и политические идеологии стабильно входят в сферу изучения политических наук. При этом мы говорим о политических режимах прошлого, следовательно, без исторической науки обойтись невозможно. Более того, политические режимы и политические идеологии влияют на общество в целом, а последнее состоит не только из политики, но и из экономики, социальной и духовной сфер. Таким образом, некоторые особенности политических режимов и политических идей могут быть наиболее полно раскрыты при обращении, в том числе, к социальной философии, политической философии, социологии, культурологии, общетеоретической экономики.

ТОТАЛИТАРИЗМ: ОСОБЕННОСТИ, ОТЛИЧИЕ ОТ АВТОРИТАРИЗМА

Обозначенная в заглавии раздела проблема, как мы уже отмечали, является классической. Ее всерьез и давно рассматривают авторы не только научных публикаций, но и учебных пособий по политологии для будущих специалистов политологических специальностей и неспециалистов, а также авторы школьных

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ. Собрание законодательства Российской Федерации от 17.06.1996 № 25. Ст. 2954.

учебников по обществознанию. В общем, под тоталитаризмом «принято понимать крайнюю форму возвышения тенденции к централизации, унификации и одностороннему регламентированию всей политической, общественной и духовной жизни» [1]. Представленная дефиниция, по существу, является наиболее распространенной, хотя, на наш взгляд, не бесспорной. Едва ли найдется развитое правовое государство, которое с помощью юридических средств не регламентирует все сферы общественной жизни: правила деятельности экономических субъектов, государственное устройство, форму правления и политический процесс, основы функционирования социальной сферы, дозволенное/недозволенное и рекомендуемое/нерекондуемое в культуре. Выходит, что любое государство, имеющее развитую правовую систему, которая регламентирует все сферы общественной жизни, оказывается тоталитарным, что в конечном счете звучит абсурдно. Иной вопрос: насколько произвольно, т. е. вне правовых пределов, де-юре и де-факто ограничивающих легальную власть, может быть вмешательство государства в различные сферы общественной жизни? Именно постановка вопроса о произвольности государственного вмешательства и позволит определить тоталитаризм и отграничить его от авторитаризма: тоталитарный режим предполагает возведение произвола в абсолют, а авторитарный режим озабочен преимущественно сохранением собственной политической стабильности, в то время как остальные сферы социума при автократии воспринимаются политическим истеблишментом в качестве посредственных. Кроме того, нетрудно заметить еще одну весьма существенную линию водораздела между авторитаризмом и тоталитаризмом. Поскольку тоталитарный режим претендует на полный и бесконтрольный произвол по отношению к подвластным, то у такого произвола должно быть некое этическое обоснование, которым выступает фундаментальная идеология. Причем такая идеология должна быть не только общепонятной и элементарной для восприятия, но и содержать четкие и ясные образы счастливого будущего. И, ввиду того, что трудно прогнозировать будущее в принципе, а тем более общепонятное и элементарное, такие образы нередко содержат мифологические

сакраментальные смыслы — притягательные для восприятия, но наиболее отдаленные от действительности. А так как авторитарный режим ставит целью сохранение установленного им же статус-кво, то наличие мессианской идеологии не требуется.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ ГЕРМАНИИ 1933–1945 ГГ.

Нет никаких сомнений в том, что политический режим гитлеровской Германии является тоталитарным. Ниже мы обозначим основные характеристики германского тоталитаризма, однако сейчас считаем нужным остановиться на более абстрактном вопросе: что представляет собой Германия 1933–1945 гг. с политической точки зрения? С одной стороны, Германия того периода называется нацистской, что, конечно, верно, однако неполно: политический режим того времени в основе является нацистским, но отнюдь не исчерпывается этим. Существуют некоторые особенности германского государства обозначенного периода, такие, как, например, протекционизм в экономике и контроль над ценами, которые никак не связываются напрямую с идеологией нацизма. Кроме того, возникает терминологическая путаница, внесенная современностью: нацизм дословно расшифровывается как «национал-социализм», национал-социализм исторически — определенная идеология и практика Германии 1933–1945 гг. и в то же время некая абстрактная идеология радикальной расовой нетерпимости и национального превосходства. Поэтому трудно сказать, что есть немецкий нацизм — конкретное проявление нацизма в общем или исключительное историческое явление. С другой стороны, Германию 1933–1945 гг. называют фашистской, что уже является некорректным: фашизм, хотя и сходен с нацизмом, но не тождественен ему. Наконец, Германию обозначенного периода называют гитлеровской, что связывается с ключевой политической фигурой. Такая формулировка придает Германии 1933–1945 гг. оттенок вождизма, но вождизм не исчерпывает понятие тоталитарного режима. В силу ранее отмеченных лексических коллизий мы будем говорить о политическом режиме Германии 1933–1945 гг., так как она является той категорией, которую можно далее раскрывать с множества сторон.

Политический режим Германии обозначенного периода — тоталитарный — является одной из разновидностей тоталитарных систем, существовавших в мировой истории. Произвольное вмешательство государства во все сферы общественной жизни обосновывалось мессианской идеологией нацизма. Нацизм как устоявшаяся политическая идеология — ультраправая система взглядов, обосновывающих физическое, интеллектуальное и этическое превосходство своей расы над другими, а также допускающая в различных формах угнетение «неполноценных» этносов «полноценными». Основой «абстрактного» нацизма является расовая теория французского социолога XIX в. Жозефа де Гобино, обосновывающая историческую и «научную» необходимость расового неравенства. Таким образом, нацизм — крайняя форма расизма. Нацизм как идеология гитлеровской Германии несет, в том числе, отпечаток других воззрений. Во-первых, речь идет об антисемитизме, корни которого лежат в личной неприязни Адольфа Гитлера к евреям, о чем говорится в его книге «Моя борьба». Во-вторых, речь идет о якобы обоснованном антропологическом превосходстве арийской расы. Указанную парадигму обосновывал, в частности, немецкий антрополог и приверженец национал-социализма Ханс Гюнтер, который разделил этносы в порядке убывания их превосходящих свойств на нордическую, динарскую, западную, восточную, фальскую и восточно-балтийскую расы. Теория Гюнтера, кроме расизма, содержит евгенические черты, и во многом именно благодаря учению Гюнтера евгеника как доктрина улучшения человеческой природы стала отождествляться с чудовищными экспериментами нацистов по насильственному совершенствованию людей, что является неверной интерпретацией евгеники как таковой. В-третьих, германский нацизм базируется на специфической доктрине Артура ван де Брука, более известной как Третий рейх. По его мнению, Германия времен Гитлера является реинкарнацией некоей «Великой Германии»: Первый рейх — империя Фридриха Барбароссы, Второй рейх — Германская империя канцлера Отто фон Бисмарка. В-четвертых, немецкий нацизм содержит черты реваншизма — попытки вернуть былое величие Германии, утраченное после поражения в Первой мировой войне, что обосновывается, в том числе, выходом

Германии после прихода к власти Гитлера из Версальского договора. В-пятых, немецкий нацизм — идеология вождизма. Нация должна концентрироваться вокруг личности фюрера, обладающего священным ореолом.

Политическая система Германии 1933–1945 гг. является типичным образчиком тоталитаризма. Монополия Национал-социалистической немецкой рабочей партии на политическую власть была установлена в 1933 г. в связи с запретом Коммунистической партии Германии и Социал-демократической партии Германии, причем лидеры и активные участники левого движения подвергались жесточайшим политическим репрессиям. Партия национал-социалистов, по существу, срослась с государством. Немецкий федерализм сменился на имперский унитаризм: введенный институт имперских наместников — рейхсштатгальтеров — не предполагал широких властных полномочий последних: они, в сущности, являлись лишь представителями центральной власти.

Как справедливо замечено в научной литературе, «одной из характерных черт тоталитарных режимов, причем, ключевой и определяющей во многом грань между тоталитаризмом и авторитаризмом, стала успешная система пропаганды, обеспечившая тоталитарным режимам уникальную массовую базу, завербовавшая им максимальное количество сторонников, т. е. фактически позволившая завоевать и удержать власть» [2]. Потому не вызывает удивления тот факт, что идеология немецкого нацизма транслировалась в общество через инструменты пропаганды. А. Гитлер в известной книге, цитирование которой не представляется возможным, подчеркивал, что пропаганда должна быть доступна для восприятия наименее грамотными и образованными слоями населения и содержать предельно простые послы и воззвания, адаптированные для коллективного сознания. Причем такие воззвания и послы должны доходить не столько до рациональной, сколько до эмоциональной компоненты психики — проходить через чувства и переживания. Особая озабоченность лидера нацистов вопросами пропаганды привела в конечном счете к созданию особого органа власти, ведавшего данной проблематикой, — Министерства народного просвещения и пропаганды. Связь образования и пропаганды не является случайной, так как нацист-

скими властями делался упор на полнейшее подчинение, в том числе ментальное, своего населения с юношеских лет. Проводниками пропаганды в образование выступали молодежные организации, созданные по половому признаку, — гитлерюгенд и Союз немецких девушек. Помимо уже упомянутых идей расового превосходства и юдофобии, немецкая пропаганда формировала в умах людей образ «истинного арийца»: мужчины-воина, крепко сложенного физически, обладающего отменным физическим здоровьем. Впрочем, влияние немецкой пропагандистской машины отнюдь не ограничивалось молодежными организациями: оно распространялось на радио, печатные СМИ внутренней и внешней направленности, кинематограф, театр, литературу, музыку и народное творчество. Пропагандистские фильмы Лени Рифеншталь «Триумф воли» и «Олимпия» можно назвать классикой ангажированного и отцензурированного кинематографа, а скульптуры Арно Брехера наиболее четко характеризуют стилистику тоталитарного искусства, которое иногда называют дегенеративным: нарочито героизированные формы, масштабные произведения, подчеркнута большие размеры и обезличенные люди.

Тоталитаризм нацистского режима в экономике связан с милитаристским характером производства. Вместе с тем развитая тяжелая промышленность, носившая военизированный характер, сосуществовала с невоенными секторами производства, что позволяет говорить о сбалансированности экономики отмеченного периода. Кроме того, наблюдалась последовательность в обеспечении работников социально приемлемой оплатой труда. И хотя профсоюзы с момента прихода нацистов к власти были упразднены, а забастовки запрещены, государство обращало пристальное внимание на социальную политику.

Вдобавок к отмеченному, считаем крайне важным остановиться на том, что тоталитарная система нацистской Германии в своем стремлении к произвольному вмешательству в общество привела к крупнейшей в прошлом столетии трагедии мирового масштаба — Холокосту. По этой причине можно говорить о том, что политический режим Германии 1933–1945 гг. является самой опасной разновидностью тоталитарных государств. И хотя любая тоталитарная система сама по себе вредоносна

и антигуманна, только гитлеровская Германия совершила самое страшное преступление мирового масштаба, жертвами которого стали не только собственные граждане, но и еврейское население захваченных территорий.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ АВСТРИИ В 1933–1938 ГГ.

В отличие от тоталитарного гитлеровского режима, который прекратил свое существование благодаря освободительным действиям Советского Союза, Великобритании, США и других союзников антигитлеровской коалиции, австрофашизм был низложен в результате захватнических действий нацистской Германии — аншлюса. Однако приход австрофашистской партии к власти в ходе переворота 1933 г., как и установление нацистского господства в Германии, сопровождался зачисткой политического поля: австрофашистский «Отечественный фронт» запретил деятельность как коммунистической, так и нацистской партий. В силу последнего обстоятельства можно с уверенностью говорить о том, что австрофашистские взгляды не только являются антинацистскими, но и не имеют ничего общего с обычным фашизмом. При этом установление однопартийной системы не сопровождалось массовым физическим устранением оппонентов, что имело место в Германии, хотя и не исключало нанесение точечных ударов по активистам левой оппозиции.

Идеология австрофашизма не является настолько сложноорганизованной и разветвленной, как идеология германского нацизма. Австрия времен австрофашистской диктатуры характеризуется как национальное сословное государство, при том, что претворение в действительность сословной организации общества не наблюдалось: отсутствовала четкая дифференциация социальных слоев по уровням доступа к привилегиям в зависимости от наследуемого положения в социуме старших членов семьи. Более того, сословная организация общества в австрофашизме не могла быть воплощена в принципе, поскольку форма правления Австрии 1933–1938 гг. была республиканской, в то время как сословное общество является признаком монархической формы правления. В отличие от германского нацизма, исповедующего культ вождя и превозносящего роль личности в политическом

процессе, австрофашизм являлся корпоративистской идеологией, что, в общем, характерно для направления христианской демократии. С точки зрения корпоративистов руководящую роль в историческом процессе играет не один лидер, а некие общественные группы. Это расхождение в вопросе роли личности/групп/общества в истории отличает австрофашизм, в том числе от левых (марксистских) политических течений, с точки зрения которых руководящая роль в истории отводится не личности, а народным массам, и те, в свою очередь, лишь воплощают в действительность объективный политэкономический закон соответствия производственных отношений характеру и уровню развития производительных сил. В свете вышесказанного не вызывает удивления тот факт, что австрофашистское государство в научной литературе нередко характеризуется как корпоративное [3].

Кроме мнимого сословного принципа, консервативные интенции австрофашизма проявлялись в клерикализации Австрии. Римская католическая церковь объявлялась главным союзником правящего режима. Более того, именно некоторые католические священнослужители поддержали государственный переворот 1933 г. Католическая церковь в Австрии так или иначе участвовала в «Отечественном фронте», между ней и официальной властью был заключен конкордат, а Папа Римский того времени выражал активную поддержку режиму. Важность значения религиозных организаций для австрофашистов также подчеркивает отмена светского государства. Клерикализация австрийского политического режима отличает австрофашизм от немецкого нацизма, который не только не искал союза с Христианской Церковью, но и не основывал свою общественно-политическую доктрину на постулатах религии.

Экономика австрофашизма не носила милитаристский характер, хотя, как и экономика нацистской Германии, регулировалась протекционистскими методами, в том числе таможенными барьерами для импортной продукции. Организация производства носила во многом цеховой характер по аналогии со средневековыми цехами. Уровень безработицы, по официальным данным, снизился вдвое, хотя это и не привело к ускоренному экономическому росту. Как и в Германии 1933–1945 гг., в Австрии

1933–1938 гг. были запрещены независимые профессиональные союзы, на смену которым пришли объединения рабочих и работодателей. Как и Германия того периода, Австрия являлась во многом социальным государством: социальные гарантии носили практически всеобъемлющий характер, была установлена минимальная оплата труда.

Идеология австрофашизма, которая не являлась, в отличие от нацизма, мессианской, не предлагала населению ясную и простую для восприятия картину будущего. В этой связи цельная система пропаганды в Австрии отсутствовала, при том, что цензура в политической практике имела место. Однако «Отечественный фронт» как главная движущая сила австрофашизма обладал монопольной властью, а политическая конкуренция носила мнимый характер.

ВЫВОДЫ

Сравнительный анализ политических режимов Австрии и Германии 30–40-х гг. прошлого столетия позволил сделать ряд принципиальных выводов. Во-первых, употребление слова «фашизм» при определении некоторых политических систем в действительности выглядит не таким пугающим, как может показаться на первый взгляд. Мы установили этот факт на примере политического режима австрофашистского государства, но при этом подчеркиваем, что это нисколько не оправдывает фашистскую идеологию и фашистскую политику стран Оси, совершивших масштабные преступления против мира и человечества. Во-вторых, перед нами предстали два совершенно различных политических режима с точки зрения идейно-теоретических основ. С одной стороны, германский нацизм — радикальная человеконенавистническая полумистическая идеология, являющаяся ультраправой, с другой стороны, австрийский фашизм — антинацистская и антикоммунистическая правоконсервативная система взглядов, во многом схожая с христианской демократией, но также являющаяся ультраправой. В-третьих, речь идет о различных политических режимах: Германия 1933–1945 гг. — безусловное тоталитарное государство, поставившее насилие во главу угла — от насильственной расправы с политическими оппонентами до массового геноцида еврейского населения, Австрия 1933–1938 гг. — авторитарное государство, ис-

пользовавшее механизмы произвола точно и в основном для сведения к минимуму политической конкуренции.

В свете вышесказанного можно сделать вывод о том, что австрофашистский режим является классическим примером авторитарной националистической системы, сконцентрировавшей государственный произвол

на сохранении собственного политического господства, практически не допуская произвольных неправовых методов воздействия на экономику, общество и культуру, в то время германский нацизм стал апогеем тоталитарных политических режимов и распространил свой почти что всеобъемлющий произвол не только на своих граждан, но и на все человечество.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Полиновская Е. А. Концепция тоталитаризма и фашизм. *Вестник МГЛУ. Общественные науки*. 2018;4(812):141–151.
2. Свечникова С. В. Тоталитаризм и пропаганда. *Ученые записки Орловского государственного университета*. 2018;1(78):39–42.
3. Семенова В. К. На службе отечественного австроведения: узловые проблемы новейшей истории Австрии в научных публикациях доктора исторических наук, профессора И. Г. Жирякова (к 70-летию со дня рождения). *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки*. 2018;(4):70–82.

REFERENCES

1. Polinovskaya E. A. The concept of totalitarianism and fascism. *Vestnik MGLU. Obshchestvennyye nauki*. 2018;4(812):141–151. (In Russ.).
2. Svechnikova S. V. Totalitarianism and propaganda. *Uchenyye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2018;1(78):39–42. (In Russ.).
3. Semenova V. K. In the service of domestic Austro-studies: Nodal problems of the modern history of Austria in the scientific publications of Doctor of Historical Sciences, Professor I. G. Zhiryakov (To the 70th anniversary of his birth). *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskiye nauki*. 2018;(4):70–82. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Вадим Владиславович Зубов — кандидат исторических наук, доцент Департамента политологии и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия
zubov305@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Vadim V. Zubov — Cand. Sci. (Historical Sciences), Associate Professor, Department of Political Science and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia
zubov305@yandex.ru

Статья поступила 15.01.2021; принята к публикации 01.02.2021.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article received on 15.01.2021; accepted for publication on 01.02.2021.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-2-63-71
 УДК 323.2;32.019.5(045)

Политическая культура российской студенческой молодежи: ценностные, образно-символические и поведенческие аспекты*

Т.В. Евгеньева^а, А.В. Селезнева^б, Д.Е. Антонов^с

^а МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия; Финансовый университет, Москва, Россия

^б МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

^с Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва, Россия

^а <https://orcid.org/0000-0002-4711-5476>; ^б <https://orcid.org/0000-0003-2500-6356>;

^с <https://orcid.org/0000-0002-8895-4348>

АННОТАЦИЯ

В статье представлены результаты исследования состояния политической культуры современной российской молодежи как поколенческой общности, социализация которой происходила в условиях постсоветской политической реальности под влиянием традиционных институтов и новых цифровых факторов. Эмпирическую базу исследования составили материалы всероссийского репрезентативного опроса российской молодежи. Авторами выявлены и охарактеризованы представления российской студенческой молодежи об основных общественно-политических институтах, зафиксировано снижение интереса к политическому процессу и высокая степень неопределенности в представлениях о работе важнейших государственных институтов. В работе определены значимые поведенческие доминанты российской студенческой молодежи. Зафиксированы тенденции к уходу в виртуальную реальность и снижение интереса к реальному политическому участию. Полученные научные данные впоследствии могут быть положены в основу инструментально-технологического обеспечения деятельности государственных структур и общественных институтов, реализующих государственную молодежную политику.

Ключевые слова: молодежь; политические ценности; политические представления; символы; политическое поведение; политическая культура

Для цитирования: Евгеньева Т.В., Селезнёва А.В., Антонов Д.Е. Политическая культура российской студенческой молодежи: ценностные, образно-символические и поведенческие аспекты. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(2):63-71. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-2-63-71

ORIGINAL PAPER

Political Culture of the Russian Students: Value-based, Figurative-symbolic and Behavioural Aspects**

T.V. Evgenyeva^а, A.V. Selezneva^б, D.E. Antonov^с

^а Lomonosov Moscow State University; Financial University, Moscow, Russia;

^б Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia;

^с State Academic University for Humanities (GAUGN), Moscow, Russia

^а <https://orcid.org/0000-0002-4711-5476>; ^б <https://orcid.org/0000-0003-2500-6356>;

^с <https://orcid.org/0000-0002-8895-4348>

ABSTRACT

The article presents the results of the study of the political culture of the Russian youth as a generational community, whose socialization took place in the conditions of the post-Soviet political reality under the influence of traditional institutions and new digital factors. The study was conducted based on a political-psychological approach. The empirical

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках проекта № 20-011-31558 «Политическая культура студенческой молодежи российских регионов: методы диагностики и технологии формирования в свете реализации государственной молодежной политики».

** The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research and EISI within the framework of project No. 20-011-31558, "Political culture of student youth in Russian regions: diagnostic methods and formation technologies in the light of the implementation of state youth policy".

base of the study was made up of the materials of the All-Russian representative survey. The authors identify and characterize the views of Russian students about the main socio-political institutions. The authors have identified significant behavioural dominants of the Russian student youth. There are trends towards moving into “virtual reality” and a decline in interest in actual political participation. The obtained scientific data can later be used as the basis for instrumental and technological support for the activities of state structures and public institutions implementing state youth policy.

Keywords: youth; political values; political representations; symbols; political behaviour; political culture

For citation: Evgenyeva T.V., Selezneva A.V., Antonov D.E. Political culture of the Russian students: Value-based, figurative-symbolic and behavioural aspects. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(2):63-71. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-2-63-71

ВВЕДЕНИЕ

Становление политической культуры молодежи в современной России представляет собой внутренне противоречивый процесс, протекающий в многомерном и турбулентном пространстве глобальных, общенациональных и субнациональных вызовов XXI в. Природа этих системных вызовов сложна и носит интегративный характер, включая в себя разнообразные макрополитические, институциональные, информационно-психологические и социокультурные факторы. Некоторые из этих факторов несут в себе позитивный импульс и могут выступить драйверами модернизации политической системы. Другие должны рассматриваться с точки зрения выявления, прогнозирования и упреждения политических и социокультурных информационно-психологических угроз, обладающих рискогенным потенциалом и представляющих опасность для молодежи, российского общества и государства [1]. В связи с этим особую актуальность и значимость приобретает задача изучения состояния политической культуры современной российской молодежи как поколенческой общности, социализация которой происходила в условиях постсоветской политической реальности под влиянием традиционных институтов и новых факторов, в первую очередь сети Интернет.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Политическая культура как понятие в современной науке применяется для обозначения довольно широкого спектра разнообразных феноменов в политической сфере: представления, ценности, установки граждан [2–4], политические действия и поведение [5], пространство мифо-символических и идеологических конструкций [6], институциональные структуры, встроенные в политические процессы [5, 7].

Обобщая разные подходы, Г.Л. Тульчинский утверждает, что структура политической культуры наряду с политическим сознанием включает также политические институты, составляющие политическую систему общества, и политическое поведение в различных формах политического участия и деятельности [8].

Анализируя политическую культуру российской студенческой молодежи с позиций политико-психологического подхода, мы будем ориентироваться на определение, предложенное О.Ю. Малиновой. В ее понимании это «система исторически сложившихся, относительно устойчивых политических ориентаций и моделей политического поведения, на основе которых строится поведение индивидов и групп» [9]. Данная трактовка является наиболее адекватной нашим исследовательским задачам, поскольку «примиряет» разные подходы — «психологический», в рамках которого политическая культура рассматривается как комплекс социально-психологических свойств, проявляющихся на индивидуальном уровне, и «социетальный», который позволяет считать ее «свойством социальных коллективов, укорененным в исторически обусловленных социальных практиках и репертуарах смыслов, определяющих действия индивидов и функционирование институтов» [10]. Для нашего анализа важно, во-первых, психологическое понимание структуры политической культуры, включающей в себя существующие в сознании граждан ценности, представления, образы и обусловленные ими поведенческие ориентации и особенности политической активности людей. Во-вторых, обозначение ее исторической детерминированности, влияния и политических традиций на ценностные ориентации и поведение граждан.

При этом, с одной стороны, мы ориентируемся на интерпретацию отечественной политической культуры как «монолитной» и неизменной [11,

12]: складывающиеся на протяжении столетий ценности и характерные черты власти и общества существовали в ней в разные исторические эпохи, в том числе и сейчас. С другой стороны, мы принимаем во внимание ее динамический характер и акцентируем внимание на том, что «трансформация политической культуры заключается не в появлении качественно иной системы с абсолютно новыми элементами, а в переходе элементов с одного “уровня влияния” на другой» [13]. Причем, самые значительные изменения происходят в переходные периоды развития страны.

ХАРАКТЕРИСТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Эмпирической базой исследования являются материалы всероссийского опроса студенческой молодежи в возрасте 18–24 лет, проведенного осенью 2020 г. с помощью процедур формализованного интервью. Количество респондентов — 1600 чел.

В соответствии с нашей моделью анализа в структуру опросного листа были включены блоки вопросов, касающиеся политических ценностей и представлений, образно-символических репрезентаций, поведенческих установок и ориентаций молодежи.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И ЦЕННОСТИ

Одной из характерных черт отечественной политической культуры, которую выделяют исследователи, является ориентация на государство, которое выступает «носителем вдохновляющих духовных смыслов» [12]. По мнению Ю. С. Пивоварова, государство — центральный элемент смысловой триады «церковь — государство — общество», лежащей в основе «русской идеи» и определяющей политико-культурные особенности исторического развития нашей страны [14].

Результаты нашего исследования показывают, что патерналистские ориентации у молодежи достаточно сильны: 54% наших респондентов перекладывают ответственность за обеспечение блага граждан на государство и власть. При этом государственное регулирование общественных отношений представляется студентам в диапазоне от вмешательства среднего уровня, связанного, главным образом, с нормативно-правовым регламентированием и обеспечением правопорядка (43%), до значительного контроля

всех сфер жизни, кроме личной (41%). Среди опрошенных нами есть и сторонники крайних вариантов — минимального и максимального участия государства в жизни граждан, но их количество невелико.

Представления о современном российском государстве в сознании студенческой молодежи являются неоднозначными. Наши респонденты не определились, является оно сильным или слабым, проводит грамотную или не очень грамотную внешнюю политику, уважают или не уважают его в мире.

При этом если посмотреть на разницу между крайними показателями, определяющими наибольшую степень выраженности указанных характеристик, становится понятно, что молодые люди по многим позициям склоняются к негативному полюсу. В этом контексте особенно важно обратить внимание на то, что молодежь представляет государство неуспешным во внутренней политике, не заботящимся о гражданах, и таким, где не хочется жить.

Что касается политических институтов, то отношение молодежи к ним тоже неоднозначное. Уровень осведомленности об их деятельности и удовлетворенности ею невысокий. То же можно сказать и об уровне доверия к ним. Тем не менее значительная часть наших респондентов поддерживает деятельность всех без исключения политических институтов.

Интересными и заслуживающими внимания являются несколько моментов. Лучше всего молодые люди осведомлены о деятельности полиции, (которая достаточно активно освещается в СМИ), региональных и местных властей, деятельность которых респонденты видят воочию. При этом удовлетворенность их работой и надежда на них крайне невысоки.

Наибольшее доверие у молодых людей вызывают новые политические партии и несистемная оппозиция, что может быть отчасти объяснено их новизной и активным присутствием в сети Интернет наравне с определенной усталостью от давно существующих институтов и слабой осведомленностью об их деятельности.

У вооруженных сил самые высокие показатели по осведомленности и ожиданиям, но самые низкие по уровню доверия. На наш взгляд, такое двойственное отношение к армии является, с одной стороны, проекцией значимой для молодежи ценности безопасности [15], а с другой — реакцией на доминирование в публичном и инфор-

мационном пространстве силовой составляющей во внутренней и внешней политике.

Представления респондентов о российском обществе довольно неопределенные. Так же как и в случае с государством, они не могут четко обозначить характеристики общества, в котором живут. За исключением его социального устройства, которое видится, скорее, иерархическим, нежели основанным на принципах равенства.

Российскому обществу в представлениях молодежи свойственны одновременно индивидуализм и коллективизм, атомизация и солидарность, раскол и единство. В этом, на наш взгляд, проявляется влияние двух противоположных тенденций. Первая отражает национальную политическую культуру, которой характерен «надындивидуальный» тип бытия [16], собранность, коллективизм, который питает скрепы русского этоса [17]. Вторая тенденция связана с происходящей на протяжении постсоветского периода вестернизацией духовно-культурной сферы, распространением западных ценностей и образцов жизни, что в итоге привело к росту индивидуалистических установок и «растяжению» социальных связей.

Таким образом, мы можем заключить, что смысловое содержание политической культуры российской студенческой молодежи является достаточно размытым и неопределенным. Молодые люди не имеют системных и когнитивно сложных представлений о политике, политических институтах и процессах, что является значимым (и отнюдь не позитивным) показателем состояния их политической культуры.

ОБРАЗНО-СИМВОЛИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Для более глубокого понимания специфики политической культуры современной российской молодежи значимую роль могут играть не только ее содержательные элементы, такие как представления и ценности, но и особенности их репрезентации в виде образов и символов. Именно через систему символов личность во многом воспринимает процессы, в том числе политические, оценивает происходящие события. Образы и символы, часто стереотипизированные и частично мифологизированные, превращаемые Интернетом в набор привычных мемов, управляют восприятием реальных политических явлений и процессов.

Для решения задач исследования были выделены несколько образов, отражающих наиболее обобщенные символические представления студенческой молодежи о политике в целом.

Учитывая тенденцию к персонализации политических процессов, респондентам были заданы вопросы о существующих у них образах героя и врага в политической истории России со встроенными мифологическими характеристиками (герой-спаситель и враг-предатель). В такой форме эти образы не только отражают представления молодого поколения об истории, но и (при анализе обоснований выбора) символизируют понимание им таких категорий, как добро и зло по отношению к тому или иному типу политики.

При выборе героя-спасителя большинство респондентов уверенно называют правителей, намного реже — военачальников или политиков. При этом среди первых пяти позиций (с существенным отрывом от остальных) выделяются правители-реформаторы или «победители»: И.В. Сталин (10,4%), Александр II (8,9%), В.И. Ленин (7,9%), Петр I (7,6%), В.В. Путин (3,1%). Можно предположить, что данный выбор отражает некоторые тенденции в настроениях молодежи, для значительной части которой события и процессы, связанные с развитием и реформированием, оцениваются однозначно положительно и определяют образ желаемого будущего.

Образ врага (предателя) также сосредоточен в большинстве ответов на правителях (при том, что в вопросе политический статус врага никак не уточнялся): М.С. Горбачев (10,32%), Б.Н. Ельцин (7,21%), И.В. Сталин (6,92%), В.И. Ленин (5,16%), Н.С. Хрущев (3,46%).

Из комментариев к ответам можно заметить, что аргументация по названным фигурам повторяет стиль современного коммуникативного дискурса.

Противоположные оценки места И.В. Сталина и В.И. Ленина не являются неожиданными и связаны с постоянно существующим противостоянием в обществе по этим фигурам. При этом и сторонники Сталина-героя и Сталина-врага используют для обоснования своего мнения известные пропагандистские стереотипы и коммуникационные штампы.

Среди перечисленных респондентами достаточно редко встречаются имена людей, не связанных с властью, например общественных деятелей или личностей, воспринимаемых

в качестве героев или предателей на локальном уровне. Нет образа героя — обычного человека, который мог бы стать образцом для будущего выбора собственного поведения.

Интересно, что по обеим позициям респонденты практически не раскрывают, почему они отнесли того или иного персонажа именно к спасителям или предателям. Можно сказать, что образы названных исторических персонажей сегодня превратились в некие символы общей позитивной или негативной оценки не только конкретного человека, но и всей эпохи, с ним связанной. Одновременно оценка самих исторических периодов во многом определяется особенностями образа правителя.

Следует отметить, что большая группа респондентов не смогла дать ответа на вопросы о героях и предателях (около 37% и около 42% соответственно), утверждая, что героев или предателей не было, или они их не знают. Получается, что у этой группы молодых людей символическое пространство добра и зла в его социально-политическом измерении остается ничем не заполненным, пустым. В этом случае в своих политических оценках и решениях они будут зависеть от сиюминутных эмоционально окрашенных трендов, периодически появляющихся и так же быстро исчезающих в сети Интернет.

Можно сделать вывод о том, что не только образы конкретных персонажей политической истории, но и представления об их деятельности или месте в общественно-политическом процессе (а во многом и о самом этом процессе) у большинства респондентов оказываются когнитивно бедными и чрезвычайно упрощенными. Они зависят от стереотипов, транслируемых каналами массовой коммуникации, и чаще всего не опираются на реальные знания об объекте.

Второй значимый элемент символического пространства политической культуры — обобщенные образы отдельных периодов истории России. Респондентов попросили оценить, какие периоды они считают самыми благополучными («золотой век») и самыми трагическими.

Можно предположить, что при ответе на первый вопрос респондентов немного сбила формулировка «золотой век», так как 12,4% из них назвали XVIII в. или век Екатерины II.

Периоды, называемые чаще других, относятся ко времени, достаточно отдаленному от сегодняшнего дня (XVIII и XIX вв., первая половина XX в.), о котором имеется достаточно

информации не из учебников истории, а из художественных произведений. Такие периоды хотя бы частично наполнены почерпнутыми из этих произведений образами. Однако если сравнивать с более старшими поколениями, образы эти у молодежи становятся все более когнитивно простыми и бедными.

При этом внутри каждого периода обоснование выбора приблизительно поровну представлено оценками его то в качестве стабильного этапа, то в качестве времени развития. Например, среди выбравших СССР, примерно равный процент выбравших период правления Сталина («успехи») и время, когда у власти находился Брежнев («стабильность»).

Оценка отдельных периодов истории в качестве трагических оказалась у респондентов более однозначной. Для более чем четверти опрошенных трагичность времени ассоциируется, прежде всего, с войнами и революциями или радикальными реформами (90-е гг.).

При этом, как и в предыдущих вопросах, остается значимый процент неопределившихся или считающих, что особенно благополучного или особенно трагического периода в российской истории не было (около 25% и около 15% соответственно).

Ответы на вопросы о благополучном и трагическом времени представляют интерес тем, что на образно-символическом уровне позитивная или негативная оценка тех или иных периодов прошлого в значительной степени (иногда в большей, чем знания истории или представления о современной общественно-политической ситуации) определяют образы желаемого будущего.

Размытые и ненаполненные понятными образами и символами представления о прошлом, абстрактные и не подкрепленные примерами или доказательствами позитивные или негативные оценки тех или иных периодов прошлого не могут стать основанием для представлений и ожиданий, связанных с общим или собственным будущим.

ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ ОРИЕНТАЦИИ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ МОЛОДЕЖИ

По данным нашего исследования, основной формой политического участия для молодежи является участие в выборах в качестве избирателя (66%). В меньшей степени они готовы посещать мероприятия политических партий (21%) или становиться кандидатами (20%). Тенденция

пассивного участия свойственна молодежи и на муниципальном уровне политического процесса: всего 19% принимают участие в местных плебисцитах, 25% посещают общественные слушания.

Наибольшую значимость, по мнению респондентов, имеют выборы лиц, принимающих решения, — президента и главы региона. Важность выборов представительных органов власти снижается от федерального к местному уровню.

По нашему мнению, низкий уровень доверия к институтам, а также отсутствие ассоциативных связей в сознании между собственным будущим и участием в политических институтах приводят к тому, что в качестве основного вектора политической активности молодежь выбирает те формы, которые будут способствовать ее самореализации. Практически половина респондентов (41%) отметила, что являются активными участниками молодежных движений или организаций. Примерно в равных пропорциях молодые люди участвуют в деятельности молодежных политических институтов (парламентов, избирательных комиссий и др.) и некоммерческих организаций (22% и 24%).

Следствием неоднозначного отношения к государственным институтам можно назвать и достаточно большой процент респондентов, поддерживающих акции оппозиции (25%), тогда как молодых людей, признавших участие в провластных акциях, всего 18%. По меньшей мере, 75% российской молодежи не вовлечены в активный политический процесс.

Можно предположить, что современная российская молодежь вследствие неоднозначного отношения к политическим институтам не готова к активному участию в политическом процессе только ради их воспроизводства и поддержания функционирования. Значимой ценностью для молодых людей является самореализация, поэтому они выбирают направления деятельности, которые помогут, прежде всего, их собственному развитию и благополучию.

При этом стоит отметить, что речь идет не о политической пассивности, а об изменениях форм активности. Исследование подтвердило гипотезы о том, что представители поколений Y и Z более активно участвуют во внеинституциональной политической деятельности [18]. Более половины опрошенных (51%) подписывают онлайн-петиции, 36% респондентов принимают участие в онлайн-обсуждениях политического процесса, а 20% респондентов

даже транслируют свое мнение на собственные онлайн-аудитории.

То есть в условиях продолжающейся цифровизации максимально обостряется вопрос влияния новых типов коммуникации на политическое поведение молодежи. Согласно полученным нами результатам намечается тенденция ухода в онлайн политического активизма молодежи из-за появления качественно новых форм политического участия, возможных только в онлайн-пространстве. Однако открытыми и требующими дополнительных исследований остаются вопросы: в какой мере это несет угрозу политической системе и политическим институтам? что может выступить в качестве триггера перехода онлайн-активности в офлайн?

ВЫВОДЫ

Результаты исследования показывают, что на фоне снижения интереса граждан к политике, восприятие молодежью как политических процессов, так и отдельных резонансных политических событий носит чрезвычайно абстрактный характер. Большинство респондентов имеют слабое представление о функциях и сферах ответственности отдельных политических институтов, что проявляется на познавательном уровне: лишь малая часть респондентов может представлять различия между органами власти разного уровня, между функциями законодательной и исполнительной власти. При этом по отношению и к тем и к другим наблюдается тенденция к недоверию.

На поведенческом уровне слабость и размытость этих представлений проявляется в отношении и к выборам, в которых респонденты видят способ самореализации, и к политическим организациям, привлекательными среди которых представляются те, что предлагают какие-либо варианты личного участия, в том числе в форме интернет-активности.

Еще более неопределенными оказываются представления об обществе. Оно представляется, скорее, фрагментированным, чем организованным.

Образно-символическое пространство политической культуры, по результатам исследования, также выглядит чрезвычайно бедным и лишенным какой-либо эмоциональной окраски. Герои или враги, а также отдельные политические события представлены малосодержательными стереотипизированными именами и названиями,

а их характеристики как будто скопированы из публикаций СМИ.

В этих условиях основным направлением воздействия на политическую культуру современной молодежи могла бы стать просветительская деятельность, в которой будут задействованы существующие в нашей стране институты политической социализации — начиная от учреждений образования и до активно действующих в сети Интернет заинтересованных групп.

Современная молодежь, по крайней мере, активная ее часть, сегодня уже не может удовлетворить свою потребность в самореализации в рамках навязанных ей начиная с 1990-х гг. и постоянно подкрепляемых средствами массовой коммуникации ценностей идеологии потребления. Представители молодого поколения заинтересованы в активном участии и реализации серьезных проектов в самых различных сферах: социальной, культурной, политической. Невозможность реализовать свои способности, свой потенциал мотивирует стремление к поискам другого вир-

туального пространства. Виртуальная реальность сети Интернет уже сегодня может рассматриваться как естественная среда, в которой происходит формирование политических представлений и ориентаций, предпочтений и моделей поведения российской молодежи. Одновременно стремление к самореализации мотивирует интерес к ярко и эмоционально представленной деятельности организаций и групп, предлагающих разные варианты защиты несправедливо обиженных (чувство справедливости очень актуально для молодого поколения) — от жителей экологически неблагополучных районов до «жертв режима». При этом первые стараниями политических активистов легко превращаются во вторых.

В этом контексте участие в значимых социальных проектах может стать одним из направлений привлечения молодежи к проявлению гражданской активности. Пожалуй, в качестве успешного примера в этом контексте можно назвать волонтерскую деятельность, которая особенно активно проявилась в ситуации пандемии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шестопал Е.Б., Селезнева А.В. Социокультурные угрозы и риски в современной России. *Социологические исследования*. 2018;(10):90–99.
2. Inglehart R. F., Baker W. Modernization, Cultural Change and the Persistence of Traditional Values. *American Sociological Review*. 2000;(65):15–91.
3. Welzel C., Deutsch F. The Diffusion of Values among Democracies and Autocracies. *Global Policy*. 2016;7(4):563–570. DOI: <https://doi.org/10.1111/1758-5899.12388>
4. Magun V., Rudnev M., Schmidt P. A Typology Of European Values And Russians' Basic Human Values. *Sociological Research*. 2017;56(2):149–180.
5. Bednar J., Page S. When Order Affects Performance: Culture, Behavioral Spillovers, and Institutional Path Dependence. *American Political Science Review*. 2018;112(1):82–98. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0003055417000466>
6. Щербинина Н. Г. Политико-культурные коды и конструктивное творчество современной российской власти. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2016;3(35):255–263.
7. Соловьев А. И. Институциональные эксперименты в пространстве политической культуры: реалии российского транзита. Политическая наука в современной России: Время поиска и контуры эволюции: Ежегодник. М.: РОССПЭН; 2004.
8. Тульчинский Г. Л. и др. Политическая культура. Политическая культура. Учебное пособие для академического бакалавриата. М.: Юрайт; 2015. 164 с.
9. Политическая социология. Евгеньева Т. В., ред. М.: РОССПЭН; 2013.
10. Малинова О. Ю. Политическая культура» в российском и англо-американском научном дискурсе. *Политическая наука*. 2006;(3):7–30.
11. Шабров О. Ф. Духовные основы российской политики. *Открытое образование*. 2011;(2):155–158.
12. Сергеев В. М. Исторические истоки русской политической культуры. *Полис. Политические исследования*. 2012;(4):8–22.
13. Арутюнян Л. Н. Политическая культура: процессы формирования и изменения (о некоторых гипотетических основаниях одной теоретической модели). *Образы власти в политической культуре России*. М.: Московский общественный научный фонд; 2000.

14. Пивоваров Ю. С. «Русская идея»: культурно-цивилизационные предпосылки. Синтез цивилизации и культуры. Международный альманах. Ю. Пивоваров, Т. Тимофеев, Н. Шмелёв, ред. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН; 2003.
15. Селезнева А. В., Антонов Д. Е. Ценностные основания гражданского самосознания российской молодежи. Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020;(58):227–241.
16. Пивоваров Ю. С. Русская история как «Русская идея»: властечцентричные и идеологические основания (часть II). *Россия и современный мир*. 2003;(3):5–29.
17. Егоров В. Социетальные основания российской политической модернизации. *Научно-аналитический журнал Обозреватель — Observer*. 2014;(7):24–27.
18. Бродовская Е. В., Хуанг Т. Цифровое поколение: гражданская мобилизация и политический протест российской молодежи. *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. 2019;(5):3–18. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.5.01>

REFERENCES

1. Shestopal E. B., Selezneva A. V. Sociocultural threats and risks in modern Russia. *Sociologicheskie issledovanija = Sociological Studies*. 2018;(10):90–99. (In Russ.).
2. Inglehart R. F., Baker W. Modernization, Cultural Change and the Persistence of Traditional Values. *American Sociological Review*. 2000;65:15–91.
3. Welzel C., Deutsch F. The Diffusion of Values among Democracies and Autocracies. *Global Policy*. 2016;7(4):563–570. URL: <https://doi.org/10.1111/1758-5899.12388>.
4. Magun V., Rudnev M., Schmidt P. A Typology of European Values and Russians' Basic Human Values. *Sociological Research*. 2017;56(2):149–180.
5. Bednar J., Page S. When Order Affects Performance: Culture, Behavioral Spillovers, and Institutional Path Dependence. *American Political Science Review*. 2018;112(1):82–98. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0003055417000466>
6. Shherbinina N. G. Political and cultural codes and constructive creativity of the modern Russian government. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofija. Sociologija. Politologija*. 2016;3(35):255–263. (In Russ.).
7. Solovov A. I. Institutional Experiments in the Space of Political Culture: The Realities of Russian Transit. *Politicheskaja nauka v sovremennoj Rossii: Vremja poiska i kontury jevoljucii: Ezhegodnik*. 2004;313–337. (In Russ.).
8. Political culture. Political culture: Textbook for academic bachelor's degree. Tulchinsky G. L. et al, eds. Moscow: Izdatelstvo Jurajt; 2015. 164 p. (In Russ.).
9. Political Sociology. Evgeneva T. V., ed. Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija (ROSSPEN); 2013. 519 p. (In Russ.).
10. Malinova O. J. "Political culture" in Russian and Anglo-American scientific discourse. *Politicheskaja Nauka*. 2006;(3):7–30. (In Russ.).
11. Shabrov O. F. Spiritual Foundations of Russian Politics. *Otkrytoe obrazovanie*. 2011;(2):155–158 (In Russ.).
12. Sergeev V. M. Historical origins of Russian political culture. *Polis. Politicheskie issledovanija*. 2012;(4):8–22. (In Russ.).
13. Arutjunjan L. N. Political culture: processes of formation and change (on some hypothetical foundations of one theoretical model). In: *Obrazy vlasti v politicheskoi kul'ture Rossii*. Shestopal E. B., M.: Moskovskij obshhestvennyj nauchnyj fond; 2000:12–27. (In Russ.).
14. Pivovarov J. S. "Russian Idea": Cultural and Civilizational Preconditions. In: *Sintez civilizacii i kul'tury. Mezhdunarodnyj al'manah*. Pivovarov J., Timofeev T., Shmel'nov N., eds. Moscow; 2003:62–103. (In Russ.).
15. Selezneva A. V., Antonov D. E. The value foundations of civic consciousness of Russian youth. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofija. Sociologija. Politologija*. 2020;(58):227–241. (In Russ.).
16. Pivovarov J. S. Russian history as a "Russian idea": Power-centric and ideological foundations (part II). *Rossija i sovremennij mir*. 2003;(3):5–29. (In Russ.).
17. Egorov V. Societal Foundations of Russian Political Modernization. *Nauchno-analiticheskij zhurnal Obozrevatel*. 2014;(7):24–27. (In Russ.).

18. Brodovskaja E. V., Huang T. Digital generation: Civil mobilisation and political protest of Russian youth. *Monitoring obshhestvennogo mnenija: Ekonomicheskie i social'nye peremeny*. 2019;(5):3–18. URL: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.5.01>. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Татьяна Васильевна Евгеньева — кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии и психологии политики факультета политологии, МГУ им. М.В. Ломоносова; профессор Департамента политологии, Финансовый университет, Москва, Россия
etv133@mail.ru

Антонина Владимировна Селезнева — доктор политических наук, доцент кафедры социологии и психологии политики Факультета политологии, МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия
ntonina@mail.ru

Дмитрий Евгеньевич Антонов — научный сотрудник научно-проектного отдела Научно-инновационного управления, Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва, Россия
a.dmitry.msu@gmail.com

ABOUT THE AUTORS

Tatiana V. Evgenyeva — Cand. Sci. (History), Associate Professor, Department of Sociology and Psychology of Politics, Faculty of Political Sciences, Lomonosov Moscow State University; Professor, Department of Political Sciences, Financial University, Moscow, Russia
etv133@mail.ru

Antonina V. Selezneva — Cand. Sci. (Politology), Associate Professor, Department of Sociology and Psychology of Politics, Faculty of Political Sciences, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
ntonina@mail.ru

Dmitry E. Antonov — Researcher, Research and Design Sector of the Department of Scientific and Innovative Management, State Academic University for Humanities (GAUGN), Moscow, Russia
a.dmitry.msu@gmail.com

Заявленный вклад авторов

Т.В. Евгеньева — разработка идеи и концепции статьи, подготовка разделов «Образно-символическое пространство», «Выводы».

А.В. Селезнева — подготовка разделов «Введение», «Теоретические основания исследования», «Характеристика исследования», «Политические представления и ценности».

Д.Е. Антонов — подготовка раздела «Поведенческие ориентации и политическая активность молодежи», подготовка метаданных к статье.

Author's declared contribution

T. V. Evgenyeva — development of the article's idea and concept, preparation of the sections “figurative-symbolic space”, “conclusions”.

A. V. Selezneva — preparation of the sections “Introduction”, “Theoretical Foundations of Research”, “Characteristics of Research”, “Political Views and Values”.

D. E. Antonov — preparation of the section “Behavioral orientations and political activity of youth”, preparation of metadata for the article.

Статья поступила 12.02.2021; принята к публикации 03.03.2021.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article received on 12.02.2021; accepted for publication on 03.03.2021.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-2-72-81
УДК 32(327.8)(024)

О политической природе «рыночного доминирования» в энергетической сфере (кризис 1973 года)

Л.В. Крутаков

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0001-7497-6928>

АННОТАЦИЯ

В статье предпринята попытка проанализировать нефтяной кризис 1973 г. с позиций последующего изменения принципов функционирования мировой финансовой системы. За точку отсчета кризиса автор принимает не «нефтяное эмбарго» арабских стран в ответ на войну Судного дня, а указ Ричарда Никсона 1971 г. об отказе от золотого фиксинга доллара (Nixon Shock). Результатом чего стала трансформация механизмов и принципов действия Бреттон-Вудской системы, которая явилась причиной сегодняшнего кризиса. По мнению автора, трансформации подверглась не только экономика, но и социально-политическая модель стран Запада, а впоследствии (после крушения социалистического лагеря) – всего мира. Актуальность статьи обусловлена принципиальной схожестью параметров и характеристик кризиса 1973 г. с сегодняшним кризисом, что дает основания считать его рецидивом. Автор доказывает, что современный спад глобальной экономики вызван изъянами и издержками социально-экономической модели, которая была сформирована в 1973 г. На повестке стоят те же самые вопросы и проблемы, на которые не был дан ответ 50 лет назад.

Ключевые слова: кризис; рента; мировая экономика; финансовая глобализация; эффекты роста; ОПЕК; МЭА; энергетика; углеводороды; инфраструктура; «вертолетные деньги»; количественное смягчение

Для цитирования: Крутаков Л.В. О политической природе «рыночного доминирования» в энергетической сфере (кризис 1973 года). *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(2):72-81. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-2-72-81

ORIGINAL PAPER

On the Political Nature of “Market Dominance” in the Energy Sector (1973 Crisis)

L.V. Krutakov

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0001-7497-6928>

ABSTRACT

The article attempts to analyze the oil crisis of 1973 from the perspective of changes in the world financial system's functioning. The author takes as the starting point of the crisis not the “oil embargo” of the Arab countries in response to the Yom Kippur War, but Richard Nixon's decree of 1971 on the rejection of the gold fixing the dollar (Nixon Shock). The result was a transformation of the mechanisms and principles of the Bretton Woods system. According to the author, the economy and the socio-political model of the Western countries, subsequently (after the collapse of the socialist camp) of the whole world, underwent a transformation. The article's relevance is due to the fundamental similarity of the parameters and characteristics of the world economy's current crisis with the crisis of 1973, which gives the author reason to consider the current crisis a relapse. The author proves that the current global crisis is caused by the shortcomings and costs of the socio-economic model formed in 1973. On the agenda are the same questions and problems that were not answered 50 years ago.

Keywords: crisis; rent; global economy; financial globalization; growth effects; OPEC; IEA; energy; hydrocarbons; infrastructure; “helicopter money”; quantitative easing

For citation: Krutakov L.V. On the political nature of “market dominance” in the energy sector (1973 crisis). *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(2):72-81. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-2-72-81

ВВЕДЕНИЕ

Цена на нефть в –40 долл./барр. (20 апреля 2020 г.) актуализировала вопрос о природе фондовой модели экономики. Отрицательная цена на базовый («черное золото») товар сломала логику рынка (нижний порог hedge всегда был 0 долл./барр.), опрокинула теорию трудовой стоимости (регрессивная оценка затрат) и денонсировала глобальное соглашение (G7), подведя черту под «эпохой нефtedоллара» (эквивалент мировой стоимости).

Объяснение феномену нашли быстро: пандемия, обвал спроса, затоваривание рынка, последний день перед экспирацией (завершением торгов) майских фьючерсов, невозможность одномоментно (онлайн) снизить добычу. Все причины — фундаментальные (опираются на каноны рынка). Дело, однако, в том, что отрицательная цена в канон не укладывается, объяснения в рамках рыночной модели ни о чем не говорят. Вместо ответа на вопрос о природе феномена нам предлагают повторить старые правила.

Энергорынок — матрица (опытная площадка) мирового рынка, в пределах которого экспертное сообщество ищет причину сбоя матрицы. За рамками анализа остается рынок «бумажной нефти». По данным Intercontinental Exchange (ICE), объем торгов расчетными (без товарного обеспечения) фьючерсами на платформах ICE и NYMEX более чем в 1000 раз превышает объем спотовых продаж физической нефти (2,8 млрд против 2,5 млн барр./сут.)¹.

«Бумажный рынок» устроен на иных (нетоварных) правилах. Дериватив не имеет стоимости (беззатратен), соответственно, «бумажный рынок» безразмерен (не ограничен издержками во времени и пространстве). На Brent базируется более 400 хеджирующих инструментов. Фокус не в качественной разнице двух рынков, а в том, что один диктует условия другому. Цена беззатратного (ограничен фантазиями и мечтами) финансового актива определяет стоимость (инвестиционный предел) добычи реальной бочки нефти.

Конъюнктуру нефтяного (читай — мирового) рынка диктуют не затраты (экономика), а ожидания (политика/маркетинг). План будущего составляют инвестиционные банки (Wall Street), смету определяют путем выхода на IPO (капитализация стратегии роста), а институализируют

проект постоянной перепродажей «паев будущего» (расширение круга ответственных подписантов).

Без выхода за пределы узкоэкономического подхода к мировому рынку (система глобального разделения труда), без учета его политических аспектов (международное сотрудничество) и социальных вызовов, возникающих перед национальными администрациями (ограничение суверенитета), объяснить феномен отрицательных цен невозможно. Следовательно, невозможно понять природу кризиса и его причины. В конечном итоге невозможно скорректировать модель взаимодействия международного хозяйственного взаимодействия и избежать повторения сбоев.

Исследование взаимного влияния нефтяной проблематики и мировой политики требует обращения к теории политологии. Многофакторность выбранной темы диктует необходимость обращения к незавершенным (недогматизированным) концепциям, существующим в виде дискуссионно заостренных предположений и представлений о политических процессах и их связи с мировой экономикой.

Интересен подход Я. Пляйса к федеративному построению государства как способу хозяйственной кооперации экономически нежизнеспособных социально-территориальных образований [1]. Методологически важной представляется работа А. Шатилова о «классическом евразийстве» как геополитической модели интеграции континентального типа [2]. «Медиатизация политики» и ее роль в реализации «обводных газопроводных проектов в Европе» исследованы в монографии С. Белоконева [3]. Тренды назревающего нового «крестового похода» за нефтью и газом отражены в книге К. Симонова «Глобальная энергетическая война» [4]. Особое внимание вызывает работа А. Казанцева «Большая игра» [5] и целая серия работ по политическому подтексту нефтяного рынка одного из наиболее системных исследователей О. Скороходовой, включая ее диссертационную работу [6].

При самом широком спектре работ по теме исследователи абсолютизируют рынок, уделяя недостаточно внимания «правилам игры», соблюдение/изменений которых и есть квинтэссенция системы глобальных хозяйственных связей [7, 8]. Данная статья — попытка сместить анализ в сторону эволюции правил на примере нефтяного кризиса 1973 г. Статья является первой частью цикла, представляя из себя введение в новую методологию. Вторая (заключительная) часть

¹ Global Crude Benchmarks: Brent Sets the Standard. URL: <https://www.theice.com/why-the-world-needs-benchmarks-and-characteristics-of-benchmarks>.

будет посвящена вновь создаваемому глобальному рынку газа по образу и подобию нефтяного, сформированного в ходе кризиса 1973 г.

Основой принцип предлагаемой методологии заключается в оценке товарного рынка нефти с позиции рынка «бумажной нефти» (фондовые операции), который детерминирован поведенчески. То есть это даже не рынок, а механизм социального управления будущим (подчинен не законам, а правилам). Установление правил — политический процесс, а установление правил для глобального рынка — предмет мировой политики [9].

Иными словами, трансформации Бреттон-Вудской системы и финансиализация («обумаживание») глобального рынка говорят о мировой политике гораздо больше, чем прокси-войны, интервенция Югославии или казнь С. Хусейна и М. Каддафи. Методология делает видимыми (наблюдаемыми) принципиально иные мотивационные механизмы и конфликтные зоны (драйверы роста и источники кризиса) мирового хозяйства.

Деконструкция классической модели рынка интересна не только и не столько тем, что деформирует канон (рушит привычный взгляд). Она позволяет проследить потрясаяще увлекательные параллели между кризисами 1973 г., 80-х гг. и сегодняшним днем (унифицирует подход).

ЭМБАРГО В СЧЕТ ЕВРОПЫ

Все исследователи нефтяной отрасли солидарны: современная модель рынка сформировалась в 1973 г., отмеченном войной Судного дня и пятикратным ростом цен. Вывод тоже общий: сменился ценоустанавливающий субъект, «арабская» ОПЕК пришла на место Международного нефтяного картеля (МНК). Закончилась эпоха дешевой нефти. Точкой старта рекомбинации считается эмбарго. Фондовая координата сдвигает точку перелома на два года назад и опрокидывает «общеизвестный» вывод о всевластии ОПЕК.

15 августа 1971 г. (в воскресенье) между 21–22 часами по восточному времени, когда у экранов телевизоров собралось большинство американских зрителей, NBC прервала трансляцию популярного сериала «Bonanza». К нации обратился президент США Ричард Никсон: «Мы должны защитить положение американского доллара как оплота финансовой стабильности по всему миру (...) доллар США больше не должен быть заложником в руках международных спекулянтов...».

США открыто заявили о приоритете своих национальных интересов над «общечеловеческими»

(Make America Great Again) и в одностороннем порядке отказались выполнять взятые на себя обязательства (дефолт), разорвав глобальное соглашение 1944 г. (Бреттон-Вудс). The Wall Street Journal оценила «новую экономическую политику» Р. Никсона (Nixon Shock) следующим образом: «Правительство США готовится к “холодной войне” против “остального свободного мира”».

Сутью Nixon Shock стал отказ от золотого фиксинга доллара (девальвация) и повышение ввозных пошлин на 10%. Целью было заставить «свободный мир» поднять курсы своих валют по отношению к американской. Дефолт подавался не как отказ платить по счетам, а как удар по международным валютным спекулянтам. Пошлины, как выяснилось позже, стали инструментом давления.

18 декабря 1971 г. «свободный мир» сдался. Финансовая G10 (страны — кредиторы МВФ) подписала Смитсоновские соглашения (предтеча «Плазы», 1985 г.), согласившись поднять курс своих валют. США отменили 10%-ную пошлину. Доллар потерял по отношению к золоту 8,57% и 10–12% — к валютам стран «свободного мира» [10]. Представлено все было не как девальвация доллара, а как ревальвация других валют.

Каноническая версия рекомбинации прежней модели нефтяного рынка (как упоминалось выше) состоит в том, что причиной кризиса 1973 г. стало нефтяное эмбарго стран ОПЕК. Однако если за точку отсчета взять отказ США от золотого стандарта и Смитсоновские соглашения, то эмбарго превращается из причины кризиса в его следствие.

Одним из ключевых (но не озвучиваемых) пунктов Nixon Shock был переход США на импортную модель потребления нефти. Строго говоря, переход начался еще в 1945 г., сразу после подписания США и Саудовской Аравией «пакта Куинси». Первые получили монополию на саудовскую нефть, вторые — политическую и военную защиту от любой внешней угрозы. Nixon Shock придал процессу системный характер.

В 1950 г. чистый импорт нефти США составил 0,147 млрд барр. в год, или 7,4% от внутренней добычи. (Сайт Energy Information Administration/EIA приводит данные в Btu. Чтобы не путаться в квадриллионах, я перевел их в привычные баррели). К 1970 г. импорт вырос до 0,481 млрд барр. (13,6% добычи), в 1973-м он составил 1,19 млрд барр. (35,3%), а в 1977-м — 2,4 млрд барр. (80%).

По процентной динамике видно, что рост импорта шел опережающими темпами по отношению к потреблению. Потребление первич-

ной энергии в США с 1970 по 1977 г. выросло на 12,8%, а импорт нефти — на 80% (<https://www.eia.gov/energyexplained/us-energy-facts/imports-and-exports.php>; <https://www.eia.gov/energyexplained/us-energy-facts/>). Менялась модель, а не общий баланс. США долгое время были главным мировым экспортером нефти, после 1971 г. они превратились в главного импортера.

Схожие процессы шли во всем мире. К 1973 г. Япония увеличила импорт нефти более чем в 5 раз, примерно до 290 млн т/год. Импорт стран Западной Европы утроился (750 млн т/год). Объем международных торгов нефтью начиная с 1940-х гг. вырос в 17 раз, до 1,7 млрд т/год [11]. Импорт США на тот момент составлял 327 млн т/год.

Nixon Shock, Смитсоновские соглашения и еще одна (начало 1973 г.) девальвация доллара на 10% (по отношению к золоту — на 11,1%) [12] запустили рекомбинацию модели нефтяного рынка. Долларовые сбережения арабских шейхов и всего «свободного мира» превратились в бесплатный кредит Америке, а двойная девальвация конфиговала более 30% долга в пользу должника.

Экспорт нефти потерял для США смысл. Продажа нефти за золото (его эквивалент) — вполне себе коммерческая сделка, а ее обмен на свои долговые расписки (честное слово) — коммерческий нонсенс. В 1975 г. США законодательно запретят экспорт сырой нефти. Отказ от золотого фиксинга сделал импорт нефти в США (любой импорт) сверхприбыльной операцией (себестоимость производства одной банкноты — 10 центов). Америка постепенно стала превращаться в «мировой супермаркет».

Чтобы понимать механику Nixon Shock, надо учитывать один важный нюанс: на тот момент главным поставщиком нефти на мировой рынок был МНК (семь англосаксонских компаний, «семь сестер»). Всю нефть вне советского блока по концессии добывали Chevron (изначально Standard Oil of California), Exxon (Standard Oil of New Jersey), Mobil (Standard Oil Co. of New York), Texaco и Gulf Oil (обе поглощены Chevron), BP (Anglo-Persian Oil Company) и Royal Dutch/Shell.

В 1973 г. прибыль МНК выросла на 60%, а его оборот к 1977 г. утроился. Доходы госбюджета США были еще выше. На тот момент 70% цены бензина составляли налоги нефтеперерабатывающих стран, а 85% мировой нефтепереработки принадлежала МНК. Доля стран ОПЕК (рента плюс налоги) в цене бензина была 9%, доля МНК — 20% [13]. Пять из семи «сестричек» налоги платили в США.

«Свободный мир» не имел своей добычи, потребление там росло исключительно за счет импорта. К началу войны Судного дня зависимость Европы от нефти из стран ОПЕК (поставщик — МНК) составляла 80%, Японии — 92%, США — 16%². В 1977 г. после рекомбинации модели импорт США составлял уже 80% от собственной добычи. Кризис оплатили Европа и Япония, а США из кризиса извлекли выгоду.

НЕФТЯНОЙ СТАНДАРТ ВМЕСТО ЗОЛОТОГО

На скрижалях исследований кризиса 1973 г. высечено: причина — классическая рыночная дихотомия «спрос-предложение» (потребитель-производитель). В реальности конфликт развивался внутри стран-потребителей. Главным мировым экспортером нефти на тот момент был не ОПЕК и даже не МНК, а пять «сестричек» американского происхождения. Позиции сохранялись и после кризиса.

До 1979 г. всю нефть Ирана добывал консорциум Iranian Oil Participants Ltd. (на 40% принадлежал «американцам», на 40 — «британцам»). 80% саудовской нефти, по соглашению 1976 г. (ранее — 100%), поставляли на рынок американские «сестры». Соглашение касалось выкупа Arabian American Oil Company (Aramco) правительством Саудовской Аравии у американских «сестер». Деньги выплатили в 1980 г., а соглашение подписали в 1990 г. [14]

В 1973 г. добыча Саудовской Аравии и Ирана превышала 50% всей добычи ОПЕК, и составляла большую часть импортируемой в США нефти. Добыча Aramco росла все кризисные годы (1971–1974 гг.), увеличившись в 2 раза (до 8,4 млн барр./сут.), а шах Ирана отказался участвовать в эмбарго (он был обязан США своим возвращением к власти в 1953 г.).

До 1973 г. считалось, что США готовы обеспечить энергетическую безопасность «свободного мира» с помощью расконсервации скважин на своей территории. Эмбарго и последующий кризис иллюзию атлантического единства разрушили. Конфликт США с остальным «свободным миром» локализовался в политическом пространстве (стал наблюдаемым), но сформировался он много ранее.

В 60-е гг. послевоенный расклад сил в «свободном мире» изменился. К 1970 г. доля США в ми-

² ОАПЕС, Secretary General's First Annual Report presented to the 13th Ordinary Meeting of the Council of Ministers. Kuwait; 1974.

ровом производстве упала с 35 до 27%, инфляция (6,2%) и безработица (6,2%) достигли 18-летнего и 8-летнего максимума соответственно. Долларовая масса в мировом обороте выросла до 132 млрд превысив внутренний оборот в 2,5 раза (52 млрд).

Привязка валют стран — участниц Бреттон-Вудса к доллару оправдывала себя, пока долларовая масса соответствовала золотому обеспечению. Нарушение паритета означало масштабный экспорт американской инфляции. Страны «свободного мира», соблюдая договор, обязаны были наращивать свою денежную массу согласно росту объема долларов (фиксированные к доллару валюты).

К 1970 г. авуары нерезидентов достигли 50 млрд долл., а золотые резервы США оценивались в 11 млрд [10]. Министр финансов Франции Валери Жискар Д'Эстен открыто называл систему «чрезмерной привилегией американцев» [15]. Франция стала постепенно заменять в своих резервах доллары на золото, а ФРГ накануне Nixon Shock произвела беспрецедентный обмен объемом в 5 млрд долл. [16].

«Союз угля и стали» уверенно двигался в сторону создания нового мирового центра силы и новой мировой резервной валюты. Осенью 1970 г. вышел доклад Давиньона о внешнеполитическом единстве Европейского экономического сообщества (ЕЭС) и был одобрен проект создания валютного союза (план Вернера) [17]. Голлистская «Европа отечеств» уступала место «европейскому отечеству» (наднациональный статут) [18].

Распад Бреттон-Вудской системы актуализировал проект создания единой Европы. Ситуация требовала от США экстренных мер. Nixon Shock и Смитсоновские соглашения необходимый результат не обеспечили, эффект оказался краткосрочным. 11 января 1973 г. весь «свободный мир» погрузился в глубокий двухгодичный кризис, сопоставимый по масштабу с Великой депрессией и кризисом 2008 г.

Dow Jones рухнул на 45%, сократившаяся после Nixon Shock инфляция подскочила с 3,4 до 12,3%, экономика США вошла в рецессию (-2,1% ВВП). Фондовые индексы стран будущей G7 достигли дна, потеряв в реальном выражении 43% стоимости. Рынок ФРГ вернется на докризисный уровень только в июне 1985 г., Великобритании — в мае 1987 г., а США — в августе 1993 г.

Вздувшийся «долговой пузырь» требовал активов, или костра аутодафе для «лишних» денег в центре Таймс-сквер (дефолт). Арабское эмбарго

оказалось весьма кстати. Пятикратный рост цен на нефть направил решение задачи по первому пути. Самый емкий товар мирового рынка помог избежать коллапса экономики всего «свободного мира», золотое содержание доллара заменили на нефтяное.

По данным Всемирного банка, в предкризисный 1972 г. мировой экспорт товаров и услуг достиг 510 млрд долл. Мировая добыча нефти составила 20 млрд барр. (36,6 млрд долл. при среднегодовой цене в 1,82 долл./барр.). В 1974 г. тот же объем нефти (реально добыча выросла) стоил уже 220 млрд долл., а мировой рынок вырос до 969 млрд долл. Доля сырой нефти в мировой торговле поднялась с 7,1 до 22,7%. Это без учета того, что цена нефти заложена во всех товарах и услугах, ее рост влечет за собой рост цен по всей цепочке мирового производства.

Эксперты нефтяного рынка расходятся в оценках причин кризиса, но приходят к общему выводу: кризис связал нефтяное ценообразование с международной политикой. В 1973 г. были разбалансированы все цепочки мировой стоимости, нефть стала причиной и источником глобального платежного дефицита (инфляция). Нефтедоллар (цена нефти) обрел статус каркаса (финансовая обвязка) мировой экономики, вызвав к жизни новое глобальное соглашение, известное сегодня как G7.

Исторически такие рекомбинации происходили только по итогам мировых войн и крушения мировых империй. Война Судного дня была локальной, одной из (пятой по счету) арабо-израильских войн, ни одна из которых ранее не приводила к таким потрясениям. Значит, у глобального политического и экономического перестроения мира была другая причина или другая война — скрытая, или гибридная, как принято сейчас говорить.

ОТ КАРТЕЛЯ ПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ — К КАРТЕЛЮ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ

Процесс финансового и политического становления ЕЭС имел свое нефтяное содержание. Французская Total и итальянская ENI вели активное наступление на позиции МНК, преимущественно в Африке (Алжир, Нигерия, Египет, Ливия). ENI была особенно агрессивна, предлагая местным правительствам за концессию 75% прибыли от продажи сырой нефти («сестры» — 50%). В переработку собственников ресурсов никто не пускал.

Настоящим прорывом стал итальянский контракт с СССР «нефть в обмен на трубы» (1958 г.)

и немецкий — «газ в обмен на трубы» (1970 г.). Появление такого (политически сильного) игрока на мировом энергетическом рынке ломало модель, создавало угрозу энергетическому господству американцев. США пытались заблокировать оба контракта санкциями и открытым политическим давлением, но безуспешно.

Выход СССР на главный в мире рынок, с одной стороны, стал драйвером обострения борьбы нефтеносных стран за повышение доли прибыли, что в итоге привело к национализации промыслов. С другой — усилил противоречия внутри «свободного мира», результатом чего стала политика разрядки. В 1973 г. оба этих направления обретут реальную силу. Эмбарго как катализатор запустило переформатирование всей системы международных отношений.

Когда Р. Никсон без предварительных консультаций с союзниками по НАТО объявил повышенную боевую готовность американских войск, размещенных в Европе, это вызвало там панику. Аналогично США действовали в момент Карибского кризиса (11 сентября 2001 г. будет много позже). Стало понятно: война Судного дня носит не локальный характер, задеты экзистенциальные интересы США.

Европа отказалась поддержать Израиль, выступив за урегулирование конфликта в рамках резолюции ООН № 181 1947 г. (раздел Палестины). Госсекретарь США Генри Киссинджер не скрывал раздражения: «Европейцы ведут себя как шакалы... Они всячески подстрекают арабов... Когда это все закончится (...), мы в первую очередь должны оценить состояние отношений с нашими европейскими союзниками... чего стоят все эти утверждения об общности интересов в сфере безопасности и во всех других вопросах»³.

Отмена золотого фиксинга, две девальвации, война Судного дня, эмбарго, экономический кризис... Этот событийный ряд оказался не этапами противостояния «свободного мира» и арабских тираний, а проверкой на прочность «атлантических уз» (напрашиваются параллели с сегодняшним днем).

К 1973 г. ЕЭС самостоятельно (без США) сформировала концепцию энергетической безопасности. США при возникновении чрезвычайных ситуаций предлагали использовать в общих интересах свою импортную квоту, но не внутреннюю (самую

большую в мире) добычу. Япония считала, что перераспределять надо весь объем нефти (равные условия), а Франция — в пользу «жизненно важных отраслей производства». Для США оба варианта означали отказ от национальных приоритетов (огромный парк личных автомобилей)⁴.

7 сентября 1973 г. Америка представила свое видение энергобезопасности в виде доклада о необходимости координации усилий развитых стран, поддержки корпораций («семь сестер») и построения «особых отношений» с Саудовской Аравией по самому широкому кругу вопросов⁵. ЕЭС свою концепцию («Необходимость прогресса в энергетической политике Сообщества») опубликовало годом ранее, а в августе 1973 г. вышел доклад «Основные направления энергетической политики Сообщества»⁶.

И в американской, и в европейской версии речь шла не о законах рынка и свободе предпринимательства, а о сговоре (картель) покупателей. Программы совпадали по пунктам: создание стратегического резерва, общий мониторинг нефтяных цен, единый реестр импорта/экспорта углеводородов и синхронное снижение энергопотребления. Различие было только одно, но кардинальное.

Европа настаивала на участии в выработке общей энергетической формулы стран-экспортеров по принципу «нефть в обмен на технологии». Принцип ляжет в основу модели «устойчивого развития» (неомальтузианство). На нем построят политику разрядки (модернизация СССР за счет направления львиной доли внутренних инвестиций в экспортную отрасль). Этот принцип похоронит советскую экономику после падения цен на нефть в середине 80-х гг. Этот принцип заложат в фундамент новой России.

Арабские страны выведут за пределы «формулы». Отношение к ближневосточным монархиям тогда выразил глава Комитета по управлению Конгрессом (управделами) Уэйн Леввер Хейс: «Арабские лидеры не так уж умны... их интересуют только три вещи: кадиллаки с кондиционерами, дворцы с кондиционерами и гаремы с кондици-

⁴ Foreign Relations of the United States (FRUS) 1969–1976, vol. XXXVI.

⁵ Declassified Documents Reference System (DDRF), US Department of the Interior, Office of Oil and Gas, 1973, September 7, Declassified 5/07/05.

⁶ Implementation of the Guidelines and Priority Actions for Community Energy Policy, Information Memo P-42/73, August 1973.

³ DDRS, Secretary's Staff Meeting, 1973, October 23, Secret, Declassified 3/3/98.

онерами. Знаете ли, благосостояние большинства населения земного шара должно стоять выше этих приоритетов»⁷.

Идея «картеля потребителей» впервые прозвучала 12 декабря 1973 г. в Лондоне во время речи Г. Киссинджера перед Обществом пилигримов (основано 16 июля 1902 г. как инструмент непубличной координации действий США и Англии). А 14–15 декабря в Копенгагене на энергетическом саммите глав стран ЕЭС была отмечена первоочередность сотрудничества со странами-экспортерами. Взаимодействие со странами — потребителями нефти в рамках ОЭСР (т.е. с США) было сформулировано как второстепенная задача. В Копенгаген были приглашены главы МИД Алжира, Туниса, Судана и ОАЭ.

В США саммит расценили как ответ на «пилигримское предложение» Киссинджера, а его тон — как желание дистанцироваться от США⁸. Для дистанцирования у Европы были все основания. В момент эмбарго Америка повела себя в полном соответствии с принципами протекционизма, а «семь сестер» выступили буфером между потребителями и ОПЕК, перераспределив тяжесть эмбарго с США на весь «свободный мир»⁹.

Столкновение позиций произошло на Вашингтонской конференции (11–13 февраля 1974 г.). Во вступительной речи Г. Киссинджер заявил, что миссия США — спасти мир от повторения катастрофы 1930-х гг. Ради этой миссии, со слов главы МИД Франции Мишеля Жобера¹⁰, США угрожали Бонну выводом войск, а Лондону — отказом поддерживать фунт стерлингов. США восстанавливали свое доминирование, раскалывая ЕЭС¹¹.

В мае 1974 г. VI Специальная сессия Генассамблеи ООН примет Резолюцию о создании нового мирового экономического порядка (НМЭП). Объясняя происходящее, Г. Киссинджер скажет главе МИД Франции Жану Сованьяргу: «Вы могли бы подумать, что хитроумный план США заключается в том, чтобы подчинить себе энергетическую политику Европы, но это не в наших интересах». Цель США в том, чтобы не допустить повторения эмбарго¹².

В ноябре 1975 г. будет создано Международное агентство по энергетике (МАЭ). А в феврале МАЭ

примет программу: сокращение импорта на 10%, расширение добычи вне ОПЕК и развитие альтернативной энергетики. Договорились с помощью тарифов держать высокие цены на нефтепродукты внутри «свободного мира», ограничивая рост цен на сырье вне его. Смысл этой меры был в том, чтобы более дешевая добыча ОПЕК не похорила альтернативную энергетику и рост добычи вне ОПЕК.

(Найдите 5 отличий с сегодняшним днем, начиная с антикарбонного налога, «зеленой» энергетики и заботы США об энергобезопасности ЕС).

РЫНОК НА ЧЕСТНОМ СЛОВЕ

Отмена золотого фиксинга доллара и переход к системе «плавающих» валютных курсов в 1973 г. предоставили в руки США уникальный (исторически беспрецедентный) механизм волюнтаристского управления мировой стоимостью — ничем неограниченный (беспроцентный и бессрочный) кредит, позволяющий манипулировать потоками мировых инвестиций (формировать будущее).

Эксперты нефтяного рынка солидарны: эмбарго связало ценообразование нефти с международной политикой. Один из лучших отечественных исследователей политической подоплеки кризиса 1973 г. Ольга Скороходова уверена, что деформации подвергся не рынок нефти сам по себе, а изменилась социально-экономическая модель стран Запада. Был пересмотрен весь комплекс международно-политических отношений [19].

Парадоксально, что, осознав политическую природу нефтяного кризиса, эксперты остаются в пределах товарного понимания природы нефтяного рынка. Объяснить парадокс можно только глубоко укорененной в общественном сознании догмой об объективности экономики как научной дисциплины (торжество инстинкта над культурой). При этом политическую природу (субъектность) экономики как системы контрактных отношений никто не отрицает.

Дело не в терминологической путанице (наука/контрактное право). Дело в том, что для стран-импортеров нефть — не предмет торга (спрос/предложение), а вопрос выживания (безопасность). Спрос на нефть неэластичен (не зависит от цен), отрасль модерируется предложением. Затраты (стоимость) не определяют точку отсчета не только «бумажного рынка», но и рынка товарной нефти. На рынке «бумаг» репером является доступ к деньгам (кредит), на рынке товарной нефти — к сырью (контроль над добычей и транспортировкой).

⁷ Congressional Record, 1973, vol. 119, Nov. 27, No. 182, H101.

⁸ FRUS 1969–1976, vol. XXXVI, p. 763.

⁹ Multinational Oil Corporations and US Foreign Policy, Report..., p. 147.

¹⁰ Le Monde, 23.II.1974.

¹¹ FRUS 1969–1976, vol. XXXVI, p. 893.

¹² Ibid.

Нефтяная отрасль всегда регулировалась глобальным соглашением. Если квоту нарушал хоть один игрок, в разнос шла вся система. «Неформальные и нерегулируемые рынки в нефтяной промышленности никогда не были транспарентными, и анекдотически сократились в размерах с течением времени. Особенно после Великой рецессии 2008–2009 гг., которая ограничила их деятельность и направила неформальное управление рисками на регулируемые биржи»¹⁵.

В истории нефти был этап свободного ценообразования, но очень короткий: с 1871 по 1895 г. Он изобиловал большим числом скачков цен с такой амплитудой, которые ни разу не повторились за всю последующую историю. Начиная с 1895 г. Standard Oil стала каждое утро вывешивать цену нефти на дверях своего офиса. Потом были «семь сестер». А потом, как ошибочно считают, — ОПЕК, приписывая ей роль ценоустанавливающего субъекта (контроль над добычей и транспортировкой).

ОПЕК никогда не была картелем производителей, а МЭА не стало «картелем потребителей». Публичные организации действуют в рамках международных норм и для сговора не подходят. «Картель потребителей», созданием которого занимался Г. Киссинджер, появится позже. Новый (совещательный) статус Европы и Японии на нефтяном рынке и в международной политике будет оформлен в Рамбуйе на первом заседании неформального клуба лидеров «свободного мира» (G7) в ноябре 1975 г.

В 1975 г. будет заключено еще одно (ключевое для рекомбинации) соглашение. Г. Киссинджер и саудовский принц Фахд ибн Абдель Азиз договорятся о создании комиссии по экономическому сотрудничеству и вопросам безопасности. Одним из «закрытых» пунктов договора станет обязательство Эр-Рияда вкладывать половину своих доходов в ценные бумаги США и закупать в США оружие в обмен на военную помощь «против любой угрозы» (новая редакция «пакта Куинси») [20].

Переход от картельного к «бумажному» ценообразованию (рекомбинация) носил многоуровневый характер. Задачи: размыть долю ОПЕК в добыче; заменить долгосрочный контракт (фиксированная цена) на спот; внедрить между производителем и покупателем посредника (институт трейдеров); создать систему страхования

(hedging) колоссальных рисков, возникающих при переводе топлива мировой экономики на спот (безразмерный финансовый рынок).

Задачи были решены к 1986 г., который связывают с еще одним системным кризисом в нефтяной отрасли, переросшим в экономический кризис. Спот по отношению к контрактным поставкам достиг 55%, объем реализуемой трейдерами нефти стран ОПЕК превысил 50%, доля ОПЕК в мировой добыче упала с 52% (1973 г.) до 28%¹⁴. Размыта доля была Аляской, Мексиканским заливом, Северным морем и разрядкой. Объем экспорта нефти из СССР вырос с 67 до 127,3 млн т (1970–1989 гг.)¹⁵.

В 1986 г. официальные цены ОПЕК перешли в разряд справочных, на нефтяном рынке воцарился фьючерс.

Без Nixon Shock рекомбинация была бы бессмысленной и бессистемной (отсутствие цели и бенефициара). Если бы золотой фиксинг сохранили, то вместо мировой инфляции мы сегодня видели бы запредельные цены на нефть. Не было бы сумасшедшего скачка потребления, не было бы огромного мирового долга, не было бы американского глобального доминирования. В общем, это был бы совсем другой мир...

Выводы

Феномен отрицательных цен показал: природа современного рынка качественно иная, отличная от канонической. Классический рынок оперирует сбережениями (результат, итог), фондовый — будущим доходом (план, прогноз). Распределяется и фиксируется «будущее» через перманентный торг долговыми билетами: векселя, акции, титулы, после 1971 г. — доллары.

Тот факт, что новая природа рынка была показана нам на примере торгов нефтью, носит закономерный характер. Нефть — базисный ресурс мировой экономики: первый глобальный товар, первый товарный кредит, первая «золотая акция», первый картель как система управления мировой стоимостью.

Официально переход к «бумажной» модели оформили в 1971 г. через масштабный мировой кризис. В 1986 г. цены на нефть напрямую привязали к цене фьючерса (первой это сделала Pemex), что привело к очередному кризису (падение цен с 31,75 до 10 долл./барр.). С этого момента драй-

¹⁵ Global Crude Benchmarks: Brent Sets the Standard. URL: <https://www.theice.com/why-the-world-needs-benchmarks-and-characteristics-of-benchmarks>.

¹⁴ BP Statistical Review of World Energy; 2019.

¹⁵ Острые грани «черного золота». История «нефтяной иглы» в Советском Союзе. URL: <https://rg.ru/2016/04/25/rodina-neft.html>.

вером мирового энергорынка стало выступать предложение денег (не нефти). Условия глобальной сделки (срок, цена) стал определять не картель производителей или «картель покупателей», а финансовый посредник.

Мотивация посредника прямо противоположна интересам участников сделки. Доход (процент) кредитору приносит не завершение сделки, а ее обслуживание. Растянуть срок исполнения сделки до бесконечности невозможно, зато можно безостановочно (бесконечно) торговать сделкой. Именно так (24 часа в сутки, 7 дней в неделю) организована торговля «бумажной нефтью».

Рынок «бумажной нефти» начал расти (скачок рисков) по экспоненте 11 сентября 2001 г., уровень внутренних дисбалансов модели дошел до пороговых значений. До 2008 г. в равновесии

систему поддерживал рост военных расходов и мобилизационных программ (бюджет форс-мажора). После — программы количественного смягчения (эмиссия).

В 2014 г. внутренняя добыча в США вернулась на уровень 1971 г. и перевалила за него. Модель закольцевалась (змея укусила себя за хвост), цены на нефть рухнули. Систему сначала подвергли интенсивной финансовой химиотерапии, а потом погрузили в искусственную кому. Кризис продолжается.

Рост мировой экономики как единого целого заблокирован политическими противоречиями субъектов этой экономики (государства). Перезапуск модели без нового глобального соглашения невозможен. Вашингтонский консенсус мертв. Идет поиск нового глобального эквивалента.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Пляйс Я.: Диалектика распада СССР и уроки для России. *Обозреватель-Observer*. 1997;(12):24–28.
2. Шатилов А. Геополитическая модель классического евразийства и ее современные мифологические интерпретации. Сб.: Современная политическая мифология: содержание и механизмы функционирования. М.: Издательство РГГУ; 1996.
3. Белоконов С., ред. Технологии и компетенции PR & GR в условиях цифровой экономики. Монография. М.: КноРус; 2018.
4. Симонов К. Глобальная энергетическая война (Тайны современной политики). М.: Алгоритм; 2007.
5. Казанцев А. «Большая игра» с неизвестными правилами: мировая политика и Центральная Азия. М.: МГИМО-Университет; 2008.
6. Скороходова О. Роль нефтяного фактора в международных отношениях (1973–1986 гг.). Дисс. ... канд. ист. наук. М.: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; 2015.
7. Крутаков Л., Макушкин А. Изменения приняты. *Коммерсантъ Власть*. 2015;(5):8–14.
8. Крутаков Л., Макушкин А. Бизнес с размахом. *Коммерсантъ Власть*. 2016;(9):8–13.
9. Сергеев В.: Народовластие на службе элит. М: Издательство МГИМО; 2013.
10. Красавина Л.Н., ред. Международные валютно-кредитные и финансовые отношения. Учебник для академического бакалавриата. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт; 2018.
11. Сулейменова А., Панзабекова А. Развитие мирового рынка нефти и предпосылки его трансформации. *Экономика: стратегия и практика*. 2020;2(15):43–54.
12. Белоусова К. «Нефтяное оружие» в третьей и четвертой арабо-израильских войнах. *Мировая экономика и международные отношения*. 2010;(2):47–56.
13. Ергин Д. Добыча: Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть. Пер. с англ. М.: Альпина Паблшер; 2017.
14. Крутаков Л. Игра в нефть. *Коммерсантъ Власть*. 2015;(5):8–13.
15. Эйхенгрин Б. Непомерная привилегия: Взлет и падение доллара = Exorbitant Privilege: The Rise and Fall of the Dollar and the Future of the International monetary system. М.: Издательство Института Гайдара; 2013.
16. Frum D. How We Got Here: The 70's, the Decade that Brought You Modern Life (for Better or Worse). Basic Books; 2000.
17. Маныкин. А. Модели региональной интеграции: прошлое и настоящее. М.: Олби Принт; 2010.
18. Барановский В. Европейское сообщество в системе международных отношений. М.: Наука; 1986.
19. Скороходова О. Роль нефтяного фактора в международных отношениях (1973–1986 гг.). URL: <http://www.hist.msu.ru/Science/Disser/Skorokhodova.pdf>.
20. Белоусова К. Нефтяное оружие в третьей и четвертой арабо-израильских войнах. *Мировая экономика и международные отношения*. 2010;(2):47–56.

REFERENCES

1. Plays Ya. Dialectics of the collapse of the USSR and lessons for Russia. *Обозреватель*. 1997;(12):24–28. (In Russ.).
2. Shatilov A. Geopolitical model of classical Eurasianism and its modern mythological interpretations. In: *Modern political mythology: content and mechanisms of functioning*. Moscow: Publishing House of the Russian State University for the Humanities; 1996. (In Russ.).
3. Belokonev S.M., ed. *Technologies and competences of PR & GR in the digital economy*. Monograph. Moscow: KnoRus Company; 2018. (In Russ.).
4. Simonov K. *Global Energy War (Secrets of Contemporary Politics)*. Moscow: Algorithm; 2007. (In Russ.).
5. Kazantsev A. “The Big Game” with unknown rules: World Politics and Central Asia. Moscow: MGIMO-University; 2008. (In Russ.).
6. Skorokhodova O. The role of the oil factor in international relations (1973–1986). Abstract of Diss. ... Candidate of History sciences. Moscow: Lomonosov Moscow State University; 2015. (In Russ.).
7. Krutakov L., Makushkin A. Changes are accepted. *Kommersant. Vlast*. 2015;(5):8–14. (In Russ.).
8. Krutakov L., Makushkin A. Business on a grand scale. *Kommersant. Vlast*. 2016;(9):8–13. (In Russ.).
9. Sergeev V. *Democracy in the service of the elites*. Moscow: MGIMO Publishing House; 2013. (In Russ.).
10. Krasavina L.N., ed. *International monetary, credit and financial relations (textbook for academic bachelor’s degree)*. 5th ed. Moscow: Yurayt Publishing House; 2018. (In Russ.).
11. Suleimenova A., Panzabekova A. Development of the world oil market and the prerequisites for its transformation. *Ekonomika: strategiya i praktika*. 2020;2(15):43–54. (In Russ.).
12. Belousova K. “Oil weapons” in the third and fourth Arab-Israeli wars. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya = World economy and international relations*. 2010;(2):47–56. (In Russ.).
13. Yergin D. *Production: The World History of the Struggle for Oil, Money, and Power*. Trans. from English. Moscow: Alpina Publisher; 2017. (In Russ.).
14. Krutakov L. The game of oil. *Kommersant. Vlast*. 2015;(5):8–13. (In Russ.).
15. Eichengreen B. *Exorbitant Privilege: The Rise and Fall of the Dollar and the Future of the International monetary system*. Moscow: Gaidar Institute Publishing House; 2013. (In Russ.).
16. Frum D. *How We Got Here: The 70’s, the Decade that Brought You Modern Life (for Better or Worse)*. Basic Books; 2000.
17. Manykin. A. *Models of regional integration: past and present*. Moscow: Olby Print; 2010. (In Russ.).
18. Baranovsky V. *European community in the system of international relations*. Moscow: Nauka; 1986. (In Russ.).
19. Skorokhodova O. The role of the oil factor in international relations (1973–1986). URL: <http://www.hist.msu.ru/Science/Disser/Skorokhodova.pdf>. (In Russ.).
20. Belousova K. “Oil weapons” in the third and fourth Arab-Israeli wars. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya = World economy and international relations*. 2010;(2):47–56. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Леонид Викторович Крутаков — доцент Департамента массовых коммуникаций и рекламы, Финансовый университет, Москва, Россия
lvkrutakov@fa.ru

ABOUT THE AUTHOR

Leonid V. Krutakov — Associate Professor Department of Mass Communications and Advertising, Financial University, Moscow, Russia
lvkrutakov@fa.ru

Статья поступила 05.02.2021; принята к публикации 27.02.2021.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article received on 05.02.2021; accepted for publication on 27.02.2021.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-2-82-86
УДК 325(045)

О реализации политики и мерах в сфере экономической интеграции и предпринимательства в рамках Евразийского экономического союза

А.Б. Кишкембаев

Евразийская экономическая комиссия, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-1500-9898>

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается ситуация в сфере экономической интеграции и предпринимательства в рамках Евразийского экономического союза, связанная с пандемией коронавирусной инфекции, предлагаются возможные меры, направленные в целом на трансформацию экономики, а также на постепенный выход из кризиса. Вследствие реализации большинством стран мира мер, направленных на ограничение распространения вирусной инфекции COVID-19, обвального падения цен на финансовых рынках (и на сырьевые товары в том числе) произошло существенное ухудшение внешней конъюнктуры для ЕАЭС. Ситуацию 2020 г. можно назвать глобальной рецессией, сравнимой с финансовым кризисом 2008–2009 гг. (в оптимистическом варианте) и Великой депрессией 1930-х гг. (в негативном сценарии). В 2020 г. наблюдалось сжатие мировой торговли на десятки процентов, резкое падение экономической активности в ЕС, замедление роста в КНР.

Ключевые слова: экономическая интеграция; предпринимательство; Евразийский экономический союз; финансовый и сырьевые рынки; кризис; внешняя торговля

Для цитирования: Кишкембаев А.Б. О реализации политики и мерах в сфере экономической интеграции и предпринимательства в рамках Евразийского экономического союза. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(2):82-86. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-2-82-86

ORIGINAL PAPER

On the Implementation of Policies and Measures in the Field of Economic Integration and Entrepreneurship within the Framework of the Eurasian Economic Union

A.B. Kishkembayev

Eurasian Economic Commission, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-1500-9898>

ABSTRACT

The article examines the situation in the sphere of economic integration and entrepreneurship within the Eurasian Economic Union, related to the pandemic of coronavirus infection, proposed possible measures aimed at transforming the economy as a whole well as a gradual way out of the crisis. As a result of the implementation by most countries of the world of measures to limit the spread of COVID-19 virus infection, there was a drop in financial markets and commodities prices. It also caused a significant deterioration in the external situation for the EAEU. Forecasts of the situation indicate the beginning of the global recession, comparable in magnitude to the financial and economic crisis of 2008–2009 (in an optimistic version) or the Great Depression of the 1930s (in a pessimistic scenario). In 2020, world trade was expected to contract by tens of per cent, a sharp drop in economic activity in the EU, a slowdown in China, which accounts for the bulk of foreign trade of the EAEU countries.

Keywords: economic integration; enterprise; Eurasian Economic Union; financial and commodity markets; crisis; international trade

For citation: Kishkembayev A.B. On the implementation of policies and measures in the field of economic integration and entrepreneurship within the framework of the Eurasian Economic Union. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanity and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(2):82-86. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-2-82-86

В связи с нестабильностью мировых рынков финансов и сырья в феврале-марте 2020 г. наблюдалось снижение обменного курса российского рубля на 24,4%, которое привело к обесценению валют государств — членов ЕАЭС, а как следствие, к стремительному изменению конкурентоспособности продукции стран интегративного объединения.

Известно, что кризисы — это всегда также время возможностей, и нынешние глобальные технологические цепочки подвергаются изменению под влиянием нынешнего экономического спада и формирующейся новой социальной реальности.

Следует отметить, что мы в настоящее время переживаем или находимся в новой социально-экономической парадигме или, иначе говоря, в иной социально-экономической трансформации. На наш взгляд, можно попытаться спрогнозировать три сценария того, как мы будем жить дальше и выходить из этого сложного периода:

1. Утопический сценарий сводится к тому, что мы вернемся к обычной жизни, какая была и до пандемии, — на наш взгляд, этот сценарий маловероятен. Мир изменился и уже не будет точно таким, каким мы его знали ранее.

2. Пессимистический сценарий: страны будут больше опираться на собственные силы и ресурсы, стремиться к защите своих национальных рынков, совершать действия, направленные на поддержание своих экономик и производителей, в том числе и неконкурентными мерами защиты. Этот сценарий можно назвать «вперед в прошлое». Но одними протекционистскими мерами и «вертолетным разбрасыванием денег» здесь не обойтись, возврата в старую реальность быть не должно.

3. Оптимистический сценарий, при котором из кризиса мы будем выходить все вместе путем наращивания взаимного сотрудничества в различных форматах, как в ЕАЭС, так и на внешнем контуре.

Сегодня во многом мир стал другим, и редкий высокотехнологический продукт производится целиком в одной стране. В условиях, когда страны встроены в систему мировой специализации труда, кооперационных связей и цепочек добавленной стоимости, необходимо вести речь о развитии новой формации экономики. Осуществить подобное для стран поодиночке будет крайне сложно, что создает предпосылки для интеграции.

Кризисы прошлых лет дают основания полагать, что так и будет, и пути преодоления этого кризиса лежат именно в этой плоскости.

В нынешних условиях доверие людей к государственным органам, правительствам, международным структурам в какой-то мере падает, но в то же время люди осознают, что необходимо наращивать темпы экономического сотрудничества, кооперацию и восстанавливать прежние объемы торговли. Нет единой модели, сотрудничество должно быть более инклюзивным в различных сферах экономики.

Что касается интеграционной структуры ЕАЭС, то здесь представляется необходимым и еще более актуальным использовать потенциал нашего экономического объединения: не упустить то, что уже достигнуто и идти дальше как можно быстрее.

Конечно, необходимы своего рода точки роста и ориентиры: как и куда нам двигаться, чтобы быть конкурентоспособными в этом стремительно меняющемся мире.

Стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 года включают меры и механизмы повышения конкурентоспособности рынков товаров интегративного объединения, повышения эффективности таможенного регулирования, гарантированности безопасности и качества товаров и защиты прав потребителей. Стратегия предусматривает создание гибких механизмов целевого содействия развитию экономики стран ЕАЭС, развитие экспортоориентированных и высокопроизводительных экономических секторов, построение эффективной системы управления и финансирования совместных кооперационных проектов.

Предлагается активизировать проведение актуальных научно-исследовательских работ, создать институциональную систему Союза, гарантирующую выполнение достигнутых договоренностей, развить экономическое сотрудничество в сферах здравоохранения, образования, туризма и спорта.

В государствах — членах Союза правительства и национальные банки расширяют объемы и инструменты предоставления поддержки экономики. Меры по стимулированию внутреннего спроса, в том числе инвестиционной активности, реализуются посредством смягчения кредитных условий, увеличения бюджетных расходов, предоставления налоговых льгот.

Для обеспечения эффективного функционирования ЕАЭС в сложившихся условиях пред-

приняты согласованные меры по преодолению ключевых рисков для макроэкономической стабильности, взаимной торговли, кооперационных связей, включающие в себя: обеспечение стабилизации взаимных обменных курсов национальных валют, снижение издержек взаимной торговли, сокращение времени прохождения таможенных процедур, облегчение ввоза необходимых для борьбы с пандемией и обеспечения жизненно важных потребностей населения товаров, недопущение разрушения единого экономического пространства.

Евразийской экономической комиссией разработаны срочные временные антикризисные и стабилизационные меры в целях восстановления и обеспечения последующего роста экономики.

К срочным мерам относятся:

- совместные действия уполномоченных органов и организаций, предприятий, индивидуальных предпринимателей государств — членов интегративного объединения для оперативности поставок товаров первой необходимости при сбалансированности производства и потребления;

- введение преференций в отношении импорта критически важных товаров. Например, упрощение процедуры таможенного оформления и временное обнуление ставок ввозных таможенных пошлин в отношении критически важных товаров; приоритетный порядок осуществления таможенных операций в отношении товаров, важных для профилактики и устранения последствий пандемии особо опасных инфекций;

- организация межгосударственного (государств — членов Союза) консультирования в области технического регулирования и подготовка разъяснений, актов уполномоченных органов ЕАЭС по вопросам гармонизации требований технических регламентов товаров, необходимых для предупреждения и минимизации последствий от распространения особо опасных инфекций;

- временное снижение или обнуление ввозных таможенных пошлин на комплектующие и материалы в отношении экономически и социально важных отраслей;

- бесперебойность работы транспорта и грузоперевозок на территории интегративного объединения, а также транзита с учетом санитарно-эпидемиологического законодательства государств — членов ЕАЭС;

- мероприятия по созданию и организации массового производства противовирусных препаратов и вакцин на территории ЕАЭС;

- наращивание объемов кредитов для экспорта товаров и гарантий по страхованию экспортных кредитов.

К мерам по обеспечению восстановления и экономического развития можно отнести:

- цифровизацию торговли и логистики, переход на электронную форму товарно-сопроводительных документов;

- внедрение автоматизированного подтверждения нулевой ставки НДС во взаимной торговле на пространстве ЕАЭС;

- расширение оснований для применения цифровой электронной подписи;

- организацию системы консультирования между национальными банками по вопросам: достижения устойчивости макроэкономики, финансовой стабильности; эффективности деятельности финансового сектора, уменьшения операционных рисков; обеспечения информационной безопасности в условиях дистанционной работы сотрудников или части сотрудников; развития потенциала финансового сектора для предоставления экономике ресурсов и создания благоприятных условий для кредитования предприятий реального сектора; применения гибких механизмов регулирования для повышения комфортности адаптации финансового сектора в текущих условиях; снижения административных барьеров для непрерывного функционирования платежных систем; расширения сфер использования безналичной оплаты товаров и услуг, способов быстрых платежей, дистанционного предоставления банковских услуг.

Кроме того, указанные меры включают кредитное содействие Евразийского фонда стабилизации и развития (далее — ЕФСР) государствам — членам Союза для стабилизации макроэкономики. Евразийскому банку развития (далее — ЕАБР) рекомендовано разработать и реализовать с государствами — членами Союза проекты по противодействию распространению коронавирусной инфекции.

В свою очередь, Совет ЕЭК легитимировал номенклатуру товаров критического импорта, которым была предоставлена на срок с 1 апреля по 30 июня 2020 г. тарифная преференция в форме освобождения от ввозных таможенных пошлин при импортировании в государства — члены

ЕАЭС включительно (в том числе на определенные виды сельскохозяйственных и продовольственных товаров, готовых лекарственных средств и товаров медицинского назначения).

Была расширена номенклатура товаров, применяемых для производства лекарственных средств и товаров медицинского назначения, которые с 16.03.2020 по 30.09.2020 г. ввозились беспошлинно при подтверждении их целевого назначения уполномоченными органами¹.

Разрешено было с 18.01.2020 по 30.09.2020 г. при таможенном декларировании использовать бумажную или электронную копию сертификатов. Решением Коллегии ЕЭК от 12.01.2020 до 30.06.2020 г. был введен запрет на вывоз из государств ЕАЭС определенных видов продовольственных товаров, средств индивидуальной защиты, дезинфицирующих средств, продукции медицинского назначения, что способствовало обеспечению населения необходимым количеством данных товаров в период осложнения санитарно-эпидемиологической обстановки.

Также решением Совета ЕЭК² было введено освобождение от ввозной таможенной пошлины импортируемых для предупреждения и предотвращения распространения коронавирусной инфекции на территории Союза товаров.

В сфере миграции мониторинг ситуации показывает, что у значительной части трудовых мигрантов возникли проблемы со средствами к существованию, жильем, доступом к медицинской помощи и возвращением к себе на родину.

Комиссией совместно с государствами — членами Союза были подготовлены меры и механизмы по расширению взаимодействия в сфере здравоохранения и предотвращения распространения инфекционных заболеваний.

На рабочей встрече членов Высшего Евразийского экономического совета 14.01.2020 г. был рассмотрен вопрос об активизации деятельности

ЕАБР и ЕФСР по разработке и реализации антикризисных и стабилизационных мер, которые важны для обеспечения стабильности экономики и финансовой поддержки бизнеса в рамках ЕАЭС в условиях пандемии.

В рамках указанной задачи ЕЭК считает основными достижениями: оперативность принятия менеджментом ЕФСР и ЕАБР в условиях антикризисных и стабилизационных мер решений о финансировании, а также о рефинансировании и реструктуризации займов и кредитов в целях помощи пострадавшим от пандемии системообразующим предприятиям и отраслям; разработку пакета мер помощи корпоративным клиентам по предоставлению отсрочек по погашению основного долга, пролонгации сроков кредита, применению моратория в отношении выплаты процентов, смягчению правил рассмотрения проектов; предоставление краткосрочной ликвидности для финансирования оборотного капитала, а также преференций финансирования по продуктам ЕАБР в отношении отраслей и предприятий, выпускающих товары медицинского назначения, продовольственную продукцию первой необходимости; увеличение доли финансирования за счет средств ЕФСР в форме грантовой помощи; расширение направлений использования средств ЕФСР в рамках антикризисных и стабилизационных мер; обеспечение возможностей (упрощение) привлечения ЕАБР средств для финансирования проектов в рамках антикризисных и стабилизационных мер, прежде всего в национальных валютах государств-членов, в том числе на внутренних рынках ЕАЭС.

Часть мероприятий находится в компетенции менеджмента ЕАБР и ЕФСР, но для наиболее важных из них потребуются решение Совета банка, членами которого являются руководители министерств финансов государств — членов Союза. Кроме того, мероприятия, связанные с упрощением привлечения финансирования и поддержанием финансовой устойчивости ЕАБР входят в компетенцию правительств и национальных (центральных) банков.

С учетом изложенного Комиссией подготовлен проект поручения Евразийского межправительственного совета о проработке комплекса соответствующих вопросов и внесении согласованных предложений на рассмотрение ЕМПС на очередном заседании. Перечень мер, требующих проработки, содержательно согласован с руководством ЕАБР.

¹ Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 03.01.2020 № 36 «О внесении изменения в Правила определения происхождения товаров из развивающихся и наименее развитых стран и об особенностях представления сертификата о происхождении товара в условиях распространения коронавирусной инфекции 2019-nCoV».

² Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 16.03.2020 № 21 «О внесении изменений в некоторые решения Комиссии Таможенного союза и об утверждении перечня товаров, ввозимых на таможенную территорию ЕАЭС в целях реализации государствами — членами ЕАЭС мер, направленных на предупреждение и предотвращение распространения коронавирусной инфекции 2019-nCoV».

19.05.2020 г. в ходе Высшего Евразийского экономического совета Президент Российской Федерации подчеркнул важность привлечения к деятельности Комиссии ЕАБР ЕФСР для содействия реализации крупных интеграционных проектов. Как известно, интернет-торговля радикально меняет устоявшиеся за многие годы цепочки внешней торговли и состав ее участников.

Посредством консолидации товарных потоков можно упорядочить движение товаров через таможенную границу, контроль их таможенной стоимости, взимание таможенных и налоговых платежей, осуществление мер нетарифного регулирования, а также сертификацию ввозимых товаров.

Ввиду отсутствия оптовых продавцов и покупателей в рамках интернет-торговли разрушаются традиционные цепочки поставок. Сегодня интернет-торговля достигла таких объемов, что, помимо несомненных плюсов для граждан, подвергает угрозе интересы общества: сужается база налогообложения путем уменьшения объемов традиционной торговли; прибыль уходит в государства, где проведена регистрация торговых интернет-площадок материнской компании; магазины прекращают деятельность, и в сфере торговли сокращаются рабочие места; товары, ввозимые беспошлинно, получают недобросовестные преимущества при конкуренции с производимыми в ЕАЭС; возрастают угрозы безопасности и здоровью граждан вследствие отсутствия сертификации и иных ограничений.

Данный сегмент внешней торговли требует нового комплексного правового регулирования.

Во взаимодействии с заинтересованными органами государственной власти государств — членов ЕАЭС Комиссия разрабатывает и уточняет подходы к регулированию вопросов беспошлинного ввоза товаров для личного пользования, приобретенных физическим лицом в ходе международной электронной торговли.

Также прорабатываются вопросы о необходимости подготовки пакета поправок в право Союза об отнесении приобретаемых на иностранных интернет-площадках и ввозимых товаров к отдельной категории, а также вопросы об установлении в отношении такой категории товаров особенностей, в части: специального таможенного администрирования; налогов и таможенных пошлин; мер нетарифного, технического и другого регулирования; введения института уполномоченного оператора электронной торговли.

Таким образом, комплексное регулирование перемещения товаров, приобретаемых в рамках интернет-торговли, нуждается в дальнейшей экспертной проработке.

Скоординированная и слаженная работа Комиссии совместно с государствами — членами Союза по устранению кризисных явлений в экономике евразийского региона и управлению его посткризисным развитием будет содействовать стабилизации экономической ситуации, созданию благоприятных условий для экономического развития, повышению качества жизни населения.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Аскар Булатович Кишкембаев — доктор юридических наук, руководитель Секретариата члена Коллегии (министра) по экономике и финансовой политике Евразийской экономической комиссии, Москва, Россия
kishkembraev@eecommission.org

ABOUT THE AUTHOR

Askar B. Kishkembraev — Dr. Sci. (Law), Head of the Secretariat of the Member of the Board (Minister) for Economics and Financial Policy of the Eurasian Economic Commission, Moscow, Russia
kishkembraev@eecommission.org

Статья поступила 20.12.2020; принята к публикации 10.02.2021.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article received on 20.12.2020; accepted for publication on 10.02.2021.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-2-87-95
УДК 329(045)

Динамика электоральной подвижности и перспективы развития партийной системы РФ (на примере регионов Центрального федерального округа)*

С.Л. Чепель

Финансовый университет, Москва, Россия; Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0001-7962-6337>

АННОТАЦИЯ

В статье на примере регионов Центрального федерального округа анализируется динамика электоральной подвижности в избирательных парламентских циклах 2007–2011 и 2011–2016 гг. и ее влияние на развитие партийной системы РФ. Автор рассматривает характер воздействия экономического и культурного факторов на смену партийных предпочтений российских избирателей. Подчеркивается, что даже в условиях ухудшения социально-экономической ситуации преобладание в массовом общественном сознании ценностей выживания побуждает граждан сохранять широкую поддержку партии «Единая Россия» как наиболее влиятельной политической силы в стране. Автор приходит к выводу, что в этих условиях партии «Единая Россия» удастся сохранить контроль над парламентским большинством в результате выборов в Государственную Думу 2021 г., и поэтому не следует ожидать каких-либо изменений партийной системы РФ. **Ключевые слова:** электоральная подвижность; партийная идентификация; избирательная система; партийная система; ценности выживания; ценности самовыражения, электоральная поддержка

Для цитирования: Чепель С.Л. Динамика электоральной подвижности и перспективы развития партийной системы РФ (на примере регионов Центрального федерального округа). *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(2):87-95. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-2-87-95

ORIGINAL PAPER

Dynamics of Electoral Volatility and the Perspectives of the Party System Development in the Russian Federation (on the Example of Regions of the Central Federal District)**

S.L. Chepel

Financial University, Moscow, Russia; Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0001-7962-6337>

ABSTRACT

The article analyses the dynamics of electoral volatility in the parliamentary electoral cycles in the years of 2007–2011 and 2011–2016 and its influences on the development of the party system in the Russian Federation. The regions of the Central federal district were chosen to exemplify this process. The author considers the specific impact of the economic and cultural factors on Russian voters' changing party preferences. The author stressed that the values of survival that prevail in public mass consciences induce citizens to keep up widespread support of the country's most influential political power, the United Russia party, even in the conditions when the social-economic situation deteriorates. The author concluded that in these circumstances, the United Russia party succeeds in maintaining control over the parliamentary majority due to the 2021 elections to the State Duma. So no changes in the party system of the Russian Federation should be expected.

Keywords: electoral volatility; party identification; electoral system; party system; values of survival; values of self-expression; electoral support

For citation: Chepel S.L. Dynamics of Electoral Volatility and the Perspectives Party System development in the Russian Federation (on the example of regions of the Central Federal District). *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanity and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(2):87-95. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-2-87-95

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20–011–31438.

** The reported study was funded by RFBR and EISR, project number No. 20–011–31438.

Предстоящие в сентябре 2021 г. выборы в Государственную Думу восьмого созыва станут, по-видимому, важным этапом развития партийной системы РФ. Очевидно, что главный вопрос, на который должны дать ответ эти выборы: сумеет ли «партия власти» сохранить контроль над парламентским большинством? На особую сложность электоральной ситуации, в которой окажется партия «Единая Россия» на выборах 2021 г., обратил внимание ее председатель Д. Медведев, выступая на встрече с выпускниками кадрового партийного проекта «ПолитСтартап». «В будущей кампании в Государственную Думу, — подчеркнул Д. Медведев, — как собственно это было и раньше, но сейчас это будет с особой яростью выглядеть, все будут против “Единой России”»¹. Действительно, неблагоприятные тенденции социально-экономического развития страны в период после парламентских выборов 2016 г. в результате влияния как внутренних, так и внешних факторов делают правящую партию уязвимой со стороны ее политических оппонентов. Обострению борьбы на выборах в Государственную Думу 2021 г. будет способствовать и то, что в них примет участие множество партий, в том числе и абсолютно новых, способных предложить избирателям широкий набор политических программ. В этих условиях вполне можно ожидать существенных колебаний предвыборных настроений избирателей. Поэтому в статье предпринята попытка на примере прошлых избирательных парламентских циклов в регионах Центрального федерального округа (ЦФО) рассмотреть динамику электоральной подвижности с целью прогнозирования итогов голосования на выборах в Государственную Думу 2021 г. и перспектив развития партийной системы РФ.

Выборы в Государственную Думу 2011 г. отчетливо продемонстрировали снижение доверия общества к «партии власти», выразившееся в сокращении ее электората и росте голосования избирателей за ведущие оппозиционные политические силы. Сравнение данных итогов голосования в 2007 и 2011 гг., представленных

ЦИК РФ, показывает, что поддержка КПРФ выросла на 7,6%, партии «Справедливая Россия» — на 5,5%, ЛДПР — на 3,5%, а партия «Единая Россия» потеряла 14,9% голосов избирателей. Подобная направленность мобильности электората свидетельствовала о нарастании неудовлетворенности качеством жизни у значительной части российского общества, возлагавшей ответственность за социально-экономические трудности на партию, олицетворяющую собой политический режим в России. В период между выборами в Государственную Думу 2011 и 2016 гг. негативные тенденции социально-экономического развития сохранились. По официальным данным, в этот период в России при росте номинальных доходов реально располагаемые денежные доходы населения сократились, а доля населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума выросла с 12,7 до 13,4%, составив 19,6 млн чел.² Такое положение не могло не способствовать распространению в общественном сознании критических настроений по отношению к правящей партии. Ряд социологических опросов, проводившихся на протяжении 2015–2016 гг., зафиксировал устойчивое сохранение недовольства деятельностью правительства на уровне 37–39% опрошенных³. В этой социально-политической обстановке вполне можно было ожидать дальнейшего расширения протестного голосования в ходе выборов 2016 г. в Государственную Думу. К тому же после принятия Федерального закона от 02.04.2012 № 28-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О политических партиях”», смягчившего условия включения в политический процесс новых участников, число политических партий, зарегистрированных в период 2012–2015 гг., значительно выросло. В парламентских выборах 2016 г. приняло участие 14 партий, т.е. в два раза больше, чем в 2011 г., что значительно расширило выбор политических альтернатив осуществляющемуся государственному курсу. Таким образом, к парламентским выборам 2016 г. сложились предпосылки поворота от многопартийной системы с доминирующей партией к системе многопартийности с балансом между основными партиями. Однако,

¹ Медведев прогнозирует большое противостояние «Единой России» на выборах в Госдуму. URL: <https://tass.ru/politika/9665227>.

² Социальное положение и уровень жизни населения России. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/doc_2017/soc-pol.pdf.

³ Недовольство властями. URL: <http://bd.fom.ru/pdf/d36nv16.pdf>.

по итогам голосования на выборах в Государственную Думу 2016 г. ведущие оппозиционные партии, КПРФ и партия «Справедливая Россия» не расширили, а заметно утратили свои электоральные позиции. Сравнение данных о голосовании по единому федеральному избирательному округу за партийные списки в 2011 и в 2016 гг., представленных ЦИК РФ, говорит о том, что поддержка КПРФ сократилась на 5,8%, партии «Справедливая Россия» — на 7,0%, а партии «Единая Россия», напротив, выросла на 4,9% голосов. Незначительно, на 1,5%, выросло голосование за ЛДПР. В результате партия «Единая Россия» получила 140 мандатов, КПРФ — 35, ЛДПР — 34, партия «Справедливая Россия» — 16⁴. Однако намного более впечатляющую победу «партия власти» одержала в одномандатных округах. Из 225 разыгрываемых мандатов партии «Единая Россия» досталось 203, а КПРФ и партии «Справедливая Россия» только по 7, ЛДПР — 5, по одному мандату получили партии «Родина», «Гражданская платформа» и один самовыдвиженец⁵. Общенациональная тенденция значительных колебаний партийных предпочтений российского электората в парламентских избирательных циклах 2007–2011 и 2011–2016 гг. отчетливо проявилась при голосовании в регионах Центрального федерального округа. Расчеты, на основании данных ЦИК РФ, показывают, что на выборах в Государственную Думу 2011 г. в регионах ЦФО в среднем партия «Единая Россия» потеряла 16,8% голосов, в то время как поддержка КПРФ выросла на 8,9%, партии «Справедливая Россия» — на 6,7%, ЛДПР — на 3,9% голосов. В ходе же парламентских выборов 2016 г., так же как и в стране в целом, в регионах ЦФО произошло существенное ослабление электоральных позиций ведущих оппозиционных партий. Сравнение данных ЦИК РФ об итогах голосования по партийным спискам в 2011 и 2016 гг. показывает, что в среднем по ЦФО потери КПРФ составили 7,6%, а пар-

тии «Справедливая Россия» — 8,8% голосов. Российская объединенная демократическая партия «Яблоко», по сравнению с выборами в Государственную Думу 2011 г., также лишилась части своего весьма ограниченного корпуса избирателей во всех регионах ЦФО, кроме Москвы, где она смогла немного улучшить свои электоральные показатели. Потеряла часть своего немногочисленного электората во всех регионах ЦФО и партия «Патриоты России». Что же касается партий, не участвовавших в выборах в Государственную Думу 2011 г., но включившихся в борьбу за места в парламенте в 2016 г., то ни в одном из регионов ЦФО, кроме Москвы, им не удалось завоевать сколько-нибудь заметного доверия избирателей, как свидетельствуют данные ЦИК РФ⁶. Расчеты показывают, что средний уровень поддержки списков партий этой группы составил у партии «Коммунисты России» 2,3%, партии «Родина» — 2,1%, «Российской партии пенсионеров за справедливость» — 2%, «Партии народной свободы» — 2%, партии «Зеленые» — 0,7%, партии «Гражданская платформа» — 0,1%, партии «Гражданская сила» — 0,1% голосов. Если ведущие оппозиционные партии понесли существенные потери в рядах своих сторонников, то «Единая Россия» на выборах 2016 г., напротив, укрепила свои позиции в подавляющем большинстве регионов ЦФО. Сравнение данных ЦИК РФ об итогах голосования по партийным спискам в 2011 и 2016 гг. показывает, что доля избирателей в этих регионах, поддержавших «партию власти», выросла в среднем на 9%. Только в Москве, Тульской и Тамбовской областях партия «Единая Россия» частично утратила поддержку избирателей. Во всех регионах ЦФО, за исключением Липецкой и Рязанской областей, немного, в среднем на 2,7%, повысилась доля избирателей, проголосовавших за ЛДПР. Следует также отметить, что во всех регионах ЦФО крайне незначительно усилилась электоральная поддержка «Партии Роста».

Неустойчивость партийных предпочтений избирателей регионов ЦФО наглядно демонстрирует динамика электоральной подвижности в парламентских избирательных циклах 2007–2011 и 2011–2016 гг. Как видно из *табл. 1*,

⁴ Выборы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации седьмого созыва 18 сентября 2016 г.: Электоральная статистика. Центральная избирательная комиссия Российской Федерации. URL: <http://vestnik.cikrf.ru/vestnik/publications/analytics/19620.html>.

⁵ Выборы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации седьмого созыва 18 сентября 2016 г.: Электоральная статистика. Центральная избирательная комиссия Российской Федерации. URL: <http://vestnik.cikrf.ru/vestnik/publications/analytics/19620.html>.

⁶ Сводные данные результатов выборов по федеральному избирательному округу. Выборы в Государственную Думу. 2016 г. URL: <http://cikrf.ru/opendata/vib16fedsvod.php>.

оба избирательных цикла были отмечены высокими средними значениями показателя мобильности электората. Сравнительный анализ данных, представленных ЦИК РФ, говорит о том, что в избирательном цикле 2007–2011 гг. величина индекса электоральной подвижности зависела от степени интенсивности смещения электоральной поддержки в направлении от «партии власти» к ведущим оппозиционным партиям. Расчеты показывают, что именно в регионах с очень высокими индексами мобильности электората, Московской, Костромской, Ярославской областях, партия «Единая Россия» понесла наибольшие электоральные потери. По сравнению с выборами в Государственную Думу 2007 г., электоральная поддержка «партии власти» в этих регионах сократилась соответственно на 27,7, 25,6, 24,1% голосов. В тех же регионах имел место и наиболее существенный подъем голосования за КПРФ и партию «Справедливая Россия». По сравнению с выборами 2007 г., электоральная поддержка КПРФ выросла в этих регионах соответственно на 12,0, 14,8, 12,4%, а партии «Справедливая Россия» — на 8,9, 6,9, 10,6% голосов. Не столь высокие индексы электоральной подвижности в других регионах ЦФО свидетельствовали о том, что отмеченная тенденция смены партийных предпочтений избирателей там имела место, но проявлялась умеренно. Низкие значения показателя мобильности электората в Тамбовской и Тульской областях означали то, что здесь не произошло сколько-нибудь значимых изменений в расстановке партийно-политических сил. В избирательном цикле 2011–2016 гг. величина индекса электоральной подвижности, напротив, стала в основном отражением степени интенсивности смещения электоральной поддержки в пользу «партии власти». Как следует из *табл. 1*, наиболее высокие показатели мобильности электората наблюдались в Липецкой, Московской, Рязанской, Смоленской областях. Здесь в ходе выборов в Государственную Думу 2016 г. существенный рост голосования за партию «Единая Россия» сопровождался столь же существенным падением доверия избирателей КПРФ и особенно партии «Справедливая Россия». Сравнение данных ЦИК РФ об итогах голосования по партийным спискам на выборах 2011 и 2016 гг. показывает, что поддержка партии «Единая Россия» выросла в Липецкой области на 16,1%, в Московской —

на 13,4%, в Рязанской — на 14,7%, в Смоленской области — на 11,9% голосов. В этих же регионах КПРФ потеряла соответственно: 9,2, 10,7, 9,7, 8,4%, а партия «Справедливая Россия» — 10,7, 11, 10,1 14,3% голосов. Следует также добавить, что в ряде регионов ЦФО, Владимирской, Орловской, Тверской областях, высокие показатели электоральной подвижности были связаны с ростом голосования за ЛДПР на фоне ограниченных сдвигов поддержки избирателей от ведущих оппозиционных партий в пользу партии «Единая Россия».

В электоральных исследованиях используется ряд теоретических подходов, объясняющих причины смены партийных предпочтений избирателей. Экономический подход связывает межпартийную мобильность электората с изменениями социально-экономической ситуации в период, предшествующий выборам. В рамках теории экономического голосования используются разные интерпретации характера ее воздействия на формирование партийных предпочтений избирателей. С точки зрения концепции ретроспективного голосования избиратель делает выбор на основе оценок социальных последствий проводимого экономического курса, наказывая либо вознаграждая правящие элиты. Поэтому электоральная подвижность избирателей в направлении оппозиционных партий имеет тенденцию к усилению в периоды экономической нестабильности. С точки зрения концепции перспективного голосования избиратель делает выбор на основе оценок вероятности успеха экономических курсов, предложенных в различных партийных программах, поддерживая политические силы, реально способные в будущем улучшить социально-экономическую ситуацию. Поэтому электоральная подвижность может не только оставаться умеренной, но также и усиливаться в пользу правящих партий, если те уже заслужили определенный общественный авторитет.

Среди экономических факторов, влияющих на электоральное участие, наиболее социально значимыми являются: доля населения с доходами ниже прожиточного минимума и уровень безработицы, так как эти показатели ярко демонстрируют качество жизни граждан. Как следует из *табл. 2*, преобладающей тенденцией развития социально-экономической ситуации в регионах Центрального федерального округа в период 2012–2016 гг. стало снижение каче-

Таблица 1 / Table 1

Индексы электоральной подвижности в регионах Центрального федерального округа в период 2007–2016 гг., в % / Electoral mobility indices in the regions of the Central Federal District in the period 2007–2016, in %

Регион	2007–2011	2011–2016	Регион	2007–2011	2011–2016
Белгородская обл.	16,6	14,1	Московская обл.	32,0	24,7
Брянская обл.	14,2	19,6	Орловская обл.	23,8	20,8
Владимирская обл.	24,1	23,9	Рязанская обл.	20,9	22,4
Воронежская обл.	12,4	15,8	Смоленская обл.	21,8	24,4
Ивановская обл.	26,2	14,6	Тамбовская обл.	7,4	11,6
Калужская обл.	25,5	17,7	Тверская обл.	26,0	20,2
Костромская обл.	29,6	18,5	Тульская обл.	5,5	14,7
Курская обл.	19,5	18,2	Ярославская обл.	30,0	22,3
Липецкая обл.	25,0	23,6	г. Москва	15,3	20,4
			Средний показатель по ЦФО	20,8	19,3

Источник / Source: Выборы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации 2007. URL: http://www.cikrf.ru/banners/elect_duma/; Выборы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации в 2011 г. URL: http://www.cikrf.ru/banners/duma_2011/; Сводные данные результатов выборов по федеральному избирательному округу. Выборы в Государственную Думу. 2016 г. URL: <http://cikrf.ru/opendata/vib16fedsvod.php> / Election of Deputies of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation 2007. URL: http://www.cikrf.ru/banners/elect_duma/; Elections of deputies of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation in 2011. URL: http://www.cikrf.ru/banners/duma_2011/; Summary data of election results for the federal electoral district. State Duma elections 2016. URL: <http://cikrf.ru/opendata/vib16fedsvod.php>.

ства жизни. По величине и темпам изменения доли населения с доходами ниже прожиточного минимума и по уровню безработицы регионы ЦФО можно разделить на три группы. Первая группа — регионы с очень высоким уровнем бедности и безработицы: Владимирская, Ивановская, Костромская, Орловская, Смоленская области. Как следует из *табл. 2*, в 2016 г. в этих регионах от 30 до 60% населения располагали доходами ниже прожиточного минимума. Наиболее высокими были и темпы роста доли населения, находящегося за порогом бедности. С 2012 по 2016 г. эта доля выросла в Смоленской области в 3,3, в Ивановской — в 2,8, во Владимирской — в 2,7, в Костромской — 2,5, в Орловской — 2,4 раза. В этой же группе регионов, по состоянию на 2016 г., был зафиксирован и наиболее высокий уровень безработицы, от 5,5 до 6,4% трудоспособного населения. Вторая группа — регионы с умеренно высоким уровнем бедности и безработицы: Брянская, Калужская, Курская, Рязанская, Тамбовская, Тверская,

Тульская, Ярославская области. В этих регионах, как видно из *табл. 2*, доля населения с доходами ниже прожиточного минимума составляла от 15 до 28%. Более низкими были и темпы расширения доли населения, находящегося за порогом бедности. В рассматриваемый период она увеличилась в Брянской области в 2,1 раза, в Тверской и Калужской — в 1,8, в Тамбовской — в 1,5, в Рязанской и Тульской — в 1,4, в Курской — в 1,3, в Ярославской — в 1,2 раза. В этой же группе регионов был и более низкий уровень безработицы, от 4,1 до 5,8%, за исключением Ярославской области, где он составил 6,7%. Наконец, третья группа — регионы с низким уровнем бедности и безработицы: Белгородская, Воронежская, Липецкая, Московская области и г. Москва. В этих регионах, как следует из *табл. 2*, доля населения с доходами ниже прожиточного минимума не превышала 7%, и в рассматриваемый период она не росла, а сокращалась. В этих же регионах был зафиксирован самый низкий уровень безра-

Динамика качества жизни в регионах Центрального федерального округа в период 2012–2016 гг., в % / Dynamics of the quality of life in the regions of the Central Federal District in the period 2012–2016, in %

Регион	Доля населения с доходами ниже прожиточного минимума, %		Уровень безработицы в среднем за год, %		Регион	Доля населения с доходами ниже прожиточного минимума, %		Уровень безработицы в среднем за год, %	
	2012	2016	2012	2016		2012	2016	2012	2016
Белгородская обл.	9	4	3,7	4,0	Московская обл.	10	4	2,9	3,3
Брянская обл.	13	28	5,1	4,6	Орловская обл.	15	37	5,3	6,4
Владимирская обл.	18	50	4,4	5,6	Рязанская обл.	17	25	4,6	4,4
Воронежская обл.	17	7	5,5	4,5	Смоленская обл.	18	61	5,7	6,1
Ивановская обл.	20	56	6,3	5,6	Тамбовская обл.	11	17	4,9	4,5
Калужская обл.	11	20	4,3	4,2	Тверская обл.	14	26	5,0	5,8
Костромская обл.	17	44	4,8	5,5	Тульская обл.	11	16	4,6	4,1
Курская обл.	11	15	5,1	4,3	Ярославская обл.	14	17	3,4	6,7
Липецкая обл.	10	6	3,6	4,0	г. Москва	10	7	0,8	1,8

Источники / Sources: Рейтинг качества жизни в регионах РФ. Результаты и методика расчета. URL: http://vid1.rian.ru/ig/ratings/life_2012.pdf; Рейтинг регионов РФ по качеству жизни – 2016. URL: http://vid1.rian.ru/ig/ratings/life_2016.pdf; Уровень безработицы населения по субъектам Российской Федерации, в среднем за год. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/trud6.xls / Rating of the quality of life in the regions of the Russian Federation. Results and calculation method. URL: http://vid1.rian.ru/ig/ratings/life_2012.pdf; Rating of Russian regions by the quality of life – 2016. URL: http://vid1.rian.ru/ig/ratings/life_2016.pdf; The unemployment rate of the population by the constituent entities of the Russian Federation, on average per year. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/trud6.xls.

ботицы, от 1,8 до 4,5%. Таким образом, к выборам в Государственную Думу 2016 г. в ЦФО сложились три разные социально-экономические ситуации: крайне негативная в первой группе регионов, умеренно-негативная — во второй и умеренно-позитивная — в третьей группе регионов.

С точки зрения концепции ретроспективного голосования в ходе выборов в Государственную Думу 2016 г. в регионах ЦФО первой

и второй групп, где объективно имелись основания для подъема протестных политических настроений, следовало бы ожидать усиления электоральной подвижности в виде смещения поддержки избирателей в направлении ведущих оппозиционных партий. Однако статистика электорального поведения избирателей не дает оснований для подтверждения такой гипотезы. Несмотря на снижение качества жизни в период, предшествовавший выборам, элек-

торат первой и второй групп регионов усилил поддержку «партии власти». Исключением стали только Тамбовская и Тульская области, где при голосовании по партийным спискам партия «Единая Россия» получила меньше голосов избирателей, чем на выборах 2011 г. При этом во всех регионах ЦФО произошло заметное ослабление электоральных позиций ведущих оппозиционных партий. Сравнение данных о голосовании по партийным спискам 2011 и 2016 гг., представленных ЦИК РФ, показывает, что в регионах первой группы КПрФ лишилась в среднем 8,4%, партия «Справедливая Россия» — 10,5%, а поддержка партии «Единая Россия» выросла в среднем на 7,3%. В регионах второй группы в среднем снижение электоральной поддержки КПрФ составило 7%, партии «Справедливая Россия» — 8,2%, а рост голосования за партию «Единая Россия» — 9,2%. Наконец, в регионах третьей группы в среднем падение голосования за КПрФ составило 7,8%, за партию «Справедливая Россия» — 7,9%, а рост поддержки партии «Единая Россия» составил 10,6% голосов. Приведенные расчеты указывают на то, что в ходе выборов в Государственную Думу 2016 г., избиратели большинства регионов ЦФО придерживались перспективного голосования, связывая надежды на улучшение своего материального положения с сохранением власти в руках партии «Единая Россия» как наиболее влиятельной политической силы страны. Свидетельством перспективного характера голосования являлось и то, что чем хуже была социально-экономическая ситуация в регионах накануне выборов 2016 г., тем меньше их избиратели связывали возможность ее улучшения с приходом к власти ведущих оппозиционных партий. Как показывают приведенные выше расчеты, именно в регионах первой группы КПрФ и особенно партия «Справедливая Россия», по сравнению с выборами 2011 г., понесли наибольшие средние электоральные потери. О ретроспективном голосовании можно говорить только применительно к регионам третьей группы, за исключением г. Москвы. Умеренно позитивная социально-экономическая ситуация, сложившаяся к выборам 2016 г. в Белгородской, Воронежской, Липецкой, Московской областях, по-видимому, содействовала тому, что в этих регионах наблюдался самый высокий средний рост голосования за «партию власти». Что же

касается динамики смены партийных предпочтений избирателей столицы, то ее трудно объяснить только с позиций экономического подхода. Действительно, в условиях относительно благополучного материального положения столичного электората партия «Единая Россия» сохранила позицию наиболее сильного политического игрока, получив в ходе голосования по партийным спискам поддержку 37,7% избирателей⁷. Тем не менее, по сравнению с выборами 2011 г., судя по данным ЦИК РФ, она потеряла 8,9% голосов. В то же время в Москве в ходе выборов в Государственную Думу 2016 г. меньшим, чем в среднем по ЦФО, был спад электоральной поддержки ведущих оппозиционных партий. Он составил у КПрФ 5,4%, а у партии «Справедливая Россия» — 5,6% голосов. Именно в Москве наилучших своих электоральных результатов добились партии демократической оппозиции: Российская объединенная демократическая партия «Яблоко» — 9,5% и «Партия Роста» — 3,5% голосов⁸. Обращает на себя внимание и то, что ряд новых участников борьбы за места в парламенте, выступивших с оппозиционными программами, свою наибольшую поддержку также получили в Москве. Так, по данным ЦИК РФ, на выборах в Государственную Думу 2016 г. в Москве в ходе голосования по партийным спискам «Российская партия пенсионеров за справедливость» получила 2,9%, а «Партия народной свободы» — 2,6% голосов⁹. В совокупности эти электоральные показатели говорят о том, что, несмотря на позитивные тенденции в социально-экономическом развитии региона, в ходе голосования значительная часть избирателей Москвы придерживались критической позиции по отношению к курсу, проводимому правящей партией, что можно интерпретировать как проявление особенностей столичной политической субкультуры. Поэтому необходимо подчеркнуть, что характер политической культуры оказывает, как правило, более значимое воздействие на электоральное поведение, чем экономические интересы.

Политико-культурный подход рассматривает электоральную подвижность как проявление

⁷ Сводные данные результатов выборов по федеральному избирательному округу. Выборы в Государственную Думу. 2016 г. URL: <http://cikrf.ru/opendata/vib16fedsvod.php>.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

ценностных ориентаций массового сознания, формирующих партийную идентификацию избирателей. Значительный вклад в изучение проблемы устойчивости партийно-групповых связей внесла концепция структурных размежеваний, разработанная С. Липсетом и С. Рокканом [1] в ходе исследования политических процессов в странах Западной Европы. Согласно данной теории исторические социокультурные расколы послужили источниками партийной идентификации социальных групп, которые, по мере расширения избирательных прав, становились полноценными участниками политических взаимодействий. В странах Западной Европы исторические социокультурные расколы между центром и периферией, государством и церковью, городом и селом, собственниками и рабочими, получили политическое развитие в виде конкуренции партий, каждая из которых опиралась на собственный социальный сегмент. Особенностью посттоталитарных стран стало то, что политические партии возникли только в ходе демократизации и не имели сколько-нибудь прочных оснований в виде исторических социокультурных расколов. В процессе режимной трансформации возникли новые линии социально-политических размежеваний, разделившие граждан посткоммунистических стран на тех, кто испытывает либо не испытывает авторитарную ностальгию, тех, кто выступает за либо против государственного вмешательства в экономику. Но все же главным расколом посткоммунистического общества стало его глубокое разделение на процветающее меньшинство, выигравшее от рыночных реформ, и бедствующее большинство, не сумевшее добиться материального благополучия в условиях рыночной экономики. Подобная дуалистическая социальная структура, особенно отчетливо представленная в России, предопределила специфику массовой политической культуры посткоммунистических стран. Проблема влияния фактора экономического роста на изменение ценностных ориентаций и моделей политического поведения была глубоко исследована в работах Р. Инглхарта [2], уделившего особое внимание странам «новой демократии». Согласно его концепции продвижение к постиндустриальной фазе экономического развития, сопровождающееся материальной, когнитивной и социальной эмансипацией массовой

личности, приводит к сдвигу от ценностей выживания к ценностям самовыражения. Степень распространения в общественном сознании ценностных ориентаций того и другого типа во многом объясняет то, какими мотивами, утилитарными или принципиальными, руководствуются граждане в своем политическом поведении. На основе изучения широкого массива экономических и социологических данных Р. Инглхарт приходит к выводу, что в культуре большинства посткоммунистических стран, в том числе и в России, преобладают ценности выживания. В этой связи можно предположить, что неустойчивая партийная приверженность российских избирателей является результатом сочетания исторической неукорененности партий в культуре общества и преимущественно утилитарных мотивов электорального поведения. Как показывают опросы общественного мнения, партии в России пользуются наименьшим доверием населения по сравнению с другими государственно-политическими институтами. По данным Европейского социологического исследования, политическим партиям в той или иной степени доверяли в 2008 г. 15%, в 2012 г. 14%, в 2016 г. 20%, в 2018 г. 18% российских граждан¹⁰. Анализ динамики электоральной подвижности в регионах ЦФО в ходе выборов 2016 г. говорит о том, что дилемма ценности выживания/ценности самовыражения оказывала существенное влияние на поведение избирателей. Так, в условиях снижения качества жизни, преобладающих в российской политической культуре, утилитарные мотивы электорального участия стимулировали усиление поддержки «партии власти», остающейся для большинства избирателей единственной политической силой, способной эффективно управлять страной. Это отчетливо проявилось в виде перспективного голосования в регионах ЦФО первой и второй групп. Особенности электоральной ситуации, сложившейся в Москве на выборах в Государственную Думу 2016 г., также можно объяснить, исходя из методологического подхода Р. Инглхарта. Именно в Москве как в регионе с наиболее высоким средним доходом населения, с достаточно благополучной социально-экономической ситуацией и в то же время — центре научного и технологического

¹⁰ European Social Survey. Data and Documentation. Rounds 4, 6, 8, 9. URL: <https://www.europeansocialsurvey.org/>.

развития страны был достигнут существенный прогресс в деле материальной, когнитивной и социальной эмансипации массовой личности. В результате в сознании столичных избирателей получили заметное распространение ценности самовыражения, которые, как известно, стимулируют гражданскую политическую активность, направленную на укрепление основ демократического режима. Снижение электоральной поддержки «партии власти», сохранение относительно стабильных электоральных позиций ведущих оппозиционных партий, незначительный, но последовательный рост голосования за партии демократической оппозиции — все это свидетельство стремления электората Москвы играть реально активную роль в процессе обсуждения, выработки и реализации государственного курса.

Оценивая влияние экономического и культурного факторов на динамику электоральной подвижности российских избирателей, можно предполагать, что в результате выборов в Государственную Думу 2021 г. партия «Единая Россия» сумеет сохранить контроль над парламентским большинством. Как было показано, преимущественно перспективный характер голосования, во многом объясняющийся преобладанием в массовом сознании ценностей выживания, благоприятствует «партии власти». Поэтому трансформация существующей партийной системы с присутствием доминирующей партии в систему равновесных влиятельных партий возможна только в результате ощутимого сдвига в культуре современного российского общества от ценностей выживания к ценностям самовыражения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Липсет С., Роккан С. Структуры размежеваний, партийные системы и предпочтения избирателей. Предварительные замечания. *Политическая наука*. 2004;(4):204–234.
2. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство; 2011. 464 с.

REFERENCES

1. Lipset S., Rokkan S. Structures of delimitation, party systems and voters' preferences. Preliminary remarks. *Politicheskaya nauka*. 2004;(4):204–234. (In Russ.).
2. Inglehart R., Welzel K. Modernization, cultural change, and democracy. The sequence of human development. Moscow: New Publishing House; 2011. 464 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сергей Львович Чепель — кандидат исторических наук, доцент Департамента политологии, Финансовый университет; доцент кафедры теоретической и прикладной политологии, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия
ChepelSL:@mpei.ru

ABOUT THE AUTHOR

Sergey L. Chepel — Cand. Sci (History), Associate Professor, Department of Political Sciences, Finance University, Moscow, Russia; Associate Professor, Department of Theoretical and Applied Political Sciences, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
ChepelSL:@mpei.ru

Статья поступила 16.01.2021; принята к публикации 02.02.2021.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article received on 16.01.2021; accepted for publication on 02.02.2021.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-2-96-101
УДК 070(045)

Ответственность за медиаконтент и проблема цензурирования коммуникационного пространства России*

Т.Л. Каминская

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0001-8331-8687>

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается российский медиадискурс вокруг значимых законодательных инициатив власти последних двух лет по отношению к медиа. В контексте правоприменительной практики автор статьи обращает внимание на проблемы цензурирования нового коммуникационного пространства, созданного социальными сетями, мессенджерами и алгоритмическими цифровыми медийными платформами. К этим проблемам относится зачастую отсутствие четкого разграничения понятий, например, таких, как «оскорбление власти» и «справедливая критика», уровень судебных экспертиз и «человеческий фактор» Роскомнадзора. В статье высказывается мысль, что увеличивающееся число законов в отношении медиаконтента связано со скоростью трансформаций цифровой коммуникации, превышающей адаптационные возможности власти. Автор отмечает также, что правительство параллельно с ужесточением законодательства в сторону контроля над сетевыми медиаплатформами апеллирует к пользователям цифровых платформ как к союзникам в борьбе за чистоту контента. Обобщая данные дискурс-анализа, контент-анализа медиа, а также собственный опыт участия в судебных разбирательствах в качестве эксперта-лингвиста, автор подчеркивает, что политические эффекты принятия законов в отношении медиа могут быть не связаны с политическими задачами власти, поскольку контрастируют с ценностями определенной части общества.

Ключевые слова: медиадискурс; закон; медиаконтент; политика; власть; ответственность; идеология; ценности

Для цитирования: Каминская Т.Л. Ответственность за медиаконтент и проблема цензурирования коммуникационного пространства России. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(2):96-101. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-2-96-101

ORIGINAL PAPER

Responsibility for Media Content and the Problem of Censoring the Communication Space of Russia**

T.L. Kaminskaya

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0001-8331-8687>

ABSTRACT

The article examines the Russian media discourse around the authorities' significant legislative initiatives of the last two years concerning the media. In the context of law enforcement practice, the author of the article draws attention to the problems of censoring the new communication space created by social networks, instant messengers and algorithmic digital media platforms. These problems often include the lack of a clear delineation of concepts, for example, such as "insulting the authorities" and "fair criticism", the level of forensic expertise and the "human factor" of Roskomnadzor. The article expresses the idea that the increasing number of laws related to media content is associated with the speed of digital communication transformations, which exceeds the authorities' adaptive capabilities. In parallel with tightening legislation in the direction of control over online media platforms, the author also notes that the government appeals to

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

** The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds on the Financial University's state order.

digital platforms users as allies in the fight for content purity. Summing up the data of discourse analysis, media content analysis, as well as my own experience of participating in court proceedings as an expert linguist, the author concluded that the political effects of the adoption of laws on the media might not be related to the political objectives of the authorities, since they contrast with the values of a particular part of society.

Keywords: media discourse; law; media content; politics; power; responsibility; ideology; values

For citation: Kaminskaya T.L. Responsibility for media content and the problem of censoring the communication space of Russia. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(2):96-101. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-2-96-101

С каждым годом медиаполе усложняется с точки зрения использования медийных инструментов и алгоритмов искусственного интеллекта (ИИ). При этом укорачивается траектория доставки контента пользователю, и увеличивается скорость доступа пользователей к информации. В самой сущности цифровизации коммуникации и в основе организации социальных сетей лежат те изменения, которые происходят в политике и в социуме.

Речь идет не только о прямом взаимодействии политических акторов с пользователями сетей, но и способах принятия политических решений, способности политического воздействия на миллионы людей без участия политических институтов. Отмечая, что каждый получает частичку власти в обществе благодаря виртуальному миру, Э. Шмидт и Дж. Коэн называют интернет «крупнейшим в истории анархистским экспериментом». Вместе с тем в связи с неизбежным «вхождением в виртуальный мир» в ближайшем будущем всего человечества авторы возлагают большие надежды на рост эффективности экономики и власти [1].

Согласно отчету о состоянии мировой цифровой среды от 2021 г., количество пользователей соцсетей растет в мире гигантскими темпами, и россияне близки к среднемировому значению. Мы проводим в соцсетях 2 ч. 28 мин. в сутки (глобально эта цифра составляет 2 ч. 25 мин.)¹. При этом поисковая активность аудитории все увеличивается. Среди молодежи этот показатель еще выше: представители поколения Z говорят, что с большей вероятностью будут искать информацию в социальных сетях, чем в поисковых системах. Увеличивается с каждым годом и активность в создании собственных аккаунтов в соцсетях. В России показатель таков: на одного интернет-пользователя приходится по

7,2 аккаунта в соцсетях (немногом меньше, чем среднемировое значение — 8)².

Очевидно, что наибольшую активность в социально-политическом контексте в цифровой среде проявляют оппозиционные силы и понятно, что правительства не успевают адаптироваться к сетевой коммуникации. Исторически власть в России отличается негибкостью в процессе кардинальных изменений социума, и поэтому противоречие между скоростью цифровых трансформаций и консерватизмом политических институтов пытается снять ужесточением законов в отношении авторов контента и владельцев медиаплощадок.

Значимые законодательные инициативы по отношению к медиа реализованы в последние два года, и в первую очередь необходимо отметить внесение поправок в Конституцию страны в 2020 г. Это ст. 67 (запрещающая призывы к умалению подвига народа при защите отечества) и 72 (определение брака как союза мужчины и женщины). Идеологическую заряженность этих поправок отмечали специалисты в сфере медиа и журналисты на различных семинарах и конференциях³. В связи с этим в последний год из медиаповестки практически исчезли такие темы, как интерпретация жестоких поражений Советской армии в 1941–1942 гг., описание чудовищных потерь во время войны или оккупация территорий. В последние несколько лет журналистика утратила такой жанр как расследование (одной из последних рубрик исчезла в интеллектуальных медиаресурсах, например в РБК). Любая публичная информация дискуссионного характера про лиц нетрадиционной ориентации открывает сегодня возможности для судебных разбирательств.

Вместе с тем прямых тематических и жанровых запретов в отношении медиа нет. И хотя

¹ Эти данные приводят We Are Social и Hootsuite в своем ежегодном отчете о состоянии цифровой сферы. URL: 2021https://wearesocial.com/blog/2021/01/digital-2021-the-latest-insights-into-the-state-of-digital

² Там же.

³ Например, вебинар ИПП «Свобода слова и свобода СМИ после принятия поправок к конституции». URL: http://rpinw.spb.ru/archives/261.

правовая политика является первичной по отношению к другим мерам госрегулирования медиа-сферы, помимо законодательных, существуют непрямые способы консервации политической коммуникации, многократно примененные в последние пару лет: смена главных редакторов, увеличение числа иноагентов. Расширение числа иноагентов предполагает принятие в декабре 2020 г. Закона об иноагентах-физлицах, которые существенно поражены в правах: они не могут занимать должности во власти, иметь допуск к гостайне, и — самое главное, с точки зрения влияния — обязуются указывать при публикации своих новостей и любых текстов статус иноагента. В одном пакете с законом об иноагентах, внесенном в Госдуму в декабре 2020 г., есть поправка, ограничивающая просветительскую деятельность и международные контакты. По поводу принятия каждой из указанных норм в последние два года разворачивается мощный медиадискурс с комментариями экспертов и дискуссиями журналистов.

Самый масштабный дискурс развернулся в медиа и на платформе Фейсбука по поводу контроля просветительского контента (характерен заголовок публикации «Коммерсанта» от 21.02.2021 г., назвавшим закон «скандальным»: «Просветителям не дают просвета»)⁴. Являясь основной целевой аудиторией поправки, российское научное сообщество подняло тревогу и связало ситуацию со стратегической проблемой страны — образованием. Опасения были связаны с прекращением международных контактов, а поправка трактовалась как недоверие власти к научному сообществу, в свою очередь высказывалось недоверие в Минобру, с которым надо теперь согласовывать любые просветительские инициативы. Вузские и академические круги заявляли, что не будут следовать предписаниям закона, поскольку их просто невозможно выполнить. Открытое заявление противников было опубликовано в самой популярной академической газете «Троицкий вариант». Клуб «1 июля» (неформальная ассоциация академиков Российской академии наук) выступил с протестом,

заявив, что лицензирование противоречит конституционной свободе поиска и получения информации. Велики риски, как отмечалось в заявлении, что процесс будет осуществляться избирательно, что усилится идеологический контроль над гуманитарными и общественными науками, особенно историей. И наконец, что измененный закон будет препятствовать нормальному развитию науки в России.

В отношении исполнения законов и их правоприменительной практики в медийной сфере (прежде всего, в регионах) имеется много примеров абсурдного рвения Роскомнадзора, который часто следует букве закона, а не его духу. Примеры такого рода приводит в своей статье И.А. Панкеев [2].

С нашей точки зрения, региональные примеры еще более показательны. Так, в Великом Новгороде Роскомнадзор пытался оштрафовать сетевое издание «Ваши новости» за цитату из телепрограммы кинорежиссера Никиты Михалкова «Бесогон», в публикации о которой ее автор, писатель Виктор Смирнов, называет Никиту Михалкова «мэтром отечественного кино», сетуя, что тот размнивает свой талант на такие речевые практики. Автор оценивает Никиту Михалкова как ведущего программы, перечисляя его речевые приемы в спорах со своими предполагаемыми и реальными оппонентами. При этом подозрительное слово в издании воспроизводится не полностью, а с отточием в середине. Роскомнадзор подает в суд не на Михалкова как автора фразы, а на региональное издание, осуждающее высказывание. Только обращение к лингвистической экспертизе по инициативе ответчика и по апелляции в суде более высокого уровня смогло отменить штраф к изданию.

Что касается нецензурной лексики, то заработавший с 1 февраля 2021 г. закон о соцсетях включил в себя запрет мата и в соцсетях, что вызвало особенно жаркие дискуссии в медиа. Вопросы дискуссии касаются, во-первых, самого определения соцсетей, под которое (если считать указанную норму 500 тыс. посетителей в сутки) формально подпадают любые сайты (методика подсчета Роскомнадзором этих посетителей не определена и расплывчата). Во-вторых, в дискуссии выяснялось, что можно считать матом, поскольку исчерпывающего списка матерных слов не существует; при этом интересно, что в сети появились серии советов, как материться, не получив штраф.

⁴ URL: https://www.kommersant.ru/search/results?places=&categories=&datestart=08.03.2020&dateend=08.03.2021&sort_type=1&regions=&results_count=&page=1&search_query=%D0%BF%D1%80%D0%BE%D1%81%D0%B2%D0%B5%D1%82%D0%B8%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8F%D0%BC+%D0%BD%D0%B5+%D0%B4%D0%B0%D1%8E%D1%82+%D0%BF%D1%80%D0%BE%D1%81%D0%B2%D0%B5%D1%82%D0%B0

Сложность исполнения законов о СМИ, а тем более, с социальными сетями и мессенджерами, связана и с судебной практикой: в условиях размытых определений понятий суды чаще всего опираются на экспертные заключения лингвистов, историков и теоретиков медиа, к которым также есть претензии по поводу компетентности и заинтересованности в результате.

Параллельно с ужесточением законодательства в сторону контроля над сетевыми медиаплатформами государство апеллирует к пользователям цифрового контента как к союзникам в борьбе против трактовки государственной позиции по политическим вопросам. Объявление в феврале 2021 г. о том, что Роскомнадзор запускает мобильное приложение для приема обращения от граждан, трактовалось в медиа как стремление создать платформу для доносов. Данный IT-феномен высмеивался как технологически убогий и политический примитивный продукт. Пространную публикацию о кардинально противоположных оценках данной инициативы сделала «Новая газета»⁵, назвав ее «если не оскорбительной, то, как минимум, недостойной внимания». При этом газета указала на отсутствие склонности к доносите́льству у русскоязычного населения, поскольку в русском языке слово «донос» имеет негативную коннотацию (в отличие от его употребления в европейских языках).

В поле зрения медиа и научного сообщества попадают и эффективные диалогические интенции власти с использованием интернет-технологий. Прежде всего, их эффективность оценивается исследователями по отношению к поколению Z [3].

Разумеется, ужесточение законодательства — не самоцель, оно возникло из идеи соблюсти баланс интересов личности и государства. Но, как и во всем, здесь необходима соразмерность и четкие определения понятий. Примером взвешенного подхода к принятию решений может служить так называемый «закон о блогерах» 2014 г.: проанализировав результаты правоприменительной практики и реакцию общества, законодатель в 2017 г. отменил его. Также следует отметить смягчение и декриминализацию законов, касающихся экстремизма, в 2019 г., что вывело из-под уголовной ответственности не

только журналистов, но и простых граждан — т.е. в целом медиааудиторию⁶.

Тем не менее очевидно, что число правовых норм, касающихся медиасферы, растет, государство требует все большей оперативности в их исполнении и сурово наказывает за неисполнение. Именно в 2021 г. СМИ публикуют заявления Роскомнадзора по поводу неисполнения соцсетями и мессенджерами его предписаний⁷. Так, в Twitter за три года было направлено 28 тыс. требований в отношении удаления контента. И уже в 2021 г. депутаты требуют бороться с ситуацией «технологическими средствами». В отношении баланса интересов личности и государства можно привести пример законодательной инициативы с поправками закона «О рекламе». Не секрет, что принятый в 1995 г. (актуальная редакция 2006 г.) в других медийных условиях закон «О рекламе» устарел. Внесенная в Госдуму в феврале 2021 г. поправка в этот закон касается пятипроцентной квоты на социальную рекламу в интернете и связана, прежде всего, с крупнейшими рекламными системами: «Яндекс», Mail.ru, Rambler, Google, Facebook (в отношении других рекламных сегментов процент уже действует). Поскольку в интернете отследить проценты очень сложно, предполагается создание целой системы мониторинга и единого оператора размещения⁸. К новостным агрегаторам, у которых большая доля иностранного капитала, государство имеет многолетние претензии (вплоть до неосуществившейся идеи приравнять их по статусу к СМИ). Претензии связаны с желанием оградить население от западного влияния. Обсуждается допустимая доля иностранного капитала (от 20 до 50%).

Отдельного внимания заслуживают законодательные усилия государства в отношении такой угрозы, как фейковые новости. Масштабы вызова фейковых новостей очевидны, и антифейковое регулирование медиа активно анализируется в последние два года научным сообществом [4–7]. Угроза фейковых новостей актуализировалась во время пандемии, а также в связи с резким увеличением числа людей, вовлеченных в про-

⁶ Госдума разрешила демонстрацию свастики при условии осуждения нацизма. URL: <https://tass.ru/obschestvo/7150961>.

⁷ Роскомнадзор указал Twitter на злостные нарушения закона. URL: <https://ria.ru/20210301/twitter-1599376422.html>.

⁸ Российская газета. URL: <https://rg.ru/2021/02/10/v-gosdumuvnesli-zakonoproekt-o-kvotye-na-socialnuiu-reklamu-v-internete.html>.

⁵ Новая газета. Миф о доносе. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2021/02/16/89242-mif-o-donose/>.

изводство медиаконтента. Создавая все больше контента, сама аудитория создает все больше нарушений. В связи с этим нельзя не упомянуть и о законе об административной ответственности за распространение данных, оскорбляющих власть, а также о пакете законопроектов о штрафах за распространение в интернете и СМИ недостоверной общественно значимой информации. Нарушения ст. 20.1 «Мелкое хулиганство» Кодекса об административных правонарушениях РФ караются штрафами до 100 тыс. руб. или административным арестом до 15 суток в случае повторного деяния⁹. Четкого разграничения между оскорблением власти и ее справедливой критикой не существует. И здесь опять встает вопрос о корректности терминов.

Между тем, наибольшую эффективность в плане влияния на ценности общества и коммуникативное поведение в социуме оказывают не законодательные инициативы власти, а организованные снизу неправительственные инициативы. Они осуществляют коммуникацию по принципам сетевых сообществ, что позволяло и позволяет им быть не только участниками, но и инициаторами политического дискурса, в том числе и оппозиционного. Этот сетевой принцип особенно заметен у авторов текстов с модной феминистской и экологической тематикой в форсмажорных обстоятельствах: при происшествиях, связанных с причинением вреда здоровью/жизни женщин, а также при введении новых законодательных инициатив власти и правоприменительной практики. В этом случае тексты, связанные с означенной тематикой (преимущественно в социальных сетях), дублируются из одной социальной сети в другую, и уже затем попадают в интернет-медиа, обрастая комментариями читателей с оценками и негативной оценочной лексикой.

Как наиболее активные НКО, так и отдельные несистемные активисты предоставляют инфор-

⁹ За оскорбление общества и государства будут штрафовать. Государственная дума РФ. 2019. 7 марта. URL: <http://duma.gov.ru/news/29990/>.

мацию параллельно на различных платформах: сайтах организаций, пабликах в социальных сетях, мессенджерах и блогах, подстраивая их под особенности каждого коммуникативного канала. Обозначенные модные тематические повестки включаются сегодня практически во все медиапроекты, лежащие в культурной, моральной и политической плоскостях. Современный медиадискурс демонстрирует вхождение экологии и феминизма в доминантные темы ведущих российских медиа: как бы ни различалась редакционная политика СМИ, таких ньюсмейкеров, как Гринпис или центр помощи женщинам «Анна», журналистам и власти все труднее игнорировать.

При этом очевидна мобилизационная успешность этой коммуникации, к эффектам которой относятся не только результаты краудсорсинга различного рода инициатив, рост числа подписчиков и комментаторов тематических аккаунтов в цифровых форматах, переход из цифрового активизма в офлайн в виде протестных митингов и флэшмобов, но и закрепление этих тематических повесток как модных в повседневном дискурсе.

Феминистская и экологическая медиапостки, хоть и не являются самыми значимыми в России по числу публикаций, тем не менее демонстрируют вектор общественных дискуссий о ценностях. Вопросы домашнего насилия, экологии, политического и социального участия женщин в жизни страны, скандальные истории, связанные с сексуализированным насилием, всегда вызывают особый интерес у населения, чем активно пользуются публичные личности, политики, медиа.

Таким образом, взаимоотношения власти и медиа в стране последних двух лет предсказывают, с одной стороны, ужесточение в России действий государства по отношению к медиасфере в ближайшем будущем, а с другой — использование различными акторами других возможностей воздействия на аудиторию и власть: расширение манипулятивных техник за счет сетевого взаимодействия, введение новых коммуникативных практик и технологизация взаимодействия с аудиторией.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шмидт Э., Коэн Дж. Новый цифровой мир. Как технологии меняют жизнь людей, модели бизнеса и понятие государств. Пер. с англ. М.: ООО «Манн, Иванов и Фербер»; 2013.
2. Панкеев И.А. Тенденции государственного регулирования российских СМИ: правовой аспект. *Вопросы теории и практики журналистики*. 2020;9(2):231–246. DOI: 10.17150/2308–6203.2020.9(2).231–246

3. Осипова О. С., Багдасарова Р. А., Лукушин В. А. Современные медиа как инструмент совершенствования диалога власти и общества. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(1):20–28. DOI: 10.26794/2226–7867–2021–11–1–20–28
4. Мищенко С. А., Осташевский А. В., Крайних И. Г. Фейковые новости в российских интернет-СМИ: правовое регулирование. *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2020;12(2):85–92. DOI: 10.17748/2075–9908–2020–12–2–85–92
5. Каминская Т. Л. Политические медиатексты и проблема доверия: современные вызовы. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2019;9(5):15–21. DOI: 10.26794/2226–7867–2019–9–5–15–21
6. Суходолов А. П., Бычкова А. М. «Фейковые новости» как феномен современного медиaprостранства: понятие, виды, назначение, меры противодействия. *Вопросы теории и практики журналистики*. 2017;6(2):143–169.
7. Ильченко С. Н. Фейк как антиисточник информации: риск для профессиональных стандартов журналистики. *Гуманитарный вектор*. 2018;13(5):70–76.

REFERENCES

1. Schmidt E., Cohen J. New digital world. How technology is changing people's lives, business models and the concept of states. Trans. from Eng. Moscow: Mann, Ivanov, and Ferber; 2013. (In Russ.).
2. Pankeev I. A. Trends in state regulation of Russian media: legal aspect. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki*. 2020;9(2):231–246. (In Russ.). DOI: 10.17150/2308–6203.2020.9(2).231–246
3. Osipova O. S., Bagdasarova R. A., Lukushin V. A. Modern media as a tool for improving the dialogue between government and society. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(1):20–28. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226–7867–2021–11–1–20–28
4. Mishchenko S. A., Ostashevsky A. V., Kraynikh I. G. Fake news in Russian online media: legal regulation. *Istoricheskaya i social'no-obrazovatel'naya mysl'*. 2020;12(2):85–92. (In Russ.). DOI: 10.17748/2075–9908–2020–12–2–85–92
5. Kaminskaya T. L. Political media texts and the problem of trust: modern challenges. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2019;9(5):15–21. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226–7867–2019–9–5–15–21
6. Sukhodolov A. P., Bychkova A. M. “Fake news” as a phenomenon of modern media space: concept, types, purpose, countermeasures. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki*. 2017;6 (2):143–169. (In Russ.).
7. Ilchenko S. N. Fake as an anti-source of information: a risk to professional journalism standards. *Gumanitarnyj vektor*. 2018;13(5):70–76. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Татьяна Леонидовна Каминская — доктор филологических наук, доцент, профессор Департамента массовых коммуникаций и медиабизнеса, Финансовый университет, Москва, Россия
tlkam1@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Tatyana L. Kaminskaya — Dr. Sci. (Philology), Professor, Department of Mass Communications and Media Business, Financial University, Moscow, Russia
tlkam1@mail.ru

Статья поступила 20.02.2021; принята к публикации 10.03.2021.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article received on 20.02.2021; accepted for publication on 10.03.2021.

The author read and approved the final version of the manuscript.

Правозащитные информационные потоки в социальных медиа в структуре цифровой репрезентации гражданской активности россиян в 2020 году: результаты социально-медийного анализа*

А.Ю. Домбровская

Финансовый университет, Москва, Россия;
Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-2015-2349>

АННОТАЦИЯ

В статье проанализированы структурные и содержательные характеристики информационного потока, отражающего обсуждение проблем защиты прав личности в России как типа гражданской активности российских интернет-пользователей. В результате использования специального программного обеспечения аккумулярован релевантный массив социально-медийных документов и интерпретированы динамика, модальность потока, его распределение по различным социальным медиа, половозрастной состав аудитории правозащитного информационного потока. Сделаны выводы о достаточно высоком потенциале протестной мобилизации данного типа цифрового потока, установлены триггеры, используемые топикстартерами правозащитного дискурса в социальных медиа для формирования неконструктивных гражданских установок россиян. Показаны признаки существенной влияния правозащитного потока, прежде всего среди молодого поколения. Выявлены приемы использования онлайн-сетевыми оппозиционными лидерами наиболее резонансных событий в социально-политической жизни российского общества для формирования неконвенциональных установок россиян посредством помещения этих событий в контекст нарушения прав личности, что предопределяет смещение смыслов и значений в сфере восприятия российскими интернет-пользователями соотношения прав и обязанностей граждан в РФ. Обоснована необходимость мониторинга социально-медийных потоков, репрезентирующих правозащитную тему в структуре всех потоков, отражающих цифровую гражданскую активность российских пользователей, значимость сопровождения этих потоков с позиций создания альтернативных дискурсов, нацеленных на преодоление проблемы подрыва доверия действующим институтам власти и способствующих формированию культуры конструктивной гражданской активности россиян в цифровой и офлайн средах.

Ключевые слова: правозащитный дискурс; социальные медиа; мобилизация протестных установок в социальных медиа; онлайн-сетевая гражданская активность; социально-медийный анализ

Для цитирования: Домбровская А.Ю. Правозащитные информационные потоки в социальных медиа в структуре цифровой репрезентации гражданской активности россиян в 2020 году: результаты социально-медийного анализа. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(2):102-110. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-2-102-110

Information Flows Concerning Human Rights Protection in the Digital Representation Structure of Russians' Civic Engagement in 2020: Results of Social Media Analysis**

A. Yu. Dombrovskaya

Financial University, Moscow, Russia;
Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-2015-2349>

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31484.

** The reported study was funded by RFBR and EISR, project No. 20-011-31484.

ABSTRACT

In the article, the author analysed the structural and content characteristics of the information flow, reflecting the discussion of the problems of protecting the individual's rights in Russia as a type of civic activity of Russian Internet users. As a result of particular software use, the author accumulated a relevant array of social media document and the dynamics, the modality of the flow, its distribution across various social media, the gender and interpreted age composition of the human rights information audience flow. The author concluded that a sufficiently high potential for protest mobilization of this type of digital stream triggers top-starters of human rights discourse in social media to form non-constructive civic attitudes of Russians. Signs of a significant influence of the human rights stream, first of all, among the younger generation are shown. The author identified methods of using the most resonant events in Russian society's socio-political life by online network opposition leaders to form unconventional Russians' attitudes by placing these events in the context of a violation of individual rights. It predetermines a shift in meanings and meanings in the sphere of perception by Russian internet users of the ratio of rights and obligations citizens in the Russian Federation. The necessity of monitoring social and media streams representing the human rights theme in the structure of all streams reflecting the digital civic activity of Russian users is substantiated, the importance of accompanying these streams from the standpoint of creating alternative discourses aimed at overcoming the problem of undermining trust in existing government institutions and contributing to the formation of a culture of constructive civic activity of Russians in digital and offline environments.

Keywords: human rights discourse; social media; mobilization of protest attitudes in social media; online network civic activity; social media analysis

For citation: Dombrovskaya A. Yu. Information flows concerning human rights protection in the digital representation structure of Russians' civic engagement in 2020: Results of social media analysis. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(2):102-110. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-2-102-110

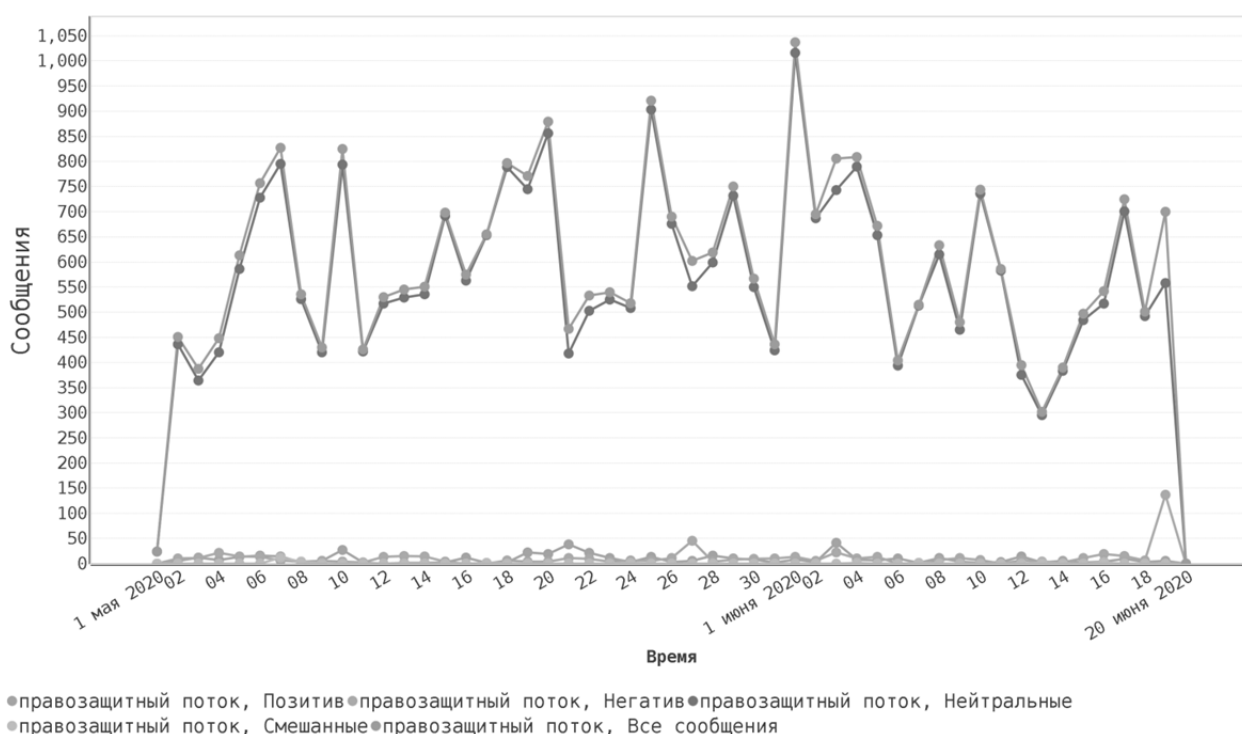
С расширением политических и гражданских практик в цифровую эпоху растет риск распространения неконвенциональных, неконструктивных онлайн-форматов гражданского активизма. Интернет-среда, по сути, — открытая площадка для циркулирования политических и гражданских ценностей, в том числе дискурсивных практик, представляющих угрозу социальному согласию, общественному консенсусу. Оппозиционные, критически ориентированные по отношению к действующей власти онлайн-лидеры, преследуя цели охвата большого объема социально-медийной аудитории, эксплуатируют прагматические мотивы гражданской активности. Одним из таких наиболее популярных приемов привлечения сторонников и последователей служит техника мобилизации гражданского недовольства с формированием дискурса превалирования в России гражданских обязанностей над гражданскими правами. Базовая мишень для данной дискурсивной конструкции — российская молодежь. Согласно данным социологических исследований около двух третей молодых россиян (60,8%), выражает ту или иную степень неудовлетворенности состоянием реализации гражданских прав и свобод в современной России. Причем самыми незащищенными молодые поколение считает такие права, как равенство всех перед законом и судом (58,7%), свобода мысли и свобода слова (48,7%), свобода массовой информации (39,1%). При этом более половины молодежи в России (58,6%) увере-

на в необязательности выполнения такой обязанности, как несение воинской службы, около трети (27,9%) считают, что не обязательно платить налоги, и почти четверть (22,4%) молодых россиян выражают несогласие с необходимостью полностью следовать нормам Конституции и законов РФ [1].

Исходя из данного положения вещей, важно измерить масштабы распространенности в цифровом пространстве такой неконструктивной позиции, которая оправдывает акцент на гражданских правах и пренебрежение гражданскими обязанностями.

Настоящее исследование имеет цель проанализировать структурные и содержательные характеристики информационных потоков в социальных медиа Рунета, отражающие маркеры правозащитного дискурса.

Теоретико-методологические основы исследования представлены базовыми результатами и положениями в работах Р.Э. Бараша, В.В. Петухова, Р.В. Петухова о потенциале политического и общественного гражданского интернет-активизма [2]; М. Грановеттера о «слабых сетях» единомышленников в процессе мобилизации протестной активности в цифровой среде [3]; А.С. Ахременко о факторах эффективности воздействия социально-медийных сообщений на аудиторию [4]; В.А. Сибирева, Н.А. Головина, А.А. Клебанова о механизмах политической консолидации в социальных медиа участников социального движения [5]; А.Н. Балашова и М.А. Бочанова о цифровых форматах гражданской активности населения [6]; И.А. Брон-

Рис. 1 / Fig. 1. Динамика интенсивности обсуждения правозащитных тем в период с мая по июнь 2020 г. с разной модальностью / Dynamics of the intensity of discussion of human rights topics in the period from May to June 2020 with different modalities

Источник / Source: составлено автором / the author.

никова о создании новых практик гражданского активизма, их консолидации, практиках смещения общественного интереса с актуальных проблем [7]; Е.В. Бродовской и Т. Хуанга о структуре гражданской активности российской молодежи [8]; Р.В. Пырмы о структуре политических предпочтений российской молодежи [9]; М. Джеймса (James M.) о факторах протестной активности в Европе [10]; С.Г. Ушкина о мотивации гражданской активности [11]; Н.Н. Седовой о смысловом поле понятия гражданской активности [12]; Л.И. Никовской, И.А. Скалабан о дискурсах гражданского активизма [13].

Базовый метод исследования — автоматизированная социально-медийная аналитика (инструмент — сервис для мониторинга социальных медиа IQBuzz). Характеристики аккумулированного контента: глубина — май-август 2020 г., 10 наиболее популярных блогхостингов и социальных сетей, общий объем выгрузки — 200000 документов. Поиск запросы отражали цифровые маркеры репрезентации в социальных медиа правозащитных дискурсивных практик.

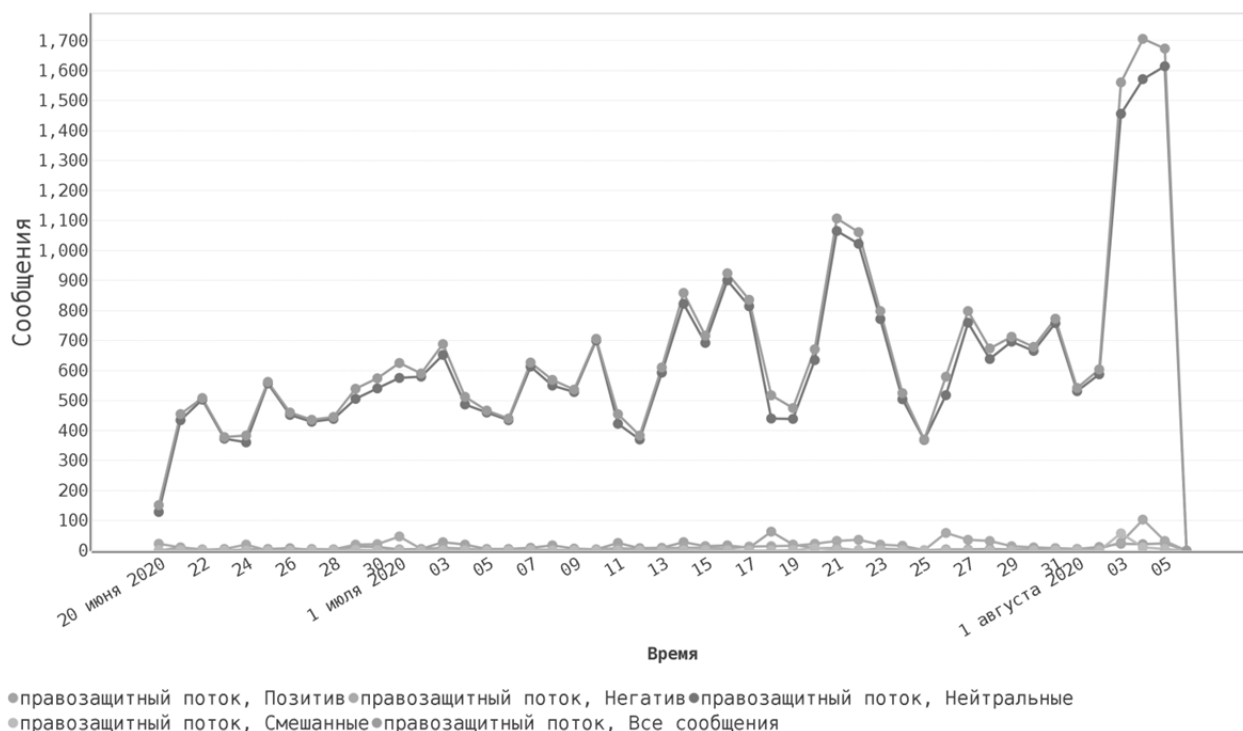
Измеряемые в ходе социально-медийного анализа параметры: 1) структурные: динамика информационного потока; структура модальности документов информационного потока; распределение

сообщений информационного потока по социальным медиа; охват пользовательской аудитории; гендерная структура пользовательской аудитории; возрастная структура пользовательской аудитории; 2) содержательные: тематическая принадлежность сообщения; тональность сообщения; наличие неконвенциональной лексики в сообщении; специфика содержательной реакции на сообщение.

Переходя к результатам эмпирического исследования, подчеркнем, что правозащитный поток в структуре социально-медийного потока, содержащего маркеры гражданского активизма россиян, довольно репрезентативный. Наряду с другим типом потока, отражающего гражданские установки (таким как экологический поток) правозащитный массив социально-медийных документов имеет порядка 1700 постов в сутки в среднем за период с 01.03.2020 по 01.10.2020 г. Это значения, близкие к публикационной активности в рамках волонтерского потока и потока о социально-культурных проектах в социальных медиа (2500 постов в сутки), считающихся наиболее интенсивными и имеющими поддержку со стороны государственных и негосударственных структур [14].

Глубина аккумулирования релевантных предмету исследования документов была предопределена

Рис. 2 / Fig. 2. Динамика интенсивности обсуждения правозащитных тем в период с июля по август 2020 г. с разной модальностью* / Dynamics of the intensity of discussion of human rights topics in the period from July to August 2020 with different modalities

Источник / Source: составлено автором / the author.

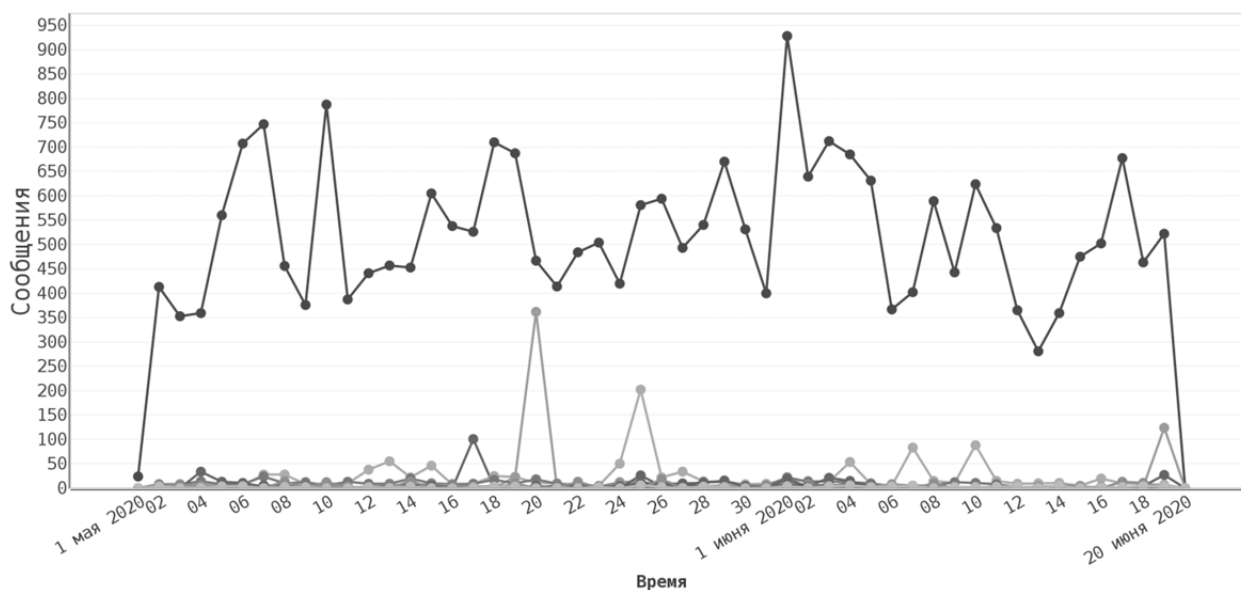
* Анализируемый период делится на два интервала по двум причинам: технической причиной служит то, что сервис для мониторинга социальных медиа IQBuzz предоставляет график публикационной активности с фиксацией объема постов в каждый день анализируемого периода, в связи с чем визуализация динамики измеряемого потока осуществляется с ограничением в два месяца. Содержательная причина – в том, что в указанные два периода действуют разные триггеры – события, стимулирующие генерирование и циркуляцию правозащитного потока в социальных медиа. Для первого периода (май-июнь 2020 г.) характерно доминирование таких триггеров, как ограничения, принимаемые органами власти в связи с нераспространением коронавируса, подготовка к голосованию по поправкам в Конституцию и дело С.И. Фургала. Во втором периоде (июль-август 2020 г.) на передний план выдвигаются такие триггеры, как начало активной фазы электоральной кампании перед Единым днем голосования (ЕДГ-2020) и ситуация с А. Навальным. Такое разделение общего периода на фазы позволяет более ясно и детально изучить особенности динамических, технологических, структурных и дискурсивных характеристик измеряемого социально-медийного потока.

пилотажной выгрузкой, выявившей период с наиболее интенсивной публикационной активностью блогов и сообществ правозащитной направленности. На рис. 1 и 2 показаны графики динамики интенсивности обсуждения правозащитных тем в период с мая по август 2020 г. в зависимости от модальности постов.

Ключевыми триггерами правозащитной риторики в цифровой среде в мае-июне 2020 г. служили три параллельных обстоятельства: ограничения в связи с пандемией коронавируса, подготовка к голосованию по поправкам в Конституцию РФ и дело бывшего губернатора Хабаровского края С.И. Фургала. События, разворачивающиеся на фоне этих трех «спусковых крючков» роста правозащитных настроений, поддерживали тонус динамики публикационной активности на дан-

ную тему. Обсуждаемые контексты в этой связи: нарушение прав на свободу передвижения, самоопределения, отсутствие должной поддержки организаций негосударственного сектора в период распространения COVID-19, невозможность проголосовать отдельно по каждой группе поправок в Конституцию, формирование отношения к задержанию С.И. Фургала как к показательному процессу нарушения прав личности и конструирование ситуации с А. Навальным как «отравления и попытки лишения жизни».

Период с июля по август характеризуется маятниковобразным нарастанием интенсивности правозащитного потока в социальных медиа. В этот период к уже имеющимся триггерам присоединяются события, связанные с А. Навальным и началом кульминационной фазы электоральной кампании

- <http://vk.com>, • <http://www.odnoklassniki.ru/>, • <http://pikabu.ru>,
- <http://instagram.com>, • <https://vc.ru>, • <http://livejournal.com>,
- <http://www.facebook.com>, • <http://newsland.ru>, • <http://www.inosmi.ru>,
- <http://mirtesen.ru>,

Рис. 3 / Fig. 3. Динамика интенсивности обсуждения правозащитных тем в период с мая по июнь 2020 г. в различных социальных медиа / Dynamics of the intensity of discussion of human rights topics in the period from May to June 2020 in various social media

Источник / Source: составлено автором / the author.

ЕДГ-2020. Среди обсуждаемых тем в правозащитном потоке — ситуация с допуском кандидатов оппозиционных политических сил к участию в выборах, эксплуатация темы «отравления» А. Навального в правозащитном контексте.

Наиболее весомыми по объему стали посты нейтрального типа, что указывает, как правило, на ограничения программного обеспечения в определении тональности документа. Соотношение же позитивных и негативных постов говорит о преобладании последних, указывая тем самым на наличие неконвенциональной риторики, критичной по отношению к действующей власти в рамках правозащитной практики.

На рис. 3 и 4 отражена динамика изучаемого потока, распределенная для различных социальных медиа.

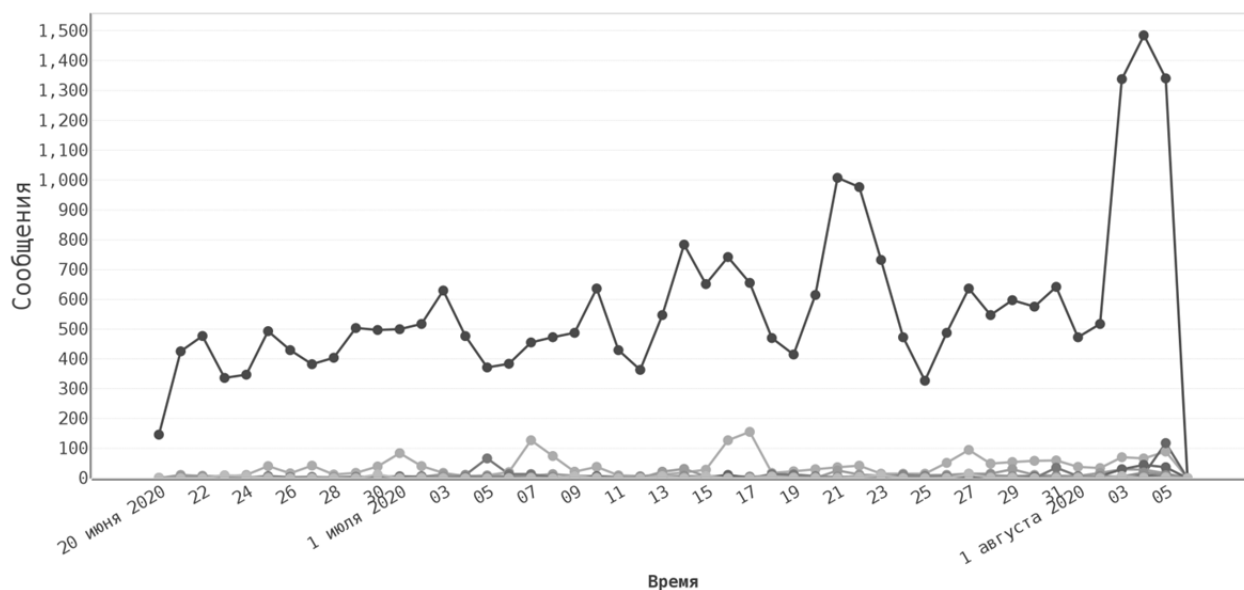
На рис. 3 и 4 видно, что правозащитная тема в течение всего изучаемого периода в большей степени циркулирует в пространстве блогостинга «ВКонтакте». Несколько максимальных экстремумов, характерных для «Instagram», «Одноклассники» и «Inosmi» можно наблюдать во второй половине мая и в июне. Однако в этих социальных медиа интерес к правозащитной теме носит разовый, несистемный характер.

В июле-августе доминирование «ВКонтакте» как основной площадки правозащитной риторики сохраняется. Вместе с тем наблюдается активизация сети «Одноклассники», продуцирующей не столь объемный, но относительно стабильный поток правозащитных постов.

В блогостинге «Одноклассники» наиболее представительную аудиторию имеют блоги, уделяющие существенное место правозащитной теме: «Телеканал Дождь» и «Эхо Москвы» (см. таблицу).

Социально-демографический портрет пользовательской аудитории, вовлеченной в правозащитный поток, представлен на рис. 5 и 6.

Фактически паритетный интерес к правозащитной теме демонстрируют россияне обеих гендерных групп с небольшим преобладанием в пользу мужской группы. Традиционным для аудитории гражданско-политических потоков является довольно существенное доминирование мужчин в числе аудитории данных потоков, так как представители этой гендерной группы чаще склонны поддерживать критическую, протестную, неконвенциональную риторику в социальных медиа, тогда как женщины реже проявляют интерес к таким социально-медийным контекстам. Для правозащитного социально-медийного потока эта характерная тенденция

- <http://vk.com>, • <http://www.odnoklassniki.ru/>, • <http://forum.mamaabakana.ru>,
- <https://vc.ru>, • <http://pikabu.ru>, • <http://livejournal.com>,
- <http://www.facebook.com>, • <http://mirtesen.ru>, • <http://omskmama.ru/>,
- <http://www.inosmi.ru>,

Рис. 4 / Fig. 4. Динамика интенсивности обсуждения правозащитных тем в период с июля по август 2020 года в различных социальных медиа / Dynamics of the intensity of discussion of human rights topics in the period from July to August 2020 in various social media

Источник / Source: составлено автором / the author.

Таблица / Table

**Блоги, продуцирующие правозащитные информационные потоки /
Blogs producing advocacy information streams**

Название блога	Источник	Аудитория (чел.)
Телеканал Дождь	Одноклассники	295 800
Эхо Москвы	Одноклассники	248 426
Новости РБК	Одноклассники	337 305
Подслушано – Здесь говорят о тебе	Одноклассники	147 206

Источник / Source: составлено автором / the author.

проявилась лишь отчасти, поскольку, как видно из рис. 5, россиянки почти не уступают пользователям-мужчинам в вовлеченности в обсуждение проблем защиты прав личности.

Возрастная структура аудитории правозащитного потока в целом повторяет распределение по возрастным группам аудитории гражданско-политических тем в социальных медиа. Целевой группой постов о защите прав личности служит возрастная общность россиян 16–45 лет с явным преобладанием пользователей 26–35 лет. Сокращение возрастной аудитории рассматриваемого потока, достигшей 55 лет, предопределяется структурой национальной пользовательской аудитории,

характеризующейся межпоколенческим цифровым разрывом.

Для понимания смыслов и значений, формируемых в правозащитном потоке социальных медиа, проанализируем наиболее типичные и резонансные дискурсивные практики, отраженные в аккумулярованном контенте.

Отметим вначале, что пользовательская аудитория неформальных социально-медийных потоков, репрезентирующих цифровые маркеры гражданского активизма правозащитной направленности, существенно преобладает над аудиторией формальных потоков аналогичного характера, т.е. неформальные потоки имеют большую влияние

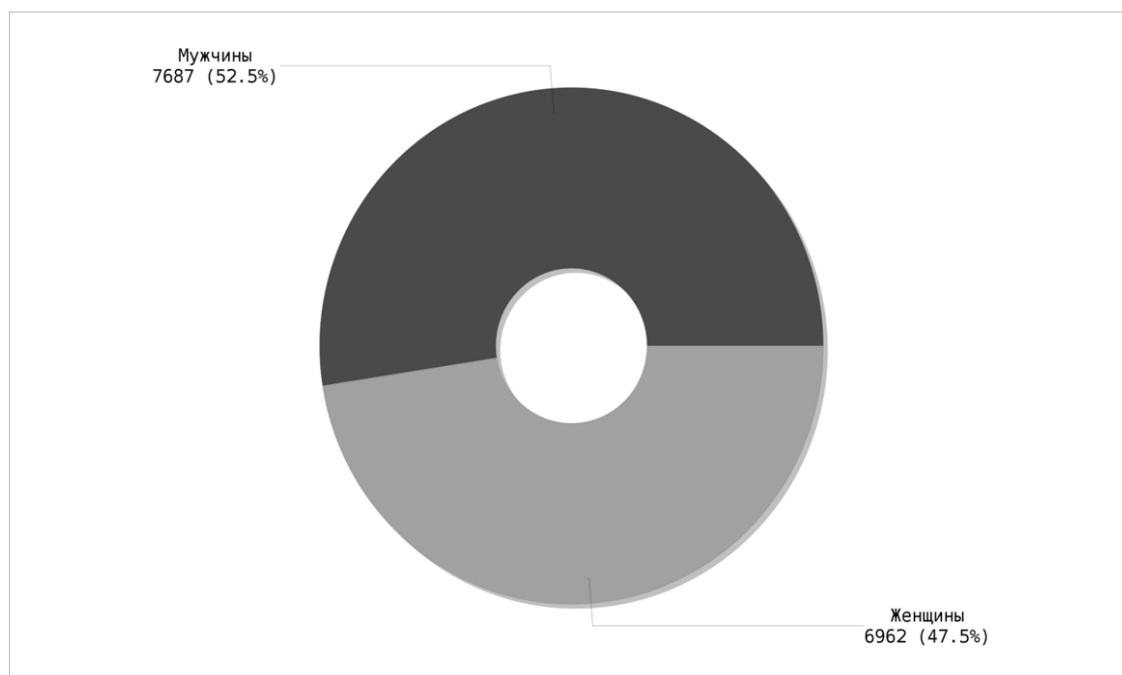

Рис. 5 / Fig. 5. Гендерная структура пользовательской аудитории правозащитного потока в социальных медиа / Gender structure of the user audience of the human rights stream on social media

Источник / Source: составлено автором / the author.

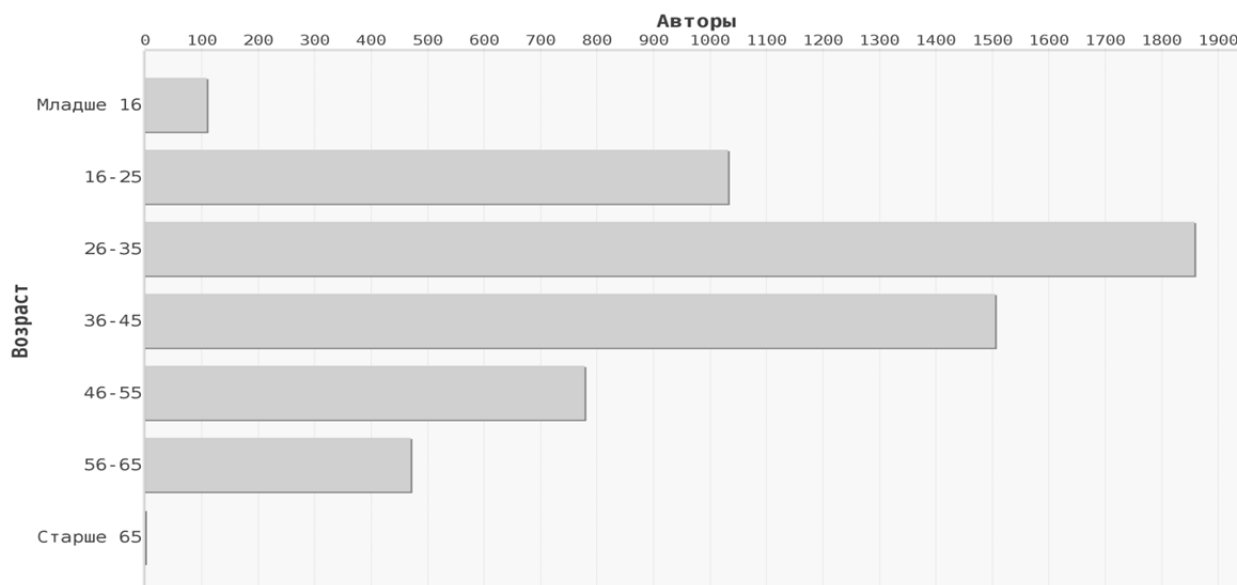

Рис. 6 / Fig. 6. Возрастная структура пользовательской аудитории правозащитного потока в социальных медиа / The age structure of the user audience of the advocacy stream on social media

Источник / Source: составлено автором / the author.

в сравнении с потоками, создаваемыми официальными онлайн-группами.

Основными маркерами гражданских установок неформального сообщества служат критические оценки действий власти, выраженные посредством иронических и даже саркастических отзывов, в первую очередь в контексте борьбы с распространением коронавируса.

Для неформальных потоков характерна не только большая, в сравнении с формальными потоками, вовлеченность пользователей, но и более интенсивная активность в процессе восприятия информации: почти втрое более интенсивное выражение позитивных оценок (лайков), на треть больше комментариев и вдвое выше виральный потенциал. Все это свидетельствует о том, что в неформальных

цифровых сообществах, которые являются более влиятельными, доминирует неконвенциональный формат гражданских установок, так называемая «культура критики, иронии и сарказма».

В наиболее влиятельных социально-медийных группах (сообществах, продуцирующих неформальные потоки) зафиксированы цифровые маркеры довольно узкого ряда типов гражданкой активности, фактически редуцированных до деятельности по выражению неконвенциональных, критических установок по отношению к действующей власти.

Кроме того, наблюдается тенденция к использованию онлайн-сетевыми инфлюенсерами любого подходящего ивента с целью его преобразования в правозащитный формат протестной направленности.

Резюмируя итоги анализа структурных и содержательных характеристик правозащитного потока в структуре потоков, отражающих гражданские установки россиян, перечислим основные результаты. Данный поток имеет довольно существенную репрезентацию в социальных медиа и весомый объем поддерживающей его интернет-аудитории. Основные точки роста публикационной активности в социальных медиа инфлюенсеры — «правозащит-

ники» — привязывают к ивентам, маркируемым ими как «громкие случаи» нарушения прав личности, чем и объясняется наличие маятникообразной динамики в развитии правозащитного информационного потока. Базовой таргетной группой правозащитного потока служит социальная общность молодежи обеих гендерных категорий, критически ориентированной по отношению к действующей власти. Дискурсные практики о защите прав личности обладают наиболее высоким потенциалом неконвенциональности и протестной направленностью. Для мобилизации общественного активизма в рамках правозащитных потоков наиболее резонансные события конструируются в контексте нарушения прав личности как триггеры, «спусковые крючки» формирования общественного недовольства. Правозащитный поток в социальных медиа необходимо мониторить с целью генерирования альтернативного потока. Создаваемые оппозиционными инфлюенсерами правозащитные дискурсы следует сопровождать с целью недопущения доминирования дискурсивных практик, подрывающих доверие россиян к действующей власти и смещающих гражданские и политические ценности российских пользователей социальных медиа.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Домбровская А.Ю. Гражданский активизм молодежи в современной России: особенности проявления в онлайн- и офлайн-средах. *Власть*. 2020;(2):51–58.
2. Бараш Р.Э., Петухов В.В., Петухов Р.В. Информационно-коммуникационные факторы формирования новых практик гражданского активизма. *Социологическая наука и социальная практика*. 2015;4(12):99–125.
3. Granovetter M.S. The strength of weak ties: a network theory revisited. *Sociological Theory*. 1983;(1):201–233.
4. Ахременко А.С., Стукал Д.К., Петров А.П. Сеть или текст? Факторы распространения протеста в социальных медиа: теория и анализ данных. *Полис. Политические исследования*. 2020;(2):73–91.
5. Сибирев В.А., Головин Н.А., Клебанов А.А. Сетевые сообщества в борьбе вокруг решения передать Исаакиевский собор Русской православной церкви (январь-июнь 2017 года). *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2018;(1):296–317. DOI: 10.14515/monitoring.2018.1.15
6. Балашов А.Н., Бочанов М.А. Интернет-технологии как фактор развития политической активности граждан: тренды и противоречия. *PolitBook*. 2017;(2):22–34.
7. Бронников И.А. Политические практики сетевого гражданского активизма в России: новые платформы и технологии. *PolitBook*. 2019;(2):6–24.
8. Бродовская Е.В., Хуанг Т. Цифровое поколение: гражданская мобилизация и политический протест российской молодежи. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2019;(5):3–18.
9. Пырма Р.В. Теоретические аспекты исследования политических предпочтений российской молодежи. *Власть*. 2020;(4):157–162.
10. James M. Jasper and Jan Willem Duyvendak, eds. *Players and Arenas: The Interactive Dynamics of Protest*. Amsterdam: Amsterdam University Press; 2015. 322 p.
11. Ушкин С.Г. На пути к лучшему обществу, или почему люди становятся активистами? *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2016;(3):33–47.
12. Седова Н.Н. Гражданский активизм в современной России. *Социологический журнал*. 2014;(2):48–71.
13. Никовская Л.И., Скалабан И.А. Гражданское участие: особенности дискурса и тенденции реального развития. *Полис. Политические исследования*. 2017;(6):43–60. DOI: 10.17976/jpps/2017.06.04

14. Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю., Карзубов Д.Н. Цифровые сообщества гражданских и политических активистов в России: интегрированность, управление и мобилизационный потенциал. *Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал)*. URL: www.evestnik-mgou.ru.

REFERENCES

1. Dombrovskaya A. Yu. Civic activism of youth in modern Russia: features of manifestation in online and offline environments. *Vlast*. 2020;(2):51–58. (In Russ.).
2. Barash R.E., Petukhov V.V., Petukhov R.V. Information and communication factors in the formation of new practices of civic activism. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika*. 2015;4(12):99–125. (In Russ.).
3. Granovetter M.S. The strength of weak ties: a network theory revisited. *Sociological Theory*. 1983;(1):201–233.
4. Akhremenko A.S., Stukal D.K., Petrov A.P. Web or text? Drivers of Protest Spread on Social Media: Theory and Data Analysis. *Polis*. 2020;(2):73–91. (In Russ.).
5. Sibirev V.A., Golovin N.A., Klebanov A.A. Network communities in the struggle over the decision to transfer St. Isaac's Cathedral to the Russian Orthodox Church (January–June 2017). *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskkiye i sotsial'nyye peremeny*. 2018;(1):296–317. (In Russ.).
6. Balashov A.N., Bochanov M.A. Internet technologies as a factor in the development of political activity of trends and contradictions. *PolitBook*. 2017;(2):22–34. (In Russ.).
7. Bronnikov I.A. Political practices of online civic activism in Russia: new platforms and technologies. *PolitBook*. 2019;(2):6–24. (In Russ.).
8. Brodovskaya E.V., Huang T. Digital generation: civil mobilization and political protest of Russian youth. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskkiye i sotsial'nyye peremeny*. 2019;(5):3–18. (In Russ.).
9. Pyrma R.V. Theoretical aspects of the study of political preferences of Russian youth. *Vlast*. 2020;(4):157–162. (In Russ.).
10. James M. Jasper and Jan Willem Duyvendak, eds. *Players and Arenas: The Interactive Dynamics of Protest*. Amsterdam: Amsterdam University Press; 2015. 322 p.
11. Ushkin S.G. Towards a Better Society, or Why Do People Become Activists? *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskkiye i sotsial'nyye peremeny*. 2016;(3):33–47. (In Russ.).
12. Sedova N.N. Civil activism in modern Russia. *Sotsiologicheskij zhurnal*. 2014;(2):48–71. (In Russ.).
13. Nikovskaya L.I., Skalaban I.A. Civic participation: features of discourse and trends of real development. *Polis*. 2017;(6):43–60. (In Russ.).
14. Brodovskaya E.V., Dombrovskaya A. Yu., Karzubov D.N. Digital communities of civil and political activists in Russia: integration, management, and mobilization potential. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyy zhurnal)*. URL: www.evestnik-mgou.ru. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Анна Юрьевна Домбровская — доктор социологических наук, профессор Департамента политологии, Финансовый университет, Москва, Россия; доцент кафедры социально-политических исследований и технологий Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия an-doc@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Anna Yu. Dombrovskaya — Dr. Sci. (Sociology), Professor, Department of Political Science, Financial University, Moscow, Russia; Associate Professor, Department for Social and Political Research and Technologies, Institute for History and Politics, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia an-doc@yandex.ru

Статья поступила 30.12.2020; принята к публикации 30.01.2021.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article received on 30.12.2020; accepted for publication on 30.01.2021.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-2-111-113
УДК 323(045)

Современный социалистический Вьетнам: перспективы для инвесторов

С.Н. Сеницын

Московский государственный институт международных отношений (МГИМО МИД РФ), Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-9518-2171>

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются аспекты взаимодействия государства и бизнеса, а также – роль государства в развитии инновационных проектов в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Социалистическая Республика Вьетнам – один из наиболее быстро развивающихся центров инновационных проектов в Азиатско-Тихоокеанском регионе, где самыми привлекательными для инвестиций являются сферы финансов, образования, технологий, искусственного интеллекта и блокчейн-технологий. Вьетнам стал обладателем кадрового потенциала, способного производить высококачественные инновационные проекты. Образование во Вьетнаме является социальной задачей государства, где многочисленные университеты и институты, а также бизнес-акселераторы, бизнес-инкубаторы и коворкинг-центры играют важную роль в подготовке кадров.

Ключевые слова: Социалистическая Республика Вьетнам; АСЕАН; Азиатско-Тихоокеанский регион; инвестиционная экосистема; TECHFEST VIETNAM; инновационные проекты; бизнес-инкубаторы; высокие технологии; государство и бизнес

Для цитирования: Сеницын С.Н. Современный социалистический Вьетнам: перспективы для инвесторов. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(2):111-113. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-2-111-113

ORIGINAL PAPER

Modern Socialist Vietnam: Perspectives for Investors

S.N. Sinitsyn

Moscow State Institute of International Relations, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-9518-2171>

ABSTRACT

The article considers aspects of the interaction between the state and business and describes the state's role in developing innovative projects in the Asia-Pacific region. The Socialist Republic of Vietnam is one of the most rapidly growing centres of innovative projects in the Asia-Pacific region. The most attractive sectors to invest in here are finance, education, technology, artificial intelligence and blockchain technologies. SRV has acquired a human resource capacity that is capable of producing high-quality, innovative projects. Education in Vietnam is a social task for the state. Numerous universities and institutes and business accelerators, business incubators, and coworking centres play an essential role in personnel training.

Keywords: Socialist Republic of Vietnam; ASEAN; Asia-Pacific region; investment ecosystem; TECHFEST VIETNAM; innovative projects; business incubators; high technologies; government and business

For citation: S.N. Sinitsyn. Contemporary socialist Vietnam: Perspectives for investors. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(2):111-113. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-2-111-113

ВВЕДЕНИЕ

2016 г. был объявлен во Вьетнаме «Годом инновационных стартапов», и в течение 4 лет экосистема инновационных стартапов прошла путь от стадии зарождения до значимого для всего региона и популярного направления. Социалистический Вьетнам, сохраняя традиции и принципы, ныне

представляет собой процветающее пространство для инвестиционной деятельности.

Стартапами называются проекты, представляющие какую-либо свежую идею. Они воплощаются, как правило, в компаниях с короткой историей операционной деятельности. И сейчас Вьетнам является одним из наиболее быстро развиваю-

щихся центров таких инновационных проектов в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Согласно отчету инвестиционного фонда ESP Capital и Cento Ventures инвестиционная экосистема Вьетнама занимает 3-е место в АСЕАН с заметным ростом объема венчурных инвестиций с 5% в 2018 г. до 17% в 2019 г. Следует отметить, что в течение последних 4 лет общая стоимость сделок выросла на 300%, с 205 млн долл. США в 2015 г. до 851 млн долл. США в 2019 г.¹ Самыми привлекательными для инвестиций во Вьетнаме являются сферы финансов, образования, технологий, искусственного интеллекта, а также новейшая сфера блокчейн-технологий.

СОЦИАЛИЗМ – НЕ ПОМЕХА СТРЕМИТЕЛЬНОМУ РОСТУ ЧИСЛА ИНВЕСТОРОВ

В 2019 г. число активных инвесторов и инвестиционных фондов увеличилось вдвое по сравнению с предыдущим годом. Иностранные инвесторы, в особенности из Кореи и Сингапура, составили 30% от общего числа инвесторов. По данным годового отчета ESP Capital и Cento Ventures, Вьетнам занимает 3-е место в рейтинге инновационных проектов (стартапов) среди 6 крупнейших стран АСЕАН, уступая лишь Индонезии и Сингапуру. Следует отметить самые примечательные инвестиционные сделки: инвестиция Temasek, сингапурского фонда национального благосостояния, в компанию VNG в размере 29 млн долл. США², инвестиция в размере 300 млн долл. США в VNPAY от Softbanks & GIC investments [1], а также инвестиция в размере 100 млн долл. США в компанию MoMo от Warburg Pincus [2]. Сделка с VNG является первой сделкой, благодаря которой эта компания получила статус «единорога», частной компании со стоимостью, превышающей 1 млрд долл. США, в то время как ее рыночная капитализация составляет примерно 51 трлн вьетнамских донгов (2,2 млрд долл. США) [3]. Это триумфальный результат.

ВЬЕТНАМСКИЙ СОЦИАЛИЗМ СПОСОБСТВУЕТ ПОЯВЛЕНИЮ МНОЖЕСТВА НОВЫХ И ПЕРСПЕКТИВНЫХ ПРОЕКТОВ ДЛЯ ТЕХНИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛИСТОВ

Поскольку во Вьетнаме собраны, воспитываются и поддерживаются государством высококлассные

технологические таланты, страна является обладательницей кадрового потенциала, способного производить высококачественные инновационные проекты. Выявляя же причины данных успехов, следует отметить важную роль университетов, институтов по подготовке кадров, а также поставщиков услуг, таких как бизнес-акселераторы, бизнес-инкубаторы и коворкинг-центры. Во Вьетнаме государство продолжает заботиться о подготовке и воспитании кадров, считая это своей стратегической задачей.

Всего во Вьетнаме насчитывается 138 университетов, институтов и колледжей, которые организуют инновационные проекты-мероприятия и конкурсы для поощрения предпринимательства, служат платформой для обучения студентов и развития у них навыков инициативы создания компаний с нуля. Примечательно, что 43 из вышеупомянутых учреждений создали бизнес-инкубаторы, центры и клубы для оказания долгосрочной поддержки новым проектам [4].

Образование во Вьетнаме — не бизнес и не относится к сфере услуг, а является социальной задачей государства. Что касается подготовки и воспитания кадров, то к 2019 г. насчитывалось 37 бизнес-инкубаторов и 23 бизнес-акселератора, в основном сосредоточенных в Ханое и Хошимине. С каждым годом появляется все больше новых экспериментальных площадок, например Saola, новейший бизнес-акселератор, управляющий пятьюстами проектами (Startups) — американская венчурная компания, осуществившая большой объем инвестиций во Вьетнам, а также имеющая офис во Вьетнаме [4]. Кроме того, некоторые акселераторы в таких областях, как сельское хозяйство, туризм, финансовые технологии, имеют особую поддержку государства. В 2019 г. в стране было открыто 170 коворкинг-центров, на 250% больше по сравнению с 2017 г. [3]

Заслуживает внимания тот факт, что связь между участниками в экосистеме укрепляется через эффективные сети и сообщества, сформированные в ней. Очень важна также динамика инвестиционных проектов в самих сообществах.

НЕОТЪЕМЛЕМАЯ РУКОВОДЯЩАЯ РОЛЬ И ЗАБОТА ГОСУДАРСТВА

Правительство социалистического Вьетнама играет конструктивную роль в стимулировании и развитии современной экономической системы — от принятия закона о передаче технологий, закона о поддержке малого и среднего бизнеса до указов и постановлений, касающихся формирования ин-

¹ Vietnam Tech Investment — H1 2019. URL: <https://www.cento.vc/vietnam-tech-investment-report-h1-2019/>.

² VC News Network. URL: <https://www.qontent.asia/singaporestate-investor-temasek-picks-up-us29-million-worth-of-shares-in-vng/>.

вестиционных фондов для новых проектов, а также привлечения иностранных инвесторов. Правительство создало правовой коридор, обеспечивающий благоприятные условия для вьетнамской системы инновационных инвестпроектов. Ключевой в данной сфере была Инициатива по созданию экосистемы стартапов во Вьетнаме (Национальная программа 844), направленная на финансовую поддержку организаций и создателей экосистемы. Таким образом, государство делает все необходимое для становления стартапов.

Важной вехой в продвижении инновационной экосистемы стали усилия министерства науки и технологий Вьетнама по проведению TECHFEST VIETNAM — ежегодного мероприятия для инновационных стартапов, а также по его выводу на международные площадки, такие как США, Корея и Сингапур. В прошлом году в TECHFEST приняли участие более 700 новых проектов и 295 изобретателей и экспертов, 40% из которых — из международных организаций [5]. В этом году TECHFEST,

как ожидается, пройдет в ноябре и будет включать в себя несколько виртуальных конференций и презентаций для заинтересованных лиц со всего мира (в связи с ситуацией вокруг пандемии COVID-19). Более того, TECHFEST продолжит свой курс, открывая новые направления в других странах, в частности в России.

Все успехи политики привлечения инвестиций в страну стали возможны благодаря тому, что Коммунистическая партия Вьетнама и Отечественный фронт, возглавляемый ею, делают все для сохранения общественных устоев и национальной морали. Руководство Вьетнама, делая важный акцент на формировании правового государства, обеспечивает укрепление в обществе социальных и правовых начал, опираясь на исторический опыт, менталитет вьетнамского народа, особенности политической культуры, и решительно отвергает любые элементы западной культуры, которые угрожают подорвать политическую стабильность, национальную культуру и идентичность Вьетнама.

REFERENCES

1. Luu Huong. VNLIFE bags \$ 300 million investment from Softbank and GIC. URL: <https://www.vir.com.vn/vnlife-bags-300-million-investment-from-softbank-and-gic-69568.html>.
2. Mars Woo. Vietnamese fintech startup Momo bags US\$ 100m from Warburg Pincus. URL: <https://kr-asia.com/vietnamese-fintech-startup-momo-bags-us100m-from-warburg-pincus>.
3. Van B. Hoang, Huong M. T. Hoang, Ngoc B. T. Nguyen. What you need to know about Vietnamese Startup Ecosystem in 2019. URL: <https://medium.com/vietnamupstars/overview-of-the-vietnamese-startup-ecosystem-954905cebaf>.
4. Phuong Q. Nguyen, Nam V. Le. Vietnam's startup ecosystem (3): Non-government support for startups — Who is taking part in the game? URL: <https://medium.com/vietnamupstars/vietnams-startup-ecosystem-3-non-government-support-for-startups-who-is-taking-part-in-the-294a04e3092d>.
5. . Tran J. Vietnam not gunning for new venture deals at TECHFEST 2020. URL: <https://medium.com/jamilletters/vietnam-not-gunning-for-new-venture-deals-at-techfest-2020-74e2859b36c1>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сергей Николаевич Сеницын — директор дирекции по эксплуатации и ремонту зданий и сооружений, Московский государственный институт международных отношений (МГИМО МИД РФ), Москва, Россия
ssn-nss@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Sergey N. Sinitsyn — Director of the Directorate for Operation and Repair of Buildings and Equipment, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO MFA RF), Moscow, Russia
ssn-nss@yandex.ru

Статья поступила 30.11.2020; принята к публикации 18.02.2021.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article received on 30.11.2020; accepted for publication on 18.02.2021.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-2-114-119
УДК 159.92.1(045)

О некоторых аспектах эмоционального интеллекта и его использования в вузе

О.И. Максимова

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-7096-4724>

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается проблема формирования и развития эмоционального интеллекта (ЭИ) у студентов. Отмечается существование взаимосвязи интеллекта и эмоций. Перечислены компоненты модели ЭИ Д. Гоулмана, охватывающие различные умения и навыки, на формирование и развитие которых необходимо направлять усилия в ходе образовательного и воспитательного процесса. Определены задачи, в решении которых ЭИ играет важную роль. Представлен обзор существующих на сегодняшний день ключевых методик оценки и определения уровня ЭИ. Приведены выводы исследований, подтверждающие точку зрения о возможности целенаправленного развития ЭИ. В конце статьи автор делает заключение о том, что задача формирования и развития эмоционального интеллекта студентов приобретает особое значение в образовании, и ее решение позволит учащимся успешно преодолевать трудности различного свойства и комфортно чувствовать себя в социуме.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект; адаптивные способности; эмоциональное выгорание; уровни сформированности; методики оценки

Для цитирования: Максимова О.И. О некоторых аспектах эмоционального интеллекта и его использования в вузе. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(2):114-119. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-2-114-119

ORIGINAL PAPER

On Some Aspects of Emotional Intelligence and Its Use in the Higher Education Entities

O.I. Maksimova

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-7096-4724>

ABSTRACT

The article deals with the problem of the formation and development of emotional intelligence (EI) in students. The author noted that there is a relationship between intelligence and emotions. Next? The author listed five components of D. Goleman's EI model, covering various skills and abilities, the formation and development of which should be directed efforts during the educational and educational process. Further, the author defined the tasks in which EI played an important role and presented an overview of current key methods for assessing and determining EI level. In the end, the author presented the conclusions of research confirming the point of view about the possibility of targeted development of EI. Also, the author concluded that the formation and development of students' emotional intelligence have particular importance in education, and its solution will allow students to successfully overcome difficulties of various properties and feel comfortable in society.

Keywords: emotional intelligence; adaptive abilities; emotional burnout; levels of formation; assessment methods

For citation: Maksimova O.I. On some aspects of emotional intelligence and its use in the higher education entities. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(2):114-119. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-2-114-119

Согласно материалам, опубликованным по итогам проведения 46 Всемирного экономического форума (ВЭФ) в 2016 г., эмоциональный интеллект занял 6 позицию в списке компетенций, которыми должны обладать студенты в 2020 г. (см. таблицу). Стоит обратить внимание на то, что в аналогичном списке, относящемся к 2015 г., эта компетенция отсутствует.

Чем же была вызвана необходимость формирования эмоционального интеллекта у современной студенческой молодежи во всем мире? Интерес к эмоциональному интеллекту возник из-за неспособности классических IQ-тестов (коэффициент интеллекта) объяснить особенности мотивации и поведения людей [1, с. 79].

Еще С. Спиноза полагал, что аффекты являются мотивами поступков. Ж.-Ж. Руссо считал, что в деле познания человек движется за эмоциями и что обучение, основанное исключительно на логических постулатах, не будет успешным. Ч. Дарвин указывал на взаимовлияние мышления и эмоций. В 1908 г. в своей книге «Психология эмоционального мышления» немецкий психолог Г. Майер, классифицируя виды мышления, помимо логического, выделил и эмоциональное. В 1940 г. американский психолог и психиатр Д. Векслер, создатель шкал интеллекта, в своей работе «Неинтеллектуальные факторы в общем интеллекте» высказал мнение о том, что при развернутой оценке интеллекта нужно учитывать и неинтеллектуальные стороны мышления.

Труды современных отечественных ученых указывают на то, что существует взаимосвязь эмоций и интеллекта, что уровень развития одного обуславливается уровнем развития другого, и уровень активности эмоциональной регуляции оказывает влияние на результат интеллектуальной деятельности. В этих работах затрагивается проблема существования разрыва между мышлением и эмоциональной сферой. Согласно Л. С. Выготскому, тот, «кто оторвал мышление с самого начала от аффекта, навсегда закрыл себе дорогу к объяснению причин самого мышления» [2]. С точки зрения С. Л. Рубинштейн, эмоции «представляют собой единство эмоционального и интеллектуального, так же, как и познавательные процессы» [3, с. 131].

Исследователи определяют «совокупность ментальных способностей к идентификации,

пониманию и управлению эмоциями» как эмоциональный интеллект. Его можно рассматривать как «набор способностей и соотношение когнитивных, личностных и мотивационных черт» [4]. Полагают, что эмоциональный интеллект, давая возможность понимать эмоции, обостряет здравый смысл и позволяет предпринимать адекватные действия. Более того, исследования свидетельствуют, что «около 80% успеха в социальной и личной сферах определяет именно уровень развития эмоционального интеллекта и лишь 20% всем известный IQ-коэффициент умственного развития» [4].

Познание эмоционального состояния, умение осознать и проанализировать переживания позволяют адекватно выстраивать отношения с окружающим миром: создавать правильные отношения в коллективе, обладать способностью к командной работе, уметь адаптироваться к постоянно меняющимся ситуациям и обстоятельствам.

Д. Гоулман, американский психолог, занимающийся исследованиями в области влияния эмоционального интеллекта на профессиональную эффективность, творческий и профессиональный рост, указывает, что человек, обладающий ЭИ, способен «истолковывать собственные эмоции и эмоции окружающих с тем, чтобы использовать полученную информацию для реализации собственных целей» [5, с. 263]. Предложенная им модель ЭИ включает в себя несколько компонентов. Говоря о самосознании, ученый отмечает такие характеристики, как самосознание своих внутренних ощущений и воздействие своих эмоций на свое состояние (эмоциональное самосознание) и точность самооценки. Выделяя контроль как второй компонент ЭИ, исследователь отмечает следующие характеристики: уверенность в себе (точное знание своих сильных сторон); навык обуздания своих разрушительных эмоций; открытость в выражении своих чувств и убеждений; адаптивность к многообразным требованиям жизни и к условиям неопределенности; воля к победе, заставляющая постоянно стремиться к совершенствованию; инициативность как в использовании, так и в создании благоприятных возможностей для своей эффективности. Третий компонент — социальная чуткость, по мнению ученого, включает такие качества, как сопереживание, деловая осведомленность

Важнейшие компетенции / Essential competencies

№	2020 г.	2015 г.
1	Решение комплексных проблем	Решение комплексных проблем
2	Критическое мышление	Согласованность действий с другими людьми
3	Креативность	Управление людьми
4	Управление людьми	Критическое мышление
5	Согласованность действий с другими людьми	Ведение переговоров
6	Эмоциональный интеллект	Контроль качества
7	Экспертная оценка и принятие решений	Ориентация на оказание услуг
8	Ориентация на оказание услуг	Экспертная оценка и принятие решений
9	Ведение переговоров	Активное слушание
10	Гибкость мышления	Креативность

Источник / Source: World Economic Forum, 2016.

в социальных взаимодействиях и властной иерархии, предупредительность. Четвертый компонент структуры определен Д. Гоулманом как управление отношениями; к нему относятся такие характеристики, как воодушевление других, влияние на других, помощь в самосовершенствовании, содействие изменениям, урегулирование конфликтов, сотрудничество и умение работать в команде. Говоря о мотивации, последнем компоненте ЭИ, ученый определяет ее как страстное желание достичь поставленной цели и преданность своему делу [5, с. 215].

Принимая во внимание то, что ЭИ стал одной из приоритетных компетенций, которой учащиеся должны овладевать в высшей школе, формирование и развитие вышеупомянутых навыков и умений становится в ряд первоочередных задач обучения и воспитания студентов. Это позволит им эффективно осуществлять учебную и в будущем профессиональную деятельность в обществе, быть полноценным членом социума, успешно выстраивать межличностные отношения, быть востребованными на рынке труда.

Использовать эмоциональный интеллект в практических целях в высших учебных заведениях необходимо, в том числе, для профилактики и коррекции синдрома эмоционального выгорания у студентов, снижения их физического, умственного и эмоционального истощения. Диагностика и развитие ЭИ студентов могут быть использованы для повышения их адаптивных способностей: улучшения их социальной и психологической адаптации, адаптации к учебному процессу.

Не секрет, что социальные, политические и экономические изменения, увеличение информационных потоков, многократно усиленные часто негативной подачей средств массовой информации и социальных сетей, оказывают отрицательное воздействие на психологическое здоровье общества. Уязвимыми становятся люди разных полов, возрастов, социального положения во всех сферах трудовой и учебной деятельности. Проведенные исследования доказывают, что «стадии выгорания отмечены у студентов возрасте 21–24 лет», что обусловлено большим объемом когнитивных, физических и эмоциональных затрат, необхо-

димых для получения знаний, умений и навыков в процессе обучения. Существующие данные обнаруживают также, что «студенты уже в возрасте 17–19 лет имеют признаки эмоционального выгорания, связанные с неуверенностью в правильном выборе профессии» [6].

В этом случае положительное влияние ЭИ сложно переоценить. Выводы, полученные в результате исследований, говорят о том, что при развитии эмоционального интеллекта студентов снижается уровень их «эмоционального истощения и деперсонализации, и, наоборот, при низком эмоциональном интеллекте студенты чувствуют себя опустошенными, теряют интерес к людям, проявляют меньше эмпатии и больше цинизма, что в данном возрастном периоде может усугубляться кризисом “ранней зрелости”, который проявляется в потребности изучения себя, уточнении жизненных планов и постановке целей. Развитие эмоционального интеллекта позволит испытывать больше положительных эмоций, научит делиться ими с другими людьми и принимать отрицательные эмоции, а не бороться с ними, что благотворно скажется на общем состоянии личности» [6].

Кроме того, в то время как понимание эмоциональных состояний и управления ими играет важную роль в процессе социально-психологической адаптации, ЭИ улучшает адаптационные способности в целом, «не только обогащая индивидуальный жизненный опыт, но при переходе на следующий уровень развития, создавая базис дальнейшего совершенствования системы адаптации к новой образовательной среде» [7].

Это в полной мере относится и к учебной адаптации студентов. Согласно исследованию «отмечается отрицательная корреляция на уровне высокой статистической значимости между эмоциональным интеллектом и адаптивными способностями. Это свидетельствует о том, что, чем больше развит эмоциональный интеллект обучающегося, тем выше общий уровень его адаптивных способностей». Таким образом, «ЭИ можно рассматривать как критерий успешной адаптации к учебному процессу» [8].

Эти мысли созвучны выводам, полученным в ходе проведения другого исследования, в результате которого было установлено, что «для студентов с низким уровнем адаптированности к требованиям академической и социальной

среды вуза свойственен низкий уровень как межличностного, так и внутриличностного эмоционального интеллекта. Для студентов с высоким уровнем социальной, дидактической и профессиональной адаптированности к вузу характерен высокий уровень всех структурных компонентов эмоционального интеллекта» [9].

На сегодняшний день разработаны и используются различные методики оценки, позволяющие определить уровни сформированности ЭИ. Первый тест MSCEIT (Mayer-Salovey-Caruso Emotional Intelligence) был создан американскими психологами Дж. Майер и П. Сэловэй. Р. Бар-Он в 1997 г. предложил опросник IQ-I (Emotional Quotient Inventory). Кроме названных выше методик, исследователями были разработаны SSRI (Schutte et al. Self-Report Index), TEIQue (Trait Emotional Intelligence Questionnaire), WLEIS (Wang and Law Emotional Intelligence Scale), ЭИИ (опросник на эмоциональный интеллект, разработанный Д. В. Люсиным), методика оценки EQ Н. Холла, опросник МБИ (К. Маслач и С. Джексон, адаптация Н. Е. Водопьяновой). В 2017 г. голландскими учеными была разработана Роттердамская шкала эмоционального интеллекта (REIS) [10].

На данный момент существуют две противоположные точки зрения о возможности целенаправленного развития ЭИ. Некоторые ученые считают, что «эмоциональный интеллект поддается тренировке и его можно развивать в рамках правильно организованной образовательной среды. По их мнению, эмоциональный интеллект может быть целенаправленно сформирован как у ребенка в процессе обучения и воспитания, так и у взрослого человека в ходе специально организованных тренингов» [11].

Результаты работ отечественных исследователей говорят о возможности развития и повышения уровня ЭИ при помощи тренингового воздействия. Например, после проведения авторского тренинга в Северо-Западном институте управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, показатели ЭИ у студентов-первокурсников возросли. В ходе другого эксперимента с использованием программы по развитию ЭИ, который проводился на базе Севастопольского городского гуманитарного университета среди студентов третьего и четвертого года обучения, у них «наиболее значительно возросла способность точной невербальной

передачи эмоционального состояния, а также верного декодирования невербальной информации, транслируемой другими людьми, способность видеть многообразие и вариативность эмоционального пространства, способность воспринимать собственные эмоции и чувства как бесценный опыт, способствующий развитию личности, способность вызвать у окружающих эмоциональный отклик, способность чувствовать, распознавать и учитывать эмоциональные состояния других людей и реагировать на него изменением собственного эмоционального отражения ситуации. Также

значительное развитие получила направленность студентов на людей, стремление к их познанию» [12].

Подводя итог, можно отметить, что вопрос формирования и развития эмоционального интеллекта студентов приобретает особое значение в образовании. Решение этой задачи с помощью применения методик определения уровня развития ЭИ и соответствующих тренингов позволит молодым людям успешно преодолевать трудности психологического, социального и академического характера, комфортно чувствовать себя в учебном и в перспективе рабочем коллективе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Лингводидактические, психолого-педагогические аспекты преподавания иностранного языка с учетом вызовов системы образования в эпоху цифровой экономики. Монография. Климова И. И., Мельничук М. В., ред. М.: Научные технологии; 2019. 369 с.
2. Андреева И. Н. Предпосылки развития эмоционального интеллекта. *Вопросы психологии*. 2007;(5):57–66.
3. Бреслав Г. М. Психология эмоций. М.: Академия; 2004. 544 с.
4. Кузнецова К. С. К вопросу о формировании эмоционального интеллекта. *Ученые записки. Серия: Психология. Педагогика*. 2010;4(12):84–92.
5. Гоулман Д. Эмоциональное лидерство. Искусство управлять людьми на основе эмоционального интеллекта. М.: Эксмо-Аст; 2012. 300 с.
6. Воробьева М. А. Связь эмоционального интеллекта и синдром эмоционального выгорания у студентов. *Образование и наука*. 2016;4(133):80–94.
7. Кленова М. А. Динамика развития эмоционального интеллекта у студентов вуза. *Известия Саратовского университета. Серия: Акмеология образования. Психология развития*. 2018;2(26):176–182.
8. Шандлоренко Д. Д. Эмоциональный интеллект как комплементарный компонент в структуре адаптивных способностей студентов вуза. *Общество: социология, психология, педагогика*. 2017;(3):36–39.
9. Гордиенко В. Н., Гордиенко Т. И. Уровень эмоционального интеллекта как психологический фактор адаптированности студента к вузу. *Мир науки. Педагогика и психология*. 2019;7(2):45–52.
10. Царева Н. А., Ерохин А. К. Эмоциональная компетенция сотрудника и ее оценка: Роттердамская шкала эмоционального интеллекта (REIS). *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2018;2(23):417–420.
11. Шандлоренко Д. Д. Развитие эмоционального интеллекта студентов вуза путем тренингового воздействия. *Общество: социология, психология, педагогика*. 2017;(8):66–69.
12. Журавлева М. О. Развитие эмоционального интеллекта у будущих психологов: программа и результаты тренинга. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*. 2013;(3):73–82.

REFERENCES

1. Linguodidactic, psychological, and pedagogical aspects of teaching a foreign language within the framework of the education system challenges in the digital economy era. Monograph. Klimova I. I., Melnichuk M. V., eds. Moscow: Nauchnye tekhnologii; 2019. 369 p. (In Russ.).
2. Andreeva I. N. Prerequisites for the development of emotional intelligence. *Voprosy psikhologii*. 2007;(5):57–66. (In Russ.).
3. Breslav G. M. Psychology of emotions. Moscow: Academiya; 2004. 544 p. (In Russ.).
4. Kuznetsova K. S. To the question of emotional intelligence. *Uchenye zapiski. 2010.V.3. Series: Psikhologiya. Pedagogika*. 2010;4(12):84–92. (In Russ.).
5. Goleman D. Emotional leadership. The art of managing people based on emotional intelligence. Moscow: Eksmo-Astm; 2012. 300 p. (In Russ.).

6. Vorobyeva M.A. The relationship between emotional intelligence and burnout in students. *Obrazovaniye i Nauka*. 2016;4(133):80–94. (In Russ.).
7. Klenova M. A. Dynamics of emotional intelligence development in University students. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Series: Akmeologiya obrazovaniya. Psikhologiya razvitiya*. 2018;2(26):176–182. (In Russ.).
8. Shandlorenko D.D. Emotional intelligence as a complementary component in the structure of university students' adaptive abilities. *Obschestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika*. 2017;(3):36–39. (In Russ.).
9. Gordienko V. N., Gordienko T. I. The level of emotional intelligence as a psychological factor of a student's adaptation to Higher Education. *World of Science. Pedagogy and psychology*. 2019;7(2):45–52. (In Russ.).
10. Tsareva N. A., Yerokhin A. K. Emotional competency of the employee and its assessment: Rotterdam scale of emotional intelligence (REIS). *Azimet issledovaniy: pedagogika i psyhkologiya*. 2018;2(23):417–420. (In Russ.).
11. Chandlorenko D.D. Progress of students' emotional intelligence by training impact. *Obschestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika*. 2017;(8):66–69. (In Russ.).
12. Zhuravleva M. O. Development of emotional intelligence in future psychologists: training program and results. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Series 14. Psychology*. 2013;(3):73–82. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ольга Игоревна Максимова — старший преподаватель Департамента английского языка и профессиональной коммуникации, Финансовый университет, Москва, Россия
oimaksimova@fa.ru

ABOUT THE AUTHOR

Olga I. Maksimova — Senior Lecturer, Department of English Language for Professional Communication, Financial University, Moscow, Russia
oimaksimova@fa.ru

Статья поступила 19.07.2020; принята к публикации 15.01.2021.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article received on 19.07.2020; accepted for publication on 15.01.2021.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-2-120-124
УДК 81.139(045)

Взаимосвязь когнитивных и коммуникативных аспектов при обучении иностранному языку студентов неязыковых вузов

А.В. Пономарёва^а, Е.Н. Яковлева^б

^{а,б} Финансовый университет, Москва, Россия

^а <https://orcid.org/0000-0001-6682-0149>; ^б <https://orcid.org/0000-0003-1153-2769>

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается взаимосвязь коммуникативных и когнитивных технологий в обучении иностранному языку студентов неязыковых вузов. Авторы приходят к выводу, что внедрение данных технологий позволяет ориентироваться на индивидуальность каждого студента, активизировать его мыслительные процессы (внимание, память, обработка информации), а также активизировать мотивацию и способность к обучению. В статье описываются обстоятельства и средства, благодаря которым у студентов появляется возможность улучшить знание языка, а также получить коммуникативные и речевые навыки. Также в статье представлены результаты опытного обучения студентов неязыковых факультетов, выявлена теоретическая и практическая обоснованность когнитивного и коммуникативного аспектов в процессе обучения студентов неязыковых вузов, а также установлена их взаимосвязь.

Ключевые слова: коммуникация; язык; студент; знание; коммуникативный аспект; когнитивный аспект.

Для цитирования: Пономарёва А.В., Яковлева Е.Н. Взаимосвязь когнитивных и коммуникативных аспектов при обучении иностранному языку студентов неязыковых вузов. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(2):120-124. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-2-120-124

ORIGINAL PAPER

The Relationship between Cognitive and Communicative Aspects in Teaching a Foreign Language to Students of Non-Linguistic Universities

A.V. Ponomareva^а, E.N. Yakovleva^б

^{а,б} Financial University, Moscow, Russia

^а <https://orcid.org/0000-0001-6682-0149>; ^б <https://orcid.org/0000-0003-1153-2769>

ABSTRACT

The article examines the relationship between communicative and cognitive technologies in teaching a foreign language to students of non-linguistic universities. The authors conclude that the introduction of these technologies makes it possible to focus on each student's individuality, activate his thought processes (attention, memory, information processing), and activate motivation and the ability to learn. The article describes the circumstances and means through which students can improve their knowledge of the language and acquire communication and speech skills. The paper also presents the results of experimental teaching of non-linguistic faculties, revealing the theoretical and practical validity of the cognitive and communicative aspects in teaching students of non-linguistic universities and establishes their relationship.

Keywords: communication; tongue; student; knowledge; communicative aspect; cognitive aspect

For citation: Ponomareva A.V., Yakovleva E.N. The relationship between cognitive and communicative aspects in teaching a foreign language to students of non-linguistic universities. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanity and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(2):120-124. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-2-120-124

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время образовательные стандарты обучения иностранным языкам видоизменяются из-за улучшения познавательной деятельности человека. Вместе с развитием социума происходит развитие языков. Качество и количество получаемой информации меняется. Иностранные языки становятся более востребованным и престижным элементом в многосложной структуре обучения. Перед высшими учебными заведениями остро стоит вопрос формирования у студентов коммуникативных и речевых навыков, профессиональной мобильности, которая способствует освоению различных видов деятельности [1].

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

В современном обществе знать иностранные языки считается престижно. И каждый преподаватель стремится повысить мотивацию обучающихся к получению новых знаний в этой области. Иностранный язык плотно вошел во все сферы нашей жизни. Кроме этого, языки соединяют государства, становятся средством межличностного общения. Иногда общение происходит сложно вследствие различий менталитета, но все больше случаев успешной коммуникации между носителями разных языков [2].

В связи с этим многие учебные заведения стараются особое внимание уделять профессионально ориентированному обучению студентов, формированию у них профессиональной компетенции вне зависимости от направленности факультетов. Отмечается, что в настоящее время в процессе обучения доминирует компетентностный подход. Ведущее значение в нем имеют метаумения, которые позволяют сознательно воспринимать свой вид деятельности. Новые подходы в обучении ставят на первый план реализацию знаний при помощи активной деятельности. Для этого используется взаимосвязь когнитивно-коммуникативных аспектов. Они строятся на включении в процесс обучения знаний, касающихся когнитивной психологии и лингвистики. Сама по себе когнитивная наука имеет коммуникативную направленность, объектом которой является размышление и ментальные процессы человеческого сознания. Большую популярность приобретает использование в процессе обучения коммуникативного подхода, предполагающего создание естественных условий и среды изучаемого языка. То есть такой подход предполагает применение соответствующей лингвокультуры, которая позволит глубже усвоить навыки [3].

Главным является активизация максимально приближенных к реальности условий коммуникации, которые позволят строить диалогическое общение. Таким образом, когнитивно-коммуникативные аспекты обучения направлены на освоение студентами практических навыков овладения иностранным языком, а также речевой и коммуникативной компетенции. Данные аспекты выступают с точки зрения методологии как соотнесение основных сторон обучения, таких как знание, умение и опыт, с общеобразовательными и воспитательными задачами. Для их активизации необходимо правильно подобрать приемы и выстроить процесс обучения. В современной структуре обучения формирование коммуникативной компетенции является важной проблемой, которая часто связывается с отсутствием языкового воспитания, низким уровнем языковой компетенции населения. Человек с ранних лет должен воспитывать в себе такие навыки, как способность к самостоятельному мышлению, расширение словарного запаса, развитие личности. Благодаря развитию способности к языкам человек становится более коммуникабельным и защищенным. В связи с этим в университетах при изучении иностранных языков в программу включают формирование не только лингвистических навыков, но и речевой компетенции обучающихся, так как для создания положительной психологической среды каждый человек должен овладеть культурой устной и письменной речи и навыком использования языковых средств в различных речевых ситуациях [4].

Взаимосвязь когнитивных и коммуникативных аспектов в современной структуре обучения имеет важное значение, поскольку таким образом развиваются личностные характеристики и познавательная деятельность в целом. То есть во время процесса обучения уклон может делаться и на общеобразовательные темы, такие как культура страны или ее географические характеристики. Так как человеческий язык является средством развития познания и накопления памяти, он не может формироваться только за счет изучения основ, таких как грамматическая и лексическая его составляющие. Когнитивная функция его состоит в освоении всех сторон познания [5].

Первостепенной функцией речи является коммуникативная. Она всегда ставится на первый план в процессе обучения. Кроме этого, в настоящий момент огромную роль играет развитие ментального познания. Поэтому современная образовательная среда включает в себя когнитивный и коммуникативный аспекты познания: коммуникация невоз-

можно без когниции, и наоборот. Речевое общение играет важную роль для человека и является непосредственной целью познания, получения и хранения новой информации [6].

Всестороннее развитие в процессе обучения английскому языку касается получения знаний о культуре, истории, жизни людей в стране, которая является родоначальником языка.

СОБСТВЕННОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Целью данного исследования является выявление теоретической и практической обоснованности когнитивного и коммуникативного аспектов в процессе обучения студентов неязыковых вузов, а также установление их взаимосвязи.

Многими преподавателями отмечается тот факт, что у обучающихся на неязыковых факультетах отсутствует мотивация к познанию иностранного языка. Ведь данный предмет является второстепенным и кажется неважным. Поэтому необходимо сформировать у студентов интерес к нему. Считается, что образовательный процесс должен быть построен на сочетании различных аспектов. Как правило, преобладающей является коммуникативная методика, которая способна удовлетворять потребности студентов в базовых знаниях. Сейчас данная методика также дает возможность применения полученных навыков в профессиональной деятельности. Специалисты со знанием английского языка очень востребованы на рынке. Поэтому формирование профессиональной компетенции и получение навыков языкового общения вкпе способны создать престижного специалиста своей области [7].

Преподаватель английского языка должен обучать студентов способам речевой деятельности, поэтому следует говорить о его коммуникативной компетентности. Для формирования особых навыков речевой деятельности и повышения лингвистического уровня познания необходимо постоянно практиковаться, без этого не будет результата. Для того чтобы создать практическую среду в стенах неязыкового университета, необходимо подготовить платформу, на которой студенты будут получать знания и одновременно размышлять. Современная образовательная среда способна дать возможность коммуникации и активного включения студентов в работу. Главный аспект — это заинтересованность всех участников процесса [8].

При помощи анализа научной литературы в рамках исследования была выявлена структура иностранной коммуникативной компетентности сту-

дентов неязыкового профиля. Она включает в себя получение профессиональных и лингвистических навыков, коммуникативных умений, личностных и профессиональных характеристик (см. рисунок).

Для исследования взаимосвязи коммуникативных и когнитивных аспектов при обучении студентов неязыковых высших учебных заведений была сформирована контрольная и опытная группы. Процесс обучения складывался из двух уровней.

1. Формирование лексических и грамматических навыков, а также базовой речевой компетентности.

2. Вовлечение студентов в активную языковую среду, формирование индивидуального подхода к каждому, создание среды профориентированной деятельности по формированию коммуникативной и межкультурной компетенции.

Нами было предусмотрено построение учебного процесса на основе промежуточных целей и задач обучения. Это позволило заинтересовать обучающихся и направить их деятельность в правильное русло. Метапрофессиональные умения обучающихся развивались, что показало эффективность апробированных способов работы. Применение коммуникативных и когнитивных аспектов обучения позволило активизировать познавательную деятельность студентов, усовершенствовать способы восприятия ими информации, тренировать способы грамотного оформления мыслей на иностранном языке, улучшить формирование умозаключений и выводов. Далее отмечалось улучшение речевых навыков, характеризующееся корректным оформлением предложений, хорошим темпом речи, расширением словарного запаса и правильным формулированием мыслей на английском языке. Данная методика обучения позволила создать условия для формирования языковой среды, похожей на естественную. Также студенты получали общеобразовательные сведения, способствующие улучшению коммуникативных навыков.

В конце обучения проводились опытные тесты, которые показали, что уровень владения ментальным профессиональным языком у студентов экспериментальной группы повысился. Он составил 81,2%, а у студентов контрольной группы — 39,4%. Кроме этого, уровень коммуникативной компетентности студентов экспериментальной группы вырос до 90,2%. У контрольной группы он составил 58,9% [10].

ВЫВОДЫ

Внедрение коммуникативных и когнитивных аспектов в процесс обучения благотворно влияет на

Рис. / Fig. Структура иноязычной коммуникативной компетентности студентов неязыкового профиля /
The structure of foreign language communicative competence of non-language students

Источник / Source: [9].

уровень познавательной деятельности студентов. Коммуникативно-когнитивный подход помогает лучше развивать не только базовые навыки, такие как фонетика и грамматика, но и ориентироваться на индивидуальность каждого студента, активизировать его мыслительные процессы (внимание, память, обработка информации), а также мотивацию и способность к обучению. Важно, чтобы студенты понимали необходимость знания языка и были активно вовлечены в процесс. Также не стоит забывать, что каждый преподаватель должен построить свое занятие таким образом, чтобы студент мог почерпнуть новые знания и усвоить их [11].

База обучения иностранному языку студентов неязыковых вузов строится на дискурсивном и тек-

стовом материале, получении языковой, социальной и культурной компетенции. Это способствует формированию всесторонне развитых специалистов в различных областях. Взаимосвязь коммуникативного и когнитивного аспектов познания строится на различных доктринах и имеет огромный потенциал в современной системе образования. Она позволяет работать с интересным материалом, слушать носителей языка и даже создать идентичную языковую среду, повышает мотивацию и способности студентов к реализации собственного потенциала. Кроме того, данные аспекты в обучении способствуют формированию личностной индивидуальности. Именно поэтому данные технологии в обучении студентов неязыковых вузов являются востребованными на сегодняшний момент.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Абоимов Д.Б. Теоретические и практические аспекты межкультурной коммуникации. М.: ИТДГК «Гнозис»; 2013.
2. Багдасарова Н.А. Многополярная межкультурная коммуникация: публичные выступления. *Филологические науки в МГИМО*. 2009;35(50):45–54.
3. Витлин Ж.Л. Современные проблемы обучения грамматике иностранных языков. *Иностранные языки в школе*. 2000;(5):23–26.
4. Гальскова Н.Д. Современная методика обучения иностранным языкам. М.: Аркти; 2014. 192 с.
5. Дружинин А.С. Анализ когнитивных оснований широкозначности. *Когнитивные исследования языка*. 2015;(23):458–464.
6. Карасёв С.А. Глобализация английского языка и новые задачи методики его преподавания. Язык и межкультурная коммуникация. Материалы межвузовской научно-практической конференции. Ростов-на-Дону: Изд-во ИУБиП; 2005.

7. Махмуриян К.С. Когнитивно-коммуникативные методы и технологии обучения иностранному языку // Современные проблемы преподавания иностранных языков в школе и вузе. М.: МПГУ; 2006.
8. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово; 2000.
9. Костюкова Т.А. Педагогические основы развития иноязычной коммуникативной компетенции студентов неязыковых направлений подготовки. *Язык и культура*. 2019;(46): 216–235.
10. Шамов А.Н. Реализация лингвострановедческого подхода на уроках иностранных языков. *Иностранные языки в школе*. 2003;(6):56–62.
11. Stevenson R.L. Defining International Communication as a Field. *Journalism Quarterly*. 1992:63(3):543–553.

REFERENCES

1. Aboimov D.B. Theoretical and practical aspects of intercultural communication. Moscow: Gnosis; 2013. (In Russ.).
2. Bagdasarova N.A. Multipolar Intercultural Communication: Public Speaking. *Filologicheskiye nauki v MGIMO*. 2009;35(50):45–54. (In Russ.).
3. Vitlin Zh.L. Modern problems of teaching foreign languages grammar. *Inostrannyye yazyki v shkole*. 2000;(5):23–26. (In Russ.).
4. Galskova N.D. Modern methods of teaching foreign languages. Moscow: Arkti; 2014. 192 p. (In Russ.).
5. Druzhinin A. S. Analysis of the cognitive foundations of wide implications. *Kognitivnyye issledovaniya yazyka*. 2015;(23):458–464. (In Russ.).
6. Karasev S.A. Globalization of the English language and new tasks of teaching methods. Language and intercultural communication. Materials of the interuniversity scientific-practical conference. Rostov-on-Don: Publishing House IUBiP; 2005. (In Russ.).
7. Makhmuryan K.S. Cognitive and communicative methods and technologies for teaching a foreign language. Modern problems of teaching foreign languages at school and university. Moscow: Moscow State Pedagogical University; 2006. (In Russ.).
8. Ter-Minasova S.G. Language and intercultural communication. Moscow: Slovo; 2000. (In Russ.).
9. Kostyukova T.A. Pedagogical foundations for the development of students' foreign language communicative competence in non-linguistic areas of training. *Yazyk i kul'tura*. 2019;(46):216–235. (In Russ.).
10. Shamov A.N. Implementation of the linguistic and cultural approach in foreign language lessons. *Inostrannyye yazyki v shkole*. 2003;(6):56–62. (In Russ.).
11. Stevenson R.L. Defining International Communication as a Field. *Journalism Quarterly*. 1992:63(3):543–553.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Алиса Владиславовна Пономарева — ассистент Департамента английского языка и профессиональной коммуникации, Финансовый университет, Москва, Россия
avponomareva@fa.ru

Екатерина Николаевна Яковлева — ассистент Департамента английского языка и профессиональной коммуникации, Финансовый университет, Москва, Россия
enyakovleva@fa.ru

ABOUT THE AUTHORS

Alisa V. Ponomareva — Assistant, Department of English Language and Professional Communication, Financial University, Moscow, Russia
avponomareva@fa.ru

Ekaterina N. Yakovleva — Assistant, Department of English Language and Professional Communication, Financial University, Moscow, Russia
enyakovleva@fa.ru

Статья поступила 09.06.2020; принята к публикации 27.02.2021.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article received on 09.06.2020; accepted for publication on 27.02.2021.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-2-125-128
УДК 338.14(045)

Последствия COVID-19 для экономики Африки

Н. Мпуйи Нгуала

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-5248-9659>

АННОТАЦИЯ

Ситуация с пандемией коронавируса привела не только к глобальному кризису в области здравоохранения, но и к экономическому кризису в большинстве стран мира. Все началось в декабре 2019 г. в Ухани (КНР), где был обнаружен вирус, названный COVID-19. Это было началом неясного периода для всего человечества и для африканского континента, где первый случай заражения COVID-19 зарегистрировали 14 февраля 2020 г. в Египте. По данным Программы развития Организации Объединенных Наций (ПРООН), пандемия COVID-19 является крупнейшим глобальным кризисом в области здравоохранения, с которым человечество столкнулось со времен Второй мировой войны. Данное явление также затрагивает и Африканский континент. Эта тема имеет фундаментальное значение для всего мира в целом и для африканского континента в частности, особенно с учетом того, что пандемия затрагивает все социальные и экономические слои континента, ухудшая экономическое положение африканских стран. В статье рассматривается влияние пандемии COVID-19 на экономику африканских стран. Для этого проанализированы статистические данные о пандемии COVID-19 в Африке, а также имеющиеся политические и экономические решения, материалы статей и докладов по вопросу пандемии.

Ключевые слова: COVID-19; коронавирус; последствия COVID-19; пандемия в Африке; экономический кризис в Африке

Для цитирования: Мпуйи Нгуала Н. Последствия COVID-19 для экономики Африки. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(2):125-128. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-2-125-128

ORIGINAL PAPER

Les conséquences du COVID-19 sur l'économie africaine

N. Mpuyi Ngouala

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-5248-9659>

RÉSUMÉ

La situation pandémique de COVID-19 a non seulement occasionné une crise sanitaire mondiale, mais aussi une crise économique dans la plupart des pays du monde. [7] Tout a commencé en Décembre 2019 à Wuhan, une localité de la République populaire de Chine où un virus appelé Coronavirus a été découvert avant de se répandre partout dans le monde entier quelques mois plus tard. Ce fut le début d'une période obscure pour l'humanité, et pour l'Afrique, qui a enregistré son premier cas de COVID-19 le 14 Février 2020 en Égypte. Selon le programme des Nations-Unies pour le développement (PNUD), la pandémie de COVID-19 est la plus grande crise sanitaire mondiale auquel l'humanité ait été confrontée depuis la seconde guerre mondiale (<https://www.africa.undp.org/content/rba/en/home/coronavirus.html>) et l'Afrique n'en reste pas à l'écart de cette déclaration. Ce sujet est d'une importance fondamentale pour le monde entier en général, et pour le continent africain en particulier, d'autant plus que cette pandémie touche toutes les couches sociales et économiques du continent; mettant l'économie des pays africains en position inconfortable. [16] C'est un grand défi auquel l'Afrique doit faire face. Cet article a pour but de d'aborder l'impact de la pandémie de COVID-19 sur les économies africaines. Pour ce faire, il serait judicieux d'analyser les données et statistiques de la pandémie COVID-19 en Afrique en s'appuyant sur les décisions politiques et économiques, supports, articles et rapports disponibles sur la question de la pandémie de COVID-19 en Afrique.

Mots clés: COVID-19, Coronavirus, Conséquences du COVID-19, pandémie en Afrique, crise économique en Afrique.

For citation: Mpuyi Ngouala N. Implications of COVID-19 on the African economy. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(2): 125-128. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-2-125-128

Le continent africain, autrefois sévèrement touché par le virus d'ébola, est plus ou moins épargné du coronavirus. En effet, l'Afrique est jusqu'à aujourd'hui le continent qui a enregistré le moins de cas en terme de contaminés et de décès du coronavirus.

Cela s'explique par la réaction anticipée de certains pays africains face au COVID-19 et, sans doute, du fait de son climat et de sa jeune population. Cependant, au delà de ses effets sanitaires, le COVID-19 a des effets économiques auxquels le continent africain ne sortira pas indemne.

Dès le premier cas de COVID-19 en Afrique, plus précisément en Égypte, plusieurs pays africains ont immédiatement pris des diverses mesures, en particulier les mesures liées aux distanciations sociales pour freiner la propagation du virus, en l'occurrence le confinement et la fermeture des frontières. [11] Ce qui a considérablement impacté l'économie continentale, qui dépend essentiellement du monde extérieur.

En Afrique, les conséquences économiques du COVID-19 concernent principalement la production, la consommation, le tourisme, le secteur d'emplois ainsi que les finances publiques¹. [1, 17]

En général, la fortune des économies africaines a toujours été, dans une tendance croissante, dépendante de l'économie mondiale. Selon les meilleures estimations disponibles, les économies de l'Afrique de l'ouest étaient déjà bien intégrées dans l'économie mondiale à la fin du 19ème siècle, la part de l'économie internationale dans l'économie nationale étant d'environ 10–15% au milieu du 19ème siècle, et peut-être augmentant à 20% au début du 20ème siècle. À la fin de la domination coloniale, l'ouverture (exportations+importations en pourcentage du PIB) était passée à 50%. Cette part est restée stable pendant 4–5 décennies, mais a été mesurée entre 70 et 80% au début de la crise financière à la fin des années 2000. Ainsi, l'économie africaine typique est très dépendante des marchés mondiaux, et la croissance pendant la période «Africa rising» depuis le début des années 2000 a été associée à une dépendance nettement accrue aux marchés internationaux².

---

¹ Note de synthèse: les incidences de la COVID-19 en Afrique. URL: https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/les_incidentes_de_la_covid-19_en_afrique.pdf.

² Poverty in a RISING Africa. URL: <http://documents1.worldbank.org/curated/en/949241467996692059/pdf/103948-PUB-POVERTY-AFRICA-Box394870B-PUBLIC.pdf>.

En vue de la pandémie de COVID-19, La Commission des Nations Unies pour le Commerce et le Développement (CNUCED) prévoit une chute du Produit Intérieur Brut (PIB) africain allant de 3,2% à 1,8% en 2020³. Plusieurs pays se voient baisser leurs PIB. La Banque mondiale (BM) estime que cette crise sanitaire va entraîner les économies de l'Afrique en récession, une première depuis plus de 20 ans. [14] Cette baisse de la prévision de croissance du continent s'explique par la chute du PIB de ses principaux partenaires que sont la Chine, l'Union européenne (UE) ou encore les Etats-Unis. Dans une étude du ministère tunisien du développement de l'investissement et de coopération nationale, publiée en Juin dernier, il est prévu qu'en raison de la pandémie du Covid-19, la Tunisie enregistrera en 2020 un taux de croissance négatif de -4,4%, ainsi qu'un repliement de l'investissement de -4,9% et la consommation familiale reculera de 8%. La même étude prévoit une augmentation de 21,6% contre 15% de la moyenne du chômage. Ce qui équivaut à 274 milles nouveaux chômeurs dans le pays.

La pandémie de COVID-19 touche aussi le secteur touristique, notamment le secteur de transport aérien qui est un secteur non négligeable du continent contribuant à plus de 2,5% du produit intérieur brut africain⁴. Cependant, la limitation de voyage, la fermeture des frontières ont ralenti la croissance économique de l'industrie de transport aérien du continent. Selon International Air Transport Association (IATA), l'industrie de transport aérien en Afrique contribue à 55,8 milliards de dollars américains et couvre 6,2 millions d'emplois. [4] Le coronavirus affecte les grandes compagnies aériennes telles que Ethiopian Airlines, Kenyan Airways, Egyptair, South African Airways et autres géant du transport aérien africain. Cet impact s'explique aussi par la baisse du personnel desdites compagnies et le chômage partiel son personnel.

Le secteur touristique représente une grande partie du PIB de plusieurs pays africains. [12] Pour le Seychelles, le Cap-Vert et l'Île Maurice,

---

³ Afrique/Coronavirus: le PIB pourrait passer de 3,2% à 1,8% en 2020 (CNUCED). URL: <https://www.aa.com.tr/fr/afrique/afrique-coronavirus-le-pib-pourrait-passer-de-3-2-%C3%A0-1-8-en-2020-cnuced/1781852>.

⁴ IATA 19 March 2020) Africa & Middle East — Urgent Emergency Support Requested for Airlines. URL: <https://www.iata.org/en/pressroom/pr/2020-03-19-01/>.

le tourisme contribue à plus de 25% du PIB. Le tourisme couvre plus de 20% de l'emploi dans chacun des pays cités. Pour les autres pays africains, le tourisme reste un secteur non négligeable, d'autant plus que le tourisme emploie plus d'un million de personnes dans des pays comme le Nigeria, Kenya, Tanzanie, Éthiopie, Afrique du Sud.

Au cours des crises passées, y compris la crise financière de 2008 et le choc des prix des produits de base de 2014, le tourisme africain a subi des pertes pouvant atteindre 7,2 milliards de dollars. Selon le scénario moyen, le secteur du tourisme et des voyages en Afrique pourrait perdre au moins 50 milliards de dollars en raison de la pandémie de Covid 19 et au moins 2 millions d'emplois directs et indirects.

Les finances publiques des États du continent africain ne seront pas épargnées de la pandémie du COVID-19. En effet, le choc des finances publiques des États africains est dû à la chute des recettes d'exportation du continent. [2] La commission économique des Nations Unies pour l'Afrique (CEA) estime que la pandémie de COVID-19 pourrait entraîner une baisse des recettes d'exportation de plus 100 milliards de dollars américains⁵. Les exportations de l'Afrique concernent principalement les matières premières, car plus d'un tiers des finances publiques des pays africains tirent l'essentiel de l'exportation des matières premières. [1] D'ailleurs, cette exportation des matières premières a occasionné une croissance économique impressionnante de près de 5% au cours des 14 dernières années. Cependant, à cause de la pandémie de coronavirus, le pétrole brut du continent africain fait face à un choc de demande le plus important de l'histoire du continent. En effet, l'arrêt du commerce mondial, occasionné par la pandémie de Covid-19, a pour résultat la chute des prix de pétrole. [2] À cela s'ajoute aussi le désaccord entre la Russie et l'Organisation des Pays Exportateurs de Pétrole. [9] Cela va s'en dire que la chute du prix de pétrole brut et la contraction de la demande affectent directement la finances publiques des États africains.

⁵ La CEA estime des milliards de pertes en Afrique en raison de l'impact du COVID-19. URL: <https://www.un.org/africarenewal/fr/derni%C3%A8re-heure/coronavirus/la-cea-estime-des-milliards-de-pertes-en-afrique-en-raison-de-l%E2%80%99impact-du-covid-19>.

En Afrique, la baisse du prix de pétrole concerne les pays sensibles comme le Nigéria, l'Angola, l'Algérie, le Ghana, le Cameroun, la Guinée Équatoriale, la République du Congo ainsi que le Gabon. Pour le Nigéria et l'Angola, les plus grands producteurs de pétrole du continent, les revenus pétroliers représentent plus de 90% des exportations et plus 70% de leurs budgets nationaux. La chute des prix du pétrole frappera probablement dans une proportion similaire.

La fiscalité du continent est largement menacée. Les États africains seront contraint de faire recours au monde extérieur, ce qui risque d'alourdir la dette des Pays africains.

Les gouvernements africains réclament une aide de 100 milliards de dollars y compris un moratoire sur toutes les dettes extérieures. Selon la Banque mondiale, un allègement temporaire de la dette des pays africains pourra être accordé. Les institutions de Bretton Woods par contre appellent à l'annulation dette de la part des pays du G20.

Ceci dit, un moratoire a été accordé par le G20, en l'occurrence la suspension temporaire du service de la dette des pays les plus pauvres⁶. La dette de ces pays est prolongée jusqu'en Juin 2021. Ce moratoire concerne 46 pays dont la plupart sont du continent africain. [15] Cependant, cette suspension décidée par le G20, met à l'écart les pays qui peuvent se financer sur les marchés internationaux. Sur ce, le Maroc, d'Algérie, la Tunisie, l'Égypte, la Libye, l'Afrique du Sud ainsi que l'Angola sont mis à l'écart de ce moratoire. Celui-ci fait l'objet d'un débat au sein du continent africain, d'autant plus qu'il ne prend pas en compte les créanciers privés de la dette publique extérieure de l'Afrique.

De toute évidence, la pandémie de COVID-19 met en péril toutes les économies du monde. Cependant, l'Afrique serait le continent le plus paralysé économiquement.

Cela s'explique par la forte dépendance du continent au monde extérieur. Pour faire face aux chocs extérieurs, les gouvernements africains doivent diversifier leurs économies et favoriser les zones de libres-échanges dans le continent. Par exemple, l'avènement de la Zone de libres-échanges continentale africaine (ZLECA) en

⁶ Debt Service Suspension and COVID-19. URL: <https://www.worldbank.org/en/news/factsheet/2020/05/11/debt-relief-and-covid-19-coronavirus>.

Juillet prochain sera une première démarche pour favoriser les chaînes d'approvisionnement de valeurs locales. [6] Le but étant de faire que la densité des flux économiques internes soit supérieure à celle des flux qui sont extérieurs.

CONCLUSION

Il sied de noter, que la pandémie de COVID-19 met en péril les économies du monde, et l'Afrique n'en est pas une exception. Les perturbations liées aux mesures de confinement et de fermeture des frontières mettent en situation chaotique l'économie du continent, qui dépend essentiellement du monde extérieur. Cette interdépendance se résume par la baisse des activités de production du continent. La fermeture des frontières ainsi que d'autres mesures de distanciations sociales, prises par les gouvernements africains, ont pour effet le ralentissement de la croissance économique de

l'industrie aérienne, et du secteur du tourisme y compris la baisse des recettes d'exportation des pays africains.

La pandémie de COVID-19 a aussi un impact négatif sur les finances publiques du continent africain. Cette asphyxie des finances publiques, engendrée par la baisse des recettes d'exportation a pour conséquences l'augmentation de la dette publique. Cependant, la pandémie de COVID-19 doit être une leçon cruciale pour l'Afrique. Car, elle permettra aux gouvernements africains de prendre conscience de la nécessité de diversifier les économies en créant des chaînes d'approvisionnement au niveau local. Plutôt que de continuer à dépendre des matières premières comme seule stratégie de croissance économique, l'Afrique doit mettre en place les stratégies de diversification économique et transformation des matières premières dans le continent.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Нарцисс Мпуйи Нгуала — студент четвертого курса факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия
mpouyinarcisse@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Narciss Mpuyi Nguala — 4-th year student of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia
mpouyinarcisse@gmail.com

Статья поступила 20.01.2021; принята к публикации 16.02.2021.

Автор прочтала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article received on 20.01.2021; accepted for publication on 16.02.2021.

The author read and approved the final version of the manuscript.